

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2409-1030

**ВЫПУСК № 2
2014 г.**

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Ставрополь – 2014

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Авидзба В. Ш.** – к-т филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Дмитриев А. В.** – д-р философ. наук, член-корреспондент РАН; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р истор. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р истор. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филолог. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Авксентьев В. А.** – д-р филос. наук, профессор; **Амбарцумян К. Р.** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Василенко В. В.** – д-р ист. наук, доцент; **Величко Л. Н.** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Галкина Е. В.** – д-р полит. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Иванова С. Ю.** – д-р филос. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Шебзухова Т. А.** – д-р истор. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2014
ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрашитов Э. Е. Формирование образа врага в России в годы Первой мировой войны и проблема военнопленных россиян	7
Адаменко О. В. Отношения земств регионов России с государственной властью в 1913–1917 гг.	14
Андрейченко Г. В., Сапрыкина Е. В. Семейные традиции в истории российской науки. ..	18
Булыгина Т. А. Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья 1. Духовная атмосфера в СССР после Великой Отечественной войны и общественный науки.....	22
Гладышева А. С. Формирование «Особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х – начало 1960 х гг.).....	28
Койбаев Б. Г. Проблема культурной адаптации и интеграции иммигрантов в немецкое общество во второй половине XX в.....	34
Колесникова М. Е. Эпистолярные источники в биографических исследованиях: «Кавказские письма» А. П. Ермолова.....	39
Лохова И. В. Социальный католицизм и решение рабочего вопроса в Австрии в последней трети XIX – начале XX вв.	44
Пантюхина Т. В. Венгерская иммиграция в США в XVII – первой половине XIX вв.....	49
Садченко В. Н. Специфика Святого Престола как участника международных отношений.	54
Стыкалин А. С. К истории эволюции официальных советских оценок Венгерских событий 1956 г.	60
Тельменко Е. П. «Прими лишь веру и просто в это поверь».....	67
Шандулин Е. В. К вопросу о формировании «Кавказского вопроса» в России (по материалам I–III Государственных Дум Российской империи).....	72

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бочкарёва З. В. Современные технологии правового воспитания школьников.	80
Денека И. М. О некоторых особенностях института особого мнения	87
Мерзликина Р. А., Молчанова Э. В. Ответственности за вред, причиненный публично-правовыми образованиями.....	91
Новикова О. Н. Роль Международного суда ООН в современном миропорядке.....	95
Шевченко М. В. Защита прав детей при усыновлении (удочерении) в Российской Федерации: проблемы теории и практики.	100

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Дюмон Н. Н.** Особенности лексики в публицистических текстах экономической тематики. 104
- Луговой Д. Б.** Культурно-историческая и этнолингвистическая информация в региональном топонимиконе. 108
- Погребная Я. В.** М. Ю. Лермонтов в переводческой интерпретации В. В. Набокова: стихотворение «Сон» как смысловой ключ к роману «Герой нашего времени»..... 113

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Авдеев Е. А.** Социокультурная динамика в эпоху глобализации: унификация или гетерогенность. 120
- Иванов В. В.** Этническая идентичность и художественная культура в современном мире..... 125
- Иванова С. Ю.** Семья как сфера формирования патриотических установок молодежи и сохранения исторической памяти..... 129
- Сергодеева Е. А.** Рациональность современного философского дискурса..... 135

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Галкина Е. В., Ерёмкина В. В.** Противоречия современных демократий: политологический аспект. 139
- Оноприенко А. В.** Модернизационные процессы в политической сфере современного общества..... 144

РЕЦЕНЗИИ

- Романенко С. А.** Судьба политика, судьба государства, судьба региона..... 149
- Хаванова О. В.** Вермеш Г. В вихре культурных перемен. Венгрия между 1711 и 1848 гг. 158
- Сведения об авторах 161

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCE

Abdrashitov E. E. Formation of an image of the enemy during the First World War in Russia and problem of Russian prisoners of war	7
Adamenko O. V. Relationships between district councils of Russian regions and the government in 1913–1917	14
Andreichenko G. V., Saprykina E. V. Family dynasties in the history of Russian science	18
Bulygina T. A. The intellectual life of soviet society. Article 1. The spiritual atmosphere and social sciences in the USSR after World War II	22
Gladysheva A. S. The formation of the «independent foreign policy» of Romania (mid 1950-s – early 1960-s).....	28
Koybaev B. G. The problem of immigrants' adaptation and integration into German society in the second half of the XX-th century.....	34
Kolesnikova M. E. Epistolary sources in biographical research: «Caucasian letters» by A. P.Ermolov.....	39
Lohova I. V. Social Catholicism and the solution of the labor question in Austria in the last third of the XIX - early XX centuries.....	44
Pantyukhina T. V. Hungarian immigration to the USA in the XVII - the first half of the XIX centuries.....	49
Sadchenko V. N. The specificity of the Holy See as a participant in international relations.....	54
Stykalin A. S. The evolution of the official soviet view on the Hungarian events of 1956.....	60
Telmenko E. P. «Just accept faith and just believe it».....	67
Shandulin E. V. To the question of the formation of the «Caucasian issue» in Russia (on materials of the I–III state Dumas of the Russian Empire).....	72

LEGAL SCIENCE

Bochkareva Z. V. Modern technologies of legal education of schoolchildren.....	80
Deneka I. M. Dissenting opinions: some peculiarities.....	87
Merzlikina R. A., Molchanova E. V. Liability for damage caused by public legal institutions....	91
Novikova O. N. The role of the International Court of Justice in the modern world order.....	95
Shevchenko M. V. Protection of children rights in case of adoption in the Russian Federation: theory and practice.....	100

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Dyumon N. N.** Characteristics of economic lexis in journalistic texts. 104
- Lugovoy D. B.** Cultural, historical and ethno-linguistic information in the regional toponymic system. 108
- Pogrebnaya Y. V.** M. Lermontov in the interpretation of V.V Nabokov: the poem «The Dream» as a semantic key to the novel «The Hero Of Our Time»..... 113

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Avdeev E. A.** Social and cultural dynamics in the age of globalization: unification or heterogeneity..... 120
- Ivanov V. V.** Ethnic identity and artistic culture in the modern world..... 125
- Ivanova S. U.** The family as a sphere of forming patriotic attitudes of young people and preservation of historical memory. 129
- Sergodeeva E. A.** Rationality of modern philosophical discourse. 135

POLITICAL SCIENCE

- Galkina E. V., Eremina V. V.** Contradictions of modern democracy: the politological aspect..... 139
- Onoprienko A. V.** Modernization processes in the political sphere of modern society. 144

REVIEW

- Romanenko S. A.** The fate of the politician, the fate of the state, the fate of the region..... 149
- Havanova O.V.** Vermes G. In maelstrom of cultural changes. Hungary between 1711 and 1848. 158
- Information about the authors 161

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 940.3/.4

Э. Е. Абдрашитов

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ВОЕННОПЛЕННЫХ РОССИЯН

В статье рассматриваются особенности развития в России пропагандистской кампании в годы войны и причины ее неэффективности, а также влияние пропаганды и военных неудач на отношение

российского общества к пленным соотечественникам.

Ключевые слова: пропаганда, враг, военнопленные, цензура, шпионы.

E. E. Abdrashitov

FORMATION OF AN IMAGE OF THE ENEMY DURING THE FIRST WORLD WAR IN RUSSIA AND PROBLEM OF RUSSIANS PRISONERS OF WAR

In this paper specific feature of Russian public awareness campaign during war and reason for its inefficiency is studied. The author shows how Russian society's attitude to-

wards Russian prisoners of war depended on propaganda and military defeats.

Key words: public awareness campaign, enemy, prisoners of war, censorship, spies.

В России пропагандистская война велась бессистемно, хаотично, без наличия единого контролирующего начала. Стране, особенно на начальном этапе, не хватало полиграфического оборудования и профессиональных кадров. Поэтому в первые месяцы войны во многих армиях не удалось должным образом поставить агитацию и пропаганду. Во главе войсковых газет зачастую оказывались люди неподготовленные для этой работы [15]. Военное министерство, Генеральный штаб выдают различные агитационные издания. Затем к этой работе подключаются фронтовые, армейские и даже корпусные газеты. Однако их качество находилось на низком уровне, и в большинстве случаев они не пользовались доверием среди солдат. Их содержание было полностью направлено на убеждение солдат в успешном исходе войны, тиражировании армейской героики.

В 1915 г. при ставке Верховного Главнокомандующего создается Бюро печати, которое должно было собирать информацию, поступавшую из стран Антанты и ее противников, в том числе и агитационные издания, готовить собственную агитационную продукцию и распространять ее в России и за ее пределами. Большие надежды Бюро возлагало на сотрудничество с российской периодикой. Однако из этого ни чего не вышло, и к 1916 г. стало очевидно, что Бюро не в состоянии выстроить диалог с собственной периодической печатью. С одной стороны, это было связано с непрофессионализмом сотрудников Бюро, стремившихся свою волю бесцеремонно навязывать российским газетам. С другой стороны, это связано с набирающим силу расколом между властью и обществом. Общественность, в том числе журналисты, все меньше доверяла власти

и не желала особенно активно идти на сотрудничество с ней. Значительную роль в представлениях российских властей для поднятия патриотического духа населения страны должно было играть издание агитационных брошюр. Только к лету 1915 г. выходит 1959 наименований книг с общим тиражом в несколько млн. экземпляров. Газеты тиражировали образы героев войны, наиболее популярным в этом плане становится казак Козьма Крючков [12].

Для проведения работы в нейтральных странах Генеральный штаб при поддержке других структур создает телеграфное агентство «Нордзюд» с представительствами в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене. Агентство должно было проводить пропагандистскую работу в нейтральных странах, стремясь таким образом усилить позиции страны в этих государствах. Однако значительные финансовые вливания и заверения российских представителей агентства в эффективности работы не убедили Петроград в оправданности дальнейшей работы данной организации, и в мае 1916 г. она была ликвидирована, а его функции были возложены на другие структуры.

Интерес России к нейтральным странам не был случайным. Как уже отмечалось, пропагандистские войны в 1914–1917 гг. развернулись и на их территории. С одной стороны, часть из них воюющие стороны хотели привлечь на свою сторону и по возможности подключить к боевым действиям. С другой стороны, через нейтральные страны можно было передавать информацию на территорию противника и своих союзников. В России за это направление работы отвечали МИД, военное ведомство и Петроградское телеграфное агентство. В целом следует признать, что Россия здесь проигрывала своим конкурентам, в большей степени оправдываясь, а не ведя наступление. Этому способствовали военные поражения, внутренние неурядицы, отсутствие профессиональных кадров. По мере нарастания в стране внутривластного кризиса позиции России в нейтральных государствах ослабевали [2, с. 107]. Мощь, и

сила России ставились под сомнения, как представителями политической элиты этих стран, так и рядовыми жителями.

Обе воюющие стороны активно привлекали к пропагандистским войнам представителей интеллектуальной элиты, в том числе известных художников, поэтов, писателей, актеров и т.д. Школа, университеты, культура полностью были поставлены на службу пропаганды. Представители художественных кругов воюющих сторон также оказались втянутыми в войну. Войну в 1914 г. в России воспевал Н. Гумилев, называя ее святой и великой, сравнивая участие в ней с религиозным подвигом [16, с. 97]. Над патриотическими лубками работали В.В. Маяковский и К.С. Малевич, патриотизм был присущ А. Блоку, хотя после 1917 г. он изменил к ней отношение и др. [10, с. 26].

Одной из особенностей информационной войны в 1914–1917 гг. является доминирование в качестве ретранслятора идей печатной (визуальной) продукции в условиях отсутствия телевидения и слабого развития радио. Поэтому важным элементом информационной войны становится карикатура. Каждому народу приписывались определенные негативные этнические стереотипы. В России еще до войны применялись карикатурные черты при описании немцев, их называли «колбасниками», «сосисками», «копчеными». В пруссаках отмечались воинственность, жестокость и педантизм [36, с. 86]. Особо в странах Антанты любили карикатурные образы Вильгельма II [33]. В этом плане Франц-Иосиф и османский султан имели малый интерес среди художников. В свою очередь германские и австро-венгерские художники постоянно в неприглядном свете выставляли Николая II и британского монарха.

В России ненависть к немцам в 1914 г. не имела столь яркой окраски, как сложившийся негативный образ россиян в Германии. Естественно, мы не говорим о первых днях войны, когда антигерманские настроения в обществе зашкаливали и выливались в спонтанные погромы и беспорядки. Так, один из вернувшихся из плена великих князей, где он пробыл 7 месяцев, отмечал,

что его больше всего поразило в Отечестве отсутствие злобы против немцев [24]. Его удивляло сохранение немцами – поданными России – важных постов в государственном аппарате, экономике и т.д.

В целом следует отметить, что действия российской пропаганды нельзя назвать удачными. Генерал А.А. Брусилов с горечью подчеркивал, отмечая техническую неготовность страны к войне, и провал пропагандистской кампании в России: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Даже после объявления войны прибывшие из внутренних районов России пополнения не понимали, какая это война свалилась на их головы...» [4, с. 81–82]. Власти России не до конца осознавали важность укрепления пропагандистской работы, как внутри страны, так и за ее пределами. Внутри страны неудачи российской пропаганды во многом были связаны с социокультурными особенностями русского общественного сознания, они «...своими корнями уходили в неразвитость массовой культуры в дореволюционной России» [3, с. 65].

Практически поголовная неграмотность населения затрудняла проведение пропагандистской работы в тылу и на передовой российской армии. «Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей России-матушке. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию... и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине», – писал по поводу культурного уровня солдат российской армии генерал А. А. Брусилов [4, с.83].

В стране медленно развивался рынок печатной продукции, несмотря на рост спроса на газеты в годы войны. Средства массовой информации слабо адаптировали материалы к особенностям крестьянского менталитета и образа жизни. Поэтому ставка на средства массовой информации как проводника правильных и нужным властям идей полностью провалилась. Солдаты и крестьяне не понимали язык газетных ста-

тей. Оптимизм газет не стыковался с апатией фронтовиков. Поэтому для них важным источником информации становятся слухи. Пропаганда ориентировалась на прошлое и настоящее, а слухи на будущее.

После первоначального взрыва патриотических чувств в российском обществе начинает нарастать усталость от войны. Крестьяне интересовались войной только в том смысле, насколько она затрагивала интересы их хозяйства и близких, оказавшихся на фронте. Патриотизм отсутствовал и в письмах солдат с фронта, в них шли рекомендации своим родным и близким, оставшимся в тылу о способах ведения хозяйства, о супружеской верности, о трудностях жизни в тылу и на фронте [27, с. 169].

Внутри страны и за ее пределами российская пропаганда постоянно обыгрывала проблему славянского братства. В то же время, в России многие политики данный аспект сводили к «горячему» желанию всех славян присоединится к России [3, с. 14]. Этот тезис не находил понимания среди большинства зарубежных славян. В то время как российские крестьяне и солдаты с трудом понимали, что из себя, представляет Сербия и где она находится [4, с. 82–83]. Поэтому российские солдаты мало понимали смысл тех агитационных брошюр, которые оказывались у них на руках.

Часть российских интеллектуалов также относились к войне противоречиво. М. Волошин отмечал разницу в российском и французском патриотизме. Франция напрягла всю волю и мускулы для победы, Россия погрязла в индивидуальном и парадоксальном взгляде на войну, поэтому «... мы имеем право не желать поголовного истребления германской расы; русская военная цензура, гораздо более милостива, чем французская...» [6, с. 181]. М. Цветаева осуждала крайности антигерманской кампании [35, с. 76].

Сила контрпропаганды противников России заключалась в том, что она больше ориентировалась не на объяснение высоких геополитических проблем, а обращалась к повседневности солдат. В частности,

Австро-Венгрия не имела значительных ресурсов для организации собственной массовой пропагандистской кампании, но ее действий очень опасалось высшее военное руководство России. Австро-венгерские листовки призывали российских солдат к сдаче в плен, после чего сразу закончатся их мучения и они смогут спокойно переждать войну в плену, а затем без препятствий вернуться домой. Российская пропаганда ориентировалась на военные успехи, а их было мало. В этом заключалась ее главная проблема [3, с. 13].

Весной – летом 1915 г. российская армия терпела тяжелые поражения по всему фронту, что сопровождалось общим отступлением. Затягивание боевых действий в купе с потерей колоссальных территорий негативно отразилось на экономическом состоянии страны. Ура-патриотические настроения, господствовавшие в обществе на протяжении первых месяцев войны, сменились вполне ожидаемой апатией и неверием в способность власти привести страну к победе. Поэтому в прессе все чаще стал подниматься всех волнующий вопрос: «Кто виноват?». Начался новый виток поиска общего врага, который был способен консолидировать общество.

Следует подчеркнуть, что антигерманские пропагандистские установки в 1915 г. имели определенный эффект среди городских низов и среднего класса внутри России. Барон Н.Н. Врангель по этому поводу писал: «Негодую на немецкие зверства, все с пеной у рта повторяют преувеличенные слухи о жестокостях немцев по отношению к русским, попавшим к ним в руки» [7, с. 47]. Известный российский драматург Е. Шварц с ужасом вспоминал истерию первых дней войны, когда во время показа спектакля «Король, закон, свобода» прозвучала фраза «...открыть плотины и затопить немцев», публика впала в неистовство [37, с. 600]. Публикации о бесчинствах германских властей по отношению к русским подданным, оказавшимся на территории Германии, в том числе к представителям императорской фамилии, способствовали разжиганию

ненависти к немцам в России. Они послужили одним из факторов, способствовавших немецким погромам, прокатившимся по российским городам в 1915 г. [23, с. 18].

Плохое экономическое положение в стране, в частности выразившееся в неспособности власти должным образом организовать подвоз продовольствия в большие города, привело к тому, что в апреле 1915 г. на мясных рынках Петрограда прошли волнения. 20 апреля в качестве протеста против цен на мясо на рынке женщины стали переворачивать лари торговцев и избивать их, обвиняя торговцев в спекуляции и в умышленном сокрытии продуктов. Порядок пришлось восстанавливать, используя силы правопорядка [11]. Через день ситуация повторилось, на рынке пришлось установить постоянное дежурство полиции [13]. 21 апреля аналогичные беспорядки начались в Москве.

В дальнейшем ситуация усугубилась в связи с широкомасштабным наступлением противника на Восточном фронте с мая 1915 г. К 25 мая стало очевидно, что удержать Перемышль не представляется возможным. 3 июня Ставка официально сообщила об оставлении Перемышля [30]. Пресса в целом заняла взвешенную позицию по отношению к случившемуся, однако именно моральная составляющая отступления именно от этой крепости была наиболее болезненна для россиян.

10 июня 1915 г. многотысячная толпа с портретами императора и флагами двинулась на Красную площадь, после чего она стала растекаться по близлежащим улицам. Люди заходили в магазины и требовали предъявить документы, чтобы убедиться в том, что их владельцы не были «австро-германцами». Поначалу такое свидетельство, если оно, было, помогало, но приблизительно после трех часов дня процесс окончательно вышел из-под контроля [14]. Погром «немцев» в Москве длился до конца июня 1915 г.

По свидетельству П. З. Крачковича: «Погром немецких фабрик, магазинов, квартир в Москве летом 1915 г. в действительности

был только прелюдией к тому страшному, безумному нечеловеческому пожару, который разразился и обуглил потом всю Россию. Уже тогда можно было заметить, что нервное напряжение в народе, его недовольствие достигли кульминационного пункта и что разрядить эту атмосферу должно и необходимо» [19, с. 15].

События в столицах вызвали отклик в провинции. Во многих регионах предпринимаются меры по недопущению погромов. В Казанской губернии также набирали силу антигерманские настроения [25, л. 220]. Во многом это было связано с падением уровня жизни населения, обыватель усиленно искал объяснения данному факту. Образ внутреннего врага, стремившегося извести голодом россиян, лучше всего подходил для этого. Известия о поражениях на фронте раздражали жителей страны, поэтому попытка разделаться с «германцем» в России являлась для них некоторым утешением. Кроме этого обыватель был уверен, что на фоне нарастания продовольственного кризиса в России и издевательств немцев и венгров над российскими военнопленными в Германии и Австро-Венгрии, пленные солдаты армии Германии и Австро-Венгрии в России, в частности в Казанской губернии, жили вполне вольготно [26, л. 43].

Немецкие погромы вызвали отвращение у части представителей российской политической и интеллектуальной элиты. Генерал Ю.А. Данилов был уверен в том, что погромы организовали «уличные горлопаны, которых всегда и везде много» и которым было без разницы, что крушить. Погромы, по его мнению, отражали не ненависть к немцам как таковым, а недовольство правящим режимом и его неспособностью решить внутривнутриполитические проблемы, провалами на фронте [17, с. 83]. Часть вины за разжигание страстей генерал возлагал и на российскую прессу.

В стране не был сформирован единый патриотический лагерь, а единение значительной части разных политических, классовых и национальных течений в начале войны оказалось лишь кратким эпи-

зодом. Падение авторитета власти сопровождалось бурлением практически всего населения страны [20, с. 49]. В этой связи, власть выбрала далеко не самый удачный путь единения нации, поддерживая анти-немецкую пропаганду и разжигание националистических настроений. Подобная идеология растеряла свою актуальность и притягательность в начале войны. Поэтому был растиражирован образ врага, шпиона и предателя.

Как следствие, мы видим раздувание в прессе кампании шпиономании, выразившейся в публикации информации о многочисленных разоблачениях шпионов и поимке предателей. Тактически эта политика могла дать результат на непродолжительном отрезке времени; стратегически – последствия для страны оказались крайне болезненными. Причем правительство само возглавило борьбу со шпионами и предателями. Так, осенью 1915 года началось следствие по делу о «государственной измене» военного министра В. А. Сухомлинова. Более сильного удара по авторитету военного командования и представить сложно. Именно поэтому количество военнопленных стали объяснять массовой изменой и дезертирством российских воинов.

Поэтому не раз в России военнопленные сравнивались с предателями, об этом писали реакционные газеты и публицистические издания. «Сдающийся в плен предает интересы своей Родины... Кроме вечно-го, несмываемого позора, они (сдавшиеся в плен – прим. авт.) навлекают на свою голову суровые наказания», – такая оценка пленным давалась в одной из брошюр, изданных во время войны [1, с. 8–9]. После таких размышлений обывателю очень трудно было разобраться в том, кем же являются пленные – соотечественниками, героями, нуждающимися в помощи или жалкими предателями.

Высшее военное руководство страны обсуждало проблему наказания солдат, добровольно сдавшихся в плен. Правда, здесь сразу возникал вопрос, по каким критериям определять добровольно или

недобровольно солдат попал в плен. Дальше всех в своем «патриотизме» пошел командующий 10-й армией генерал Ф. В. Сиверс, которого трудно отнести к разряду талантливых и успешных полководцев. Он предложил запретить после войны пленным возвращаться на родину. Многие офицеры отнеслись резко отрицательно к таким заявлениям. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. И. Янушевич выдвинул компромиссный вариант. Генерал предложил лишить всякой помощи со стороны государства семьи военнопленных [21, с. 483].

В своих воспоминаниях бывший военный министр России А. Ф. Ридегер прямо отмечал, что высшее военное руководство не считало нужным заботиться о положении российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, чтобы таким образом сократить количество сдающихся в плен в будущем [31, с. 424]. Более того для этой же цели предполагалось поставить на широкую основу пропаганду описания зверств противника над военнопленными, что должно было формировать у солдат чувство страха и останавливать их от сдачи в плен. Следует отметить, что в 1915 г. денежное пособие для семей солдат, попавших в плен, существенно сокращают или вообще прекращают выплачивать. На страницах газет начинают публиковать списки сдавшихся в плен, что ложилось позором на семью. В 1915 г. газета «Волга» по инициативе саратовского губернатора публикует данные списки с уведомлением о лишении пособий семей пленных [5].

Летом 1915 года Ставка Верховного главнокомандующего даже ввела запрет на отправку в Германию и Австро-Венгрию сухарей и хлеба для пленных, под тем основанием, что продовольственные посылки пополняют продовольственный фонд противника [29, л. 1]. В российском обществе постоянно обыгрывалась проблема расхищения германскими и австро-венгерскими солдатами посылок, направленных из России в Германию и Австро-Венгрию для российских военнопленных. Не раз звучали

утверждения о том, что отсылая посылки, россияне, тем самым, кормят противника [9, л. 164]. Однако Н. В. Брусилова и другие представители благотворительных организаций призывали не снижать объемы поставляемой пленным россиянам помощи, усиливая контроль за доставкой посылок в лагерь Германии и Австро-Венгрии [34].

Такого рода рассуждения не могли укрепить веру рядовых россиян в важность оказания помощи пленным. В этой связи необходимо выделить и объективные причины пассивности крестьян и других социальных групп. Значительная часть россиян имела низкий уровень жизни, который снижается в годы войны, многие семьи реально не могли пожертвовать часть доходов не только для оказания помощи абстрактным военнопленным, но даже своим родственникам, попавшим в плен.

Германские власти, напуганные такими действиями России и, боясь, что это обстоятельство приведет к ухудшению снабжения германских военнопленных в России, срочно издают в октябре 1915 г. специальную директиву, согласно которой все официальные структуры Германии должны были предпринимать меры по недопущению разворовывания посылок, адресованных российским военнопленным [22]. Чтобы, таким образом, убрать подозрения со стороны России и, следовательно, обезопасить своих военнопленных. Только осенью 1916 г. были сняты все запреты на пересылку посылок пленным из России [28, с. 178].

Неминуемость наказания при добровольной сдаче в плен старались довести до сведения солдат. В специальной памятке для новобранцев говорилось о необходимости сражаться до последнего штыка-патрона, и в случае добровольной сдачи в плен солдатам сулили самые строгие санкции после окончания войны [18, с. 9].

В мае 1916 г. в разгар компании по сбору средств в пользу военнопленных, развернутой земскими и либеральными организациями, из Ставки Верховного Главнокомандующего приходит письмо на имя Начальника Штаба Кавказской армии. В

нем говорилось «о возможном содействии к воспрещению воззваний и газетных объявлений о пожертвовании в пользу пленных и об отмене общественного характера этого дела с откровенным разъяснением обществу необходимости прекращения сердобобия там, где оно не нужно...» [8, л. 67]. Следовательно, генералитет стремился не только ограничить помощь военнопленным, но и исключить из периодики все упоминания о необходимости оказания помощи, и при удобном случае распустить все общественные организации, занимающиеся сбором средств в пользу военнопленных. Этой позиции придерживалась значительная часть окружения императора, хотя сам Николай II

стремился до минимума свести разговоры о военнопленных. В провинции цензура зачастую запрещала публиковать воззвания, призывавшие население собирать средства для пленнх россиян. Так, Ставропольский губернатор также относил военнопленных практически к разряду предателей, полагая, что увеличение им помощи будет способствовать дезертирству [9, л. 49].

В данной связи очень примечательно, что Председатель фонда Александры Федоровны князь Голицын, отчитываясь о деятельности организации в 1916 г., ни разу не использовал термин «Военнопленные», что было весьма симптоматичным явлением [8, л. 67].

Литература

1. Андрианов П.М. *Победная слава и позор плена*. – Одесса, 1916.
2. Асташов А.Б. *Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организации, средства, методы // Европейские сравнительные исторические исследования*. – М., 2002.
3. Асташов А.Б. *Пропаганда на русском фронте в годы первой мировой войны*. – М., 2012.
4. Брусилов А.А. *Мои воспоминания*. – М., 1963.
5. *Волга*. – 1915. – 1 марта.
6. Волошин М.А. *Автобиографическая проза*. – М., 1991.
7. Врангель Н.Н. *Дни скорби*. – СПб., 2001.
8. *Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.101. Оп.5. Ед. хр. 583*.
9. *ГАСК. Ф.116. Оп.1. Ед.хр. 278*.
10. Гиппиус З.Н. *Живые лица. Т.1*. – Тбилиси, 1991.
11. *Голос Москвы*. – 1915. – №79.
12. *Голос Самары*. – 1915. – №15.
13. *Голос Москвы*. – 1915. – №80.
14. *Голос Москвы*. – 1915. – №124.
15. *Голос фронта*. – 1917. – №10.
16. Гумилев Н.С. *Шестое чувство*. – М., 1990.
17. Данилов Ю.А. *На пути к крушению. Очерки последнего периода русской монархии*. – М., 1992.
18. *Краткие сведения для молодых солдат и ратников при четырехнедельном сроке обучения*. – М., 1916.
19. Крачкович П.З. *История Российской революции (записки офицера-журналиста) 1914 – 1920. Кн.1*. – Гродно, 1921.
20. Кирьянов Ю.И. *Были ли антивоенные стачки в России в 1914 г. // Вопросы истории*. – 1994. – № 2.
21. *Лодзинская операция: сборник документов империалистической войны*. – М. – Л., 1936.
22. Мальков А.А. *Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919)*. – Казань, 1971.
23. Морозова Н.В. *Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. канд.историч.наук – Волгоград, 2010*.
24. *Мы и они // Казанский телеграф*. – 1915. – 15 февраля
25. *Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 964*.
26. *НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1073*.

27. Оболенская С.В. *Германия и немцы глазами русских (XIX в.)*. – М., 2000.
28. Оськин М.В. *Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы*. – М., 2011.
29. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412. Оп. 1. Д. 344.*
30. *Речь*. – 1915. – №138.
31. Ридегер А. Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2*. – М., 1999.
33. *Саратовская почта*. – 1915. – №42–49.
34. *Северокавказский край*. – 1916. – №117.
35. Цветаева М. И. *Стихотворения и поэмы*. – М., 1990.
36. Цыкалов Д. Е. *Карикатура как орудие пропаганды в период первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2012. – Серия 4. – История. – №1.
37. Шварц Е. И. *Живу беспокойно...Из дневника*. – Л., 1990.

УДК 94(470):323.174

О. В. Адаменко

ОТНОШЕНИЯ ЗЕМСТВ РЕГИОНОВ РОССИИ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ В 1913–1917 ГГ.

Статья посвящена проблемам взаимоотношений земских учреждений России с органами государственной власти в 1913 – 1917 гг. Автор раскрывает задачи, обосновывает формы и виды деятельности земских учреждений, а также специфику отношений с властными органами разного уровня. Автор стремится проследить процесс, особенности и механизмы отношений

между властными органами и органами местного самоуправления в таком специфическом регионе, как юго-восток России. Обобщается практический опыт, накопленный местными земствами перед и во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственные органы, земства, губернаторы, император, сотрудничество.

O. V. Adamenko

RELATIONSHIPS BETWEEN DISTRICT COUNCILS OF RUSSIAN REGIONS AND THE GOVERNMENT IN 1913–1917

The article discusses the relationships between district councils of south-eastern Russia and the government in 1913–1917. The author examines the mission, forms and types of activities of local institutions, as well as the specifics of their relationships with governmental agencies of different levels. The author studies the process, features and mechanisms of relations between gov-

ernment bodies and local authorities in such specific region as the south-east of Russia. The experience accumulated by district councils before and during the First World War is summarized.

Key words: local government, government agencies, district councils, the governors, the emperor, cooperation.

Взаимоотношения земств с отдельными государственными структурами отличались определенной спецификой. Свообразные отношения сложились у органов самоуправления с верховной властью.

Судя по документам, император регулярно получал информацию о земской деятельности. Он визировал разработанные высшими государственными учреждениями законы, касающиеся органов само-

управления. С каждым годом министерские и губернаторские отчеты все большее внимание уделяли земствам. Известно, что император очень внимательно прочитывал эти отчеты, давал по ним устные или письменные отзывы. В традициях земств было послание приветственных телеграмм с «выражением верноподданнической благодарности» императору в день открытия первого губернского земского собрания. Председатели губернских и уездных земских собраний и управ постоянно ездили в Санкт-Петербург для встречи с императором или для личного контроля за «продвижением» ходатайств своих земских управ в различных ведомствах и министерствах [2, с. 2]. Так, председатель Астраханского губернского земского собрания Романов М. П. присутствовал на юбилее земства в Санкт-Петербурге, встречался с императором [12, с. 4]. Он из Санкт-Петербурга телеграфировал ежедневно о ходе своего визита в столицу, эти сведения печатались в газете «Астраханский листок» [3, с.2]. Из этого отчета можно сделать вывод об удачной, в целом, поездке Романова М. П. в столицу, все ходатайства Астраханского губернского земства были удовлетворены.

Своеобразный характер имели взаимоотношения земств с Сенатом. Сенат в окончательной инстанции разрешал большинство конфликтов земских учреждений с другими ведомствами и частными лицами. Сенаторам приходилось разбирать множество запутанных дел, возникавших в результате того, что спорные ситуации оказывались многообразнее односложных правовых норм. В случае, если ни в Первом департаменте, ни в Общем собрании Сената решение не получало одобрения в 2/3 голосов, дело передавалось в Госсовет, но количество таких дел было ничтожно мало [14, с. 1].

Сенат старался проводить собственную земскую политику. Составитель двенадцатитомного свода сенатских решений Ржевусский М. И. отмечал: «Между тем, в сенатской практике не всегда наблюдается надлежащая устойчивость взглядов

в выносимых решениях. По некоторым вопросам, имеющим весьма существенное значение для земских учреждений, Сенат, по тем или иным причинам, неоднократно менял свою точку зрения» [6, с. 57]. В этом мнении его поддержал автор монографии о губернаторах Блинов Н.: «Сенат редко руководствовался общими соображениями и не всегда опирался на прецеденты, а заботился, главным образом, об удобстве и целесообразности данного решения» [4, с. 3].

Активность Сената в земских делах была несколько снижена в результате контрреформы 1890 г. Теперь ряд дел решали на местах созданные законом губернские по земским делам присутствия, а некоторые финансовые дела передавались, минуя Сенат, в Комитет министров и Госсовет. Новым земствам удавалось подавать жалобы в этот государственный орган, минуя бюрократические препятствия. Так, Царевская уездная земская управа принесла в установленном порядке жалобу в Сенат на запрет к обсуждению в земском собрании председателем господином фон Лилиенфельдом-Тоаль включенных в повестку дня вопросов:

– по письму председателя Киевской губернской земской управы о сборе председателей земских управ в Киеве в 1914 г. по вопросу об улучшении земских финансов и об избрании на этот съезд представителей от Царевского земства;

– по отношению Уфимской губернской земской управы о возбуждении ходатайства об издании специального законопроекта об учреждении в Москве Центрального органа, содействующего во всех работах общеземского характера и по ходатайству той же управы об участии Царевского земства в земском книгопечательстве.

Царевская уездная земская управа полагала, что председатель собрания не имел основания снять с очереди эти вопросы еще и потому, что эти вопросы, выдвинутые на обсуждение губернским уездным собранием, сами по себе являются резолюциями, принятыми общеземским совещанием, и что Сенат в своих указах от 5.12. 1909 г.

за № 14119 и от 26.05.1909 № 5397, признал за земскими учреждениями право входить в обсуждение резолюции общеземского съезда [9, с. 36]. Сенат в итоге поддержал Царевское земство [11, с. 4].

Согласно Карышеву Н., категорические отказы на ходатайства земств следовали в чуть более 50 % случаев. Одиноким голосом в историографии прозвучало мнение Лаптевой Л.Е. о том, что «министерства, в рассмотрение которых поступали ходатайства земских собраний и даже управ, относились к ним достаточно внимательно и часто удовлетворяли эти ходатайства» [10, с. 79]. «Никто лучше министра внутренних дел не знает и не может знать, – писал Витте С.Ю., – что проще отменить распоряжение любой губернской власти, чем постановление земского собрания, и что с ходатайствами, даже неосновательными, земских собраний приходится совершенно иначе считаться, чем с губернаторскими предположениями» [8, с. 82].

В обществе установилось мнение, что Сенат благоволил земствам.

Среди высших и центральных государственных учреждений земства наиболее тесно контактировали с МВД. С 1904 года земские учреждения курировало созданное Главное управление по делам местного хозяйства. Канцелярия МВД занималась делами политического характера.

В российском законодательстве особенное место занимали министерские распоряжения и циркуляры. Исполнение последних было обязательным для всех земств страны. Распоряжения МВД касались только того земства, которому оно было адресовано.

Роль Государственного Совета в жизни земств была велика, хотя контакты этого учреждения с отдельными земствами осуществлялись не часто. Именно в Госсовете дорабатывались многие законы, касающиеся земских учреждений. Как уже упоминалось, в этом ведомстве разбирались жалобы на органы самоуправления, не нашедшие решения в Сенате. На непосредственный контакт с Комитетом мини-

стров земские учреждения выходили через ходатайства, однако число ходатайств, подлежащих рассмотрению в этом ведомстве, было невелико.

Особое место во взаимоотношениях с центром играли так называемые «земские ходатайства». Все же ходатайства не являлись зеркальным отражением «общественных стремлений». Закон запрещал выходить за рамки «местных польз и нужд», а с 1890 года было добавлено и слово «хозяйственных». Считаясь с этим формальным ограничением, земства иногда ходатайствовали по общероссийской проблеме, но указывая на местную необходимость в этом. Кроме того, умеренность многих ходатайств объясняется прагматическими расчетами земств на реальные шансы удовлетворения этих обращений.

Путь ходатайства был многоступенчатым и длительным во времени: гласный – собрание – управа – губернатор – МВД (нередко другое ведомство) и обратно. Для согласования ходатайство могло быть направлено из МВД в дополнительные инстанции – Министерство юстиции, Министерство финансов, Сенат и другие.

Главным виновником волокиты, и земцы это быстро осознали, был центр, на делопроизводство которого они не могли повлиять. Ситуация с ходатайствами порождала напряженность между органами самоуправления и министерством, но любые усилия земств в этом вопросе давали мало результата.

Положительная резолюция могла последовать через несколько лет, заявленная земством просьба могла войти в новый закон или циркуляр, нередко ходатайства удовлетворялись частично. Так случилось с ходатайством Астраханского губернского земства об увеличении норм отпускаемых от казны на школьно-строительные надобности [1, с. 3]. Ответ Министерства народного просвещения гласил, что ходатайство принято во внимание, и этот вопрос предусмотрен в разрабатываемом министерством законопроекте о введении всеобщего обучения [5, с. 5]. Вот еще

одно положительно решенное ходатайство Оренбургской уездной земской управы об открытии земством в г. Оренбурге низшего сельскохозяйственного училища. Оно было удовлетворено Департаментом земледелия, но при весьма непростых условиях. Государство выделило на строительство здания училища половину нужной суммы, а также гарантировало ежегодное пособие училищу 10 тыс. руб. в год [4, с. 3]. Остальные же средства должны были быть найдены в местном бюджете. Нередко МВД отвечало уклончиво. Например: «Подобного же ходатайства по другим городам не возбуждалось» [13, л. 6].

Веселовский Б. Б. насчитал 50 узаконенных, которые были инициированы земскими ходатайствами. К ним относятся законы об отмене подушной подати и соляного акциза,

учреждении Крестьянского и Дворянского банков, наделении школ землей, страховании скота, понижении выкупных платежей, отмене телесных наказаний для крестьян, освобождении учителей начальных классов от воинской повинности, сокращении срока службы в войсках для грамотных, регулировании отношений владельцев фабрик и рабочих и другие [7, с. 408].

Земские ходатайства способствовали снятию многих пут излишней регламентации деятельности, открытию новых отраслей земского дела. Государственная власть и правительство, в свою очередь, получали постоянную информацию о земских желаниях, настроениях и деятельности, расценивая ходатайства как совещательный голос с мест при разработке законодательства и издании циркуляров.

Литература

1. Астраханский листок. – 1914. – № 33.
2. Астраханский листок. – 1914. – № 3.
3. Астраханский листок. – 1914. – № 21.
4. Астраханский листок. – 1914. – № 53.
5. Астраханский листок. – 1915. – № 104.
6. Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический учебник. – СПб., 1905.
7. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. – СПб., 1911–1914. Т. 3.
8. Земское самоуправление в пореформенной России (1864–1918 гг.). Документы и материалы. учебное пособие. – М., 1995.
9. Карышев Н. А. Земские ходатайства по материалам Кахановской комиссии. – М., 1900.
10. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. – М., 1993.
11. Оренбургская жизнь. – 1914. – № 53.
12. Протоколы Первого Ставропольского чрезвычайного губернского земского собрания с приложением журналов подготовительной комиссии. 15–19 августа, 1913 г. – Ставрополь, 1913.
13. Российский государственный архив (РГИА). Ф. 1317. Оп. 1. Д. 98. Л. 6.
14. Ржевусский М.И. Алфавитный свод определений Сената по земским делам за 50 лет. В 12 т. – Харьков, 1916. Т. 1.

УДК 001(091): 314.6(470)

Андрейченко Г. В., Сапрыкина Е. В.

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Научные династии существовали в нашей стране и вносили вклад в развитие ее научно-интеллектуального потенциала. Описаны некоторые российские академические династии со скоплением выдающихся талантов на протяжении ряда поколений. Среди них родословные Струве, Бекетовых,

Ляпуновых, Боголюбовых, Воронцовых, Скрябиных и др.

Ключевые слова: наука, ученый, преемственность, семья, научная традиция, передача знаний и опыта, научная школа, академическая династия.

Andreichenko G. V., Saprykina E. V.

FAMILY DYNASTIES IN THE HISTORY OF RUSSIAN SCIENCE

The article deals with scientific dynasties which existed in our country and contributed to the development of its scientific and intellectual potential. The authors describe some of the Russian academic dynasties which produced outstanding talents throughout several generations. Some of

them are the dynasties of the Struves, the Beketovs, the Lyapunovs, the Vorontsovs, the Skryabins and others.

Key words: science, scientist continuity, family, scientific tradition, transfer of knowledge and experience, scientific school, academic dynasty.

На протяжении всей истории человечества значимый характер в истории науки играли традиции. Научные традиции, как правило, существуют достаточно длительно; они постоянно воспроизводятся благодаря вхождению в их русло новых поколений исследователей. Традиции воплощаются всюду, однако самым непосредственным образом они обнаруживают себя в следующих отношениях и действиях:

- в личных контактах ученых,
- в отношениях учитель–ученик,
- в создании научных школ и направлений.

К их числу совершенно оправданно можно отнести и династии ученых, создающих особую культурную профессиональную среду, насыщенную необходимыми чертами, событиями, людьми, знаниями и воспитывающую следующее поколение именно так, как это необходимо.

Любая профессия требует от человека любви, упорства, настойчивости и знаний, поддержки и помощи семьи. И только пере-

дача этих знаний, обогащающихся каждым поколением, создает династию. «Династия, – пишут Ромах О. В., Левочкина А., – это не призвание, не профессия, это имя, это имидж семьи, ее знамя. Быть похожим на родителей, это значит взять от них все ценное, развивать, улучшать, совершенствовать и приумножать этот багаж, а способствуют этому семейные традиции» [3].

В 1888 году основатель знаменитой французской династии биологов Альфонс Декандоль (1806–1893) выпустил труд «История науки и ученых за два века», в котором он акцентировал внимание на условиях воспитания и социальных факторах формирования личности ученого.

В начале 1920-х годов профессор Ю. А. Филипченко, основатель первой в России кафедры генетики, организовал оригинальное социально-демографическое (или евгеническое) исследование выдающихся ученых Петербурга. Материалы этого исследования содержат интереснейшие наблюдения. Описаны некоторые российские

академические династии со скоплением выдающихся талантов на протяжении ряда поколений. Среди них родословные Струве, Грот, Бекетовых, Соловьевых, Ляпуновых.

Огромный арсенал научной биографистики позволяет наблюдать разнообразие знаменитых фамилий, выделяемых в самостоятельные родовые гнезда, в которых четко прослеживается преемственная связь. Среди них семья математиков Бернулли, семья физиков Беккерели, семья астрономов Кассини, семья физиков и математиков Боров, семья биологов Гексли, семьи физиков де Бройль, Кюри. И этот список можно продолжать.

Исследование биографий российских ученых позволяет нам сделать вывод, что в нашей стране первые династии ученых появляются уже в XIX веке и продолжают до сих пор вносить вклад в развитие научно-интеллектуального потенциала нашей страны.

На протяжении нескольких поколений наблюдается всплеск выдающихся талантов, прежде всего в области математики, физики, химии и их научно-технических приложений в семье Ляпуновых. В ней появились композитор С. М. Ляпунов, и его родной брат – филолог, академик Б. Л. Ляпунов. В разных ответвлениях генеалогическое древо Ляпуновых переплетено горизонтальными и вертикальными родственными связями с родословными Сеченовых, Филатовых, с такими известными именами в науке, как математик и кораблестроитель, академик А. Н. Крылов, академик химик С. С. Наметкин, нобелевский лауреат физик П. Л. Капица [1, с. 231–241].

Основатель династии Василий Александрович Ляпунов (1778–1847) был синдиком, или уполномоченным на ведение дел Казанского университета. Потомство трех его детей – Виктора, Наталии и Михаила – оказалось необычайно даровитым.

Наталия Васильевна Ляпунова, будучи замужем за М. С. Зайцевым, процветающим купцом, стала матерью трех известных химиков-органиков, учеников А. Б. Булéroва: члена-корреспондента Петербургской

академии наук А.М. Зайцева (1841–1910) и двух его братьев – профессоров К. М. и М. М. Зайцевых.

Михаил Васильевич Ляпунов (1820–1868) стал профессором астрономии Казанского университета. Все его трое сыновей отличались выдающимися талантами: математик академик Александр Михайлович Ляпунов (1857–1918), композитор, пианист, педагог консерватории Сергей Михайлович Ляпунов (1859–1924) и филолог-славист академик Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943).

Дети Виктора Васильевича Ляпунова также не остались в стороне от научной и общественной деятельности. Две родные сестры – старшая Софья Викторовна (1842–1913) и младшая Александра Викторовна Ляпуновы – оказались матерями сыновей от одного и того же человека – Николая Крылова. В законном браке со старшей сестрой Софьей родился будущий академик А. Н. Крылов (1863–1945), знаменитый математик-механик и кораблестроитель.

Сын Николая Крылова от внебрачной связи с младшей сестрой Александрой Викторовной Ляпуновой родился во Франции и получил имя Виктор Анри (1872–1940). Он также оказался высоко даровитым потомком, выдающимся ученым-космополитом, человеком феерической судьбы.

Дочь академика А. Н. Крылова, Анна Алексеевна Крылова (1903–1996), стала женой Петра Леонидовича Капицы, и в этом браке родились будущие известные ученые – физик С. П. Капица (р. 1928) и географ А. П. Капица (1931–2011).

Продолжатели династии Ляпуновых, отец и сын, Николай Викторович Ляпунов и Андрей Николаевич, получили солидную математическую подготовку, стали видными инженерами – строителями железных дорог, в то время когда эта отрасль бурно развивалась под патронажем С. Ю. Витте. Андрей Николаевич был первым учителем выдающегося математика и просветителя Алексея Ляпунова по астрономии, математике, физике, минералогии. Для Алексея Андреевича наука никогда не была сред-

ством, а всегда была целью, подчиненной, может быть, общечеловеческим целям, но никогда не личному успеху и благополучию.

Обладая общей культурой, культурой мышления, непрерывно самосовершенствуясь и самообразовываясь, приобретали и развивали научные традиции носители фамилии Струве. Династия эта на протяжении 118 лет удивляет науку уникальными открытиями и идеями. Струве известны миру, прежде всего как «звездная» династия, состоящая из семи астрономов. Род Струве дал мировой науке ученых многих других специальностей – химиков, геологов, философов, филологов, историков, равно как и дипломатов и государственных деятелей. Основателем династии можно считать Якоба Струве (1755–1841). Чрезвычайно одаренный в математике и музыке мальчик после окончания гимназии под влиянием профессора Геттингенского университета Хайне поступил на филологический факультет этого университета. Получив образование, служил директором гимназий и лицеев во многих немецких городах. У него было семеро детей. Старший сын Карл пошел по стопам отца, став филологом и доцентом Дерптского университета. Еще один сын – Людвиг – закончил Кильский университет, получив ученую степень доктора медицины, стал профессором анатомии тоже в Дерптском университете. Один из младших сыновей Вильгельм получил степень кандидата филологии, но непреодолимый наследственный интерес к астрономии и математике заставил его переменить профессию, уйти в астрономию. Именно от него пошла «звездная» династия Струве. Академик Вильгельм Якоб Струве (1793–1864) прославился тем, что свыше двадцати лет возглавлял Дерптскую (Тартусскую) обсерваторию, а в 1839 году основал Пулковскую астрономическую обсерваторию около Санкт-Петербурга, стал ее первым директором. Продолжил дело отца, сделав Пулковскую обсерваторию, по определению американского астронома Б. Гулда, «астрономической столицей мира», Отто Вильгельм (Оттон Васильевич) Стру-

ве (1819–1905). Он возглавлял Пулковскую обсерваторию в 1862–1889 годах. Некоторые из внуков академика Василия Яковлевича Струве по семейной традиции также становятся астрономами, например, Герман Оттонович Струве. Или же – Людвиг Оттонович Струве (1858–1920), который переехал в Харьков, куда в 1894 году молодой перспективный ученый был назначен профессором кафедры астрономии Харьковского университета и директором обсерватории. Увы, последним представителем известнейшей династии астрономов становится правнук академика В. Я. Струве – Отто Людвигович Струве (1897–1963) – один из крупнейших астрофизиков первой половины XX века.

Северцев Николай Алексеевич (1827–1985), российский зоолог, зоогеограф и путешественник, один из пионеров экологии и эволюционного учения в России. В 1857–1879 годах исследовал Среднюю Азию, создал первые комплексно-географические характеристики ее природы. Труды по зоогеографическому районированию Палеарктики, птиц России и Туркестанского края. Его сын Алексей Николаевич (1866–1936), российский биолог, основоположник эволюционной морфологии животных, создатель научной школы, академик АН СССР (1925; академик РАН с 1920), академик АН Украины (1925).

Нельзя не вспомнить династию ученых Ворожцовых. Глава династии Николай Николаевич Ворожцов (1881–1941) – основатель большой школы химиков по красящим веществам, организатор и в течение ряда лет редактор журнала «Химическая промышленность», лауреат Государственной премии СССР. Его сын – Ворожцов Николай Николаевич (1907–1979) – член-корреспондент АН СССР. Занимался исследованиями в области органической химии, технологии органических красителей и промежуточных продуктов. Сын и внук Н. Н. и Н. Н. Ворожцовых – Георгий Николаевич (р. 1935) – член-корреспондент АН СССР с 1990 года, член-корреспондент РАН с 1991 года. Он продолжает научную дея-

тельность отца и деда в области органической химии. Его основные труды по химии и технологии красителей и промежуточных продуктов для них, термостойких полимеров, материалов для микроэлектроники.

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), русский невролог, психиатр и психолог, основатель научной школы, которому принадлежат фундаментальные труды по анатомии, физиологии и патологии нервной системы. Его внучка Наталья Петровна (1924), физиолог, академик РАН (1991; академик АН СССР с 1981), академик Российской АМН (1975). Ее сын Святослав Всеволодович Медведев (родился 1 июля 1949, Ленинград) – член-корреспондент РАН (1997), член Бюро Отделения физиологии (ОФ) РАН, директор Института мозга человека РАН, доктор биологических наук.

Нельзя не вспомнить о династии ученых Боголюбовых. В семье преподавателя богословия, философии и психологии, духовного писателя и протоиерея Русской православной церкви Николая Михайловича Боголюбова (1872–1934) родились три сына: старший Николай Николаевич (1909–1992), русский математик и физик-теоретик, основатель научных школ по нелинейной механике и теоретической физике, Алексей Николаевич (1911–2004) – математик, историк науки, член-корреспондент Национальной Академии наук Украины, Михаил Николаевич Боголюбов (1918–2010) – языковед, академик РАН. Сыновья старшего брата: Николай известен как математик, автор трудов по математической физике, Павел – специалист по теории составных моделей элементарных частиц, релятивистских волновых уравнений.

Заметный след в биологической науке оставили отец, сын и внук Скрябины. «Эволюция научных интересов нашей семьи, – пишет внук, академик К. Г. Скрябин, – повторяет эволюцию биологической науки. Классическая зоология у деда, классическая микробиология у отца и молекулярная биология, генная инженерия у меня» [2]. Семья Скрябиных – первая в нашей стране династия академиков.

Дед Константин Иванович и отец Георгий Константинович были не рядовыми академиками. Именем деда названа улица в Москве, именем отца – институт в Пушкине. Оба были Героями социалистического труда, лауреатами Госпремии. Константин Иванович Скрябин был академиком трех академий. «Я с детства рос среди академиков, – говорит К. Г. Скрябин. – Одна из самых ценных для меня семейных реликвий – книга деда «Моя жизнь в науке» с дарственной надписью мне, студенту биофака: «Дорогому внуку на добрую память. Я с большим удовлетворением признаю, что ты нашел верный путь для работы в глубоко интересующей тебя области науки, а это является главным фактором того, что именуется человеческим счастьем!» В дарственной надписи в другой книге, которую дед подарил моему отцу-школьнику, есть слова: «Я очень хочу, чтобы, став взрослым, ты усвоил то, чем проникнута каждая страница этой книги: любовь к труду, уважение к научному творчеству и, самое главное, громадное желание помочь человечеству в недугах». Всю жизнь мысленно я постоянно возвращаюсь к урокам деда...» [2].

Краткий экскурс в прошлое российской науки позволяет сделать вывод, что научные династии существовали в нашей стране и вносили вклад в развитие ее научно-интеллектуального потенциала.

Как повлияла трансформация России на судьбу научных династий? В ходе социологического обследования динамики кадрового потенциала российской науки было установлено, что более половины из совокупного числа прямых потомков российских научных династий продолжают трудиться в России в сфере научных исследований или разработок или обучаются в аспирантуре. Было также выявлено, что династии ученых-гуманитариев лучше адаптировались к ухудшению материальных условий и снижению престижности труда ученых, чем династии ученых-естественников. Именно потомки последних чаще всего уезжают работать за рубеж временно или постоянно. Как показыва-

ют исследования, лучше смогли сохранить себя династии, основанные академиками и членами-корреспондентами.

Анализ изменений в структуре профессиональной карьеры каждого очередного потомственного ученого свидетельствует о сокращении в каждом следующем по-

колении доли лиц, сохраняющих верность научному труду. Это приводит не только к ослаблению ретрансляции семейных ценностей, но и снижению уровня профессиональной преемственности в российском научном сообществе.

Литература

1. Голубовский М. Интеллектуальные династии: два века Ляпуновых // Нева. – 2012. – № 6.
2. Константин Скрябин – академик в третьем поколении // Известия. – 2009. 30 января. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/345007> (Дата обращения: 5.06.2014).
3. Ромах О.В., Левочкина А. Династия как фактор развития культуры // Аналитика культурологии. – 2012. – Выпуск 3 (24). [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinastiya-kak-faktor-razvitiya-kultury> (Дата обращения: 5.06.2014).

УДК 94(47).084:316.6/.7

Т. А. Булыгина

ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. СТАТЬЯ 1. ДУХОВНАЯ АТМОСФЕРА В СССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Статья посвящена духовной атмосфере и факторам ее влияния, а также состоянию гуманитарных наук как элементам интеллектуального пространства Советского Союза после окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: гуманитаристика, общественные науки, советская идеология, идеологический диктат, интеллектуальное пространство.

T. A. Bulygina

THE INTELLECTUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY. ARTICLE 1. THE SPIRITUAL ATMOSPHERE AND SOCIAL SCIENCE IN THE USSR AFTER WORLD WAR II

This paper is devoted to the spiritual atmosphere and factors of its influence, and also a condition of the humanities as to elements of intellectual space of the Soviet Union after the Great Patriotic War termination.

Key words: humanitaristics, social sciences, Soviet ideology, ideological dictatorship, intellectual space.

Первые послевоенные годы имели свои неповторимые особенности в духовной жизни советских людей. После Великой Отечественной войны, несмотря на неизбежность и даже ужесточение советского режима, зарождались те глубинные трещины в системе, которые проявились после смерти Сталина, а через 30 лет стали угрожаю-

ще большими, что, в конце концов, привело к разрушению всей советской системы.

В толще общественного сознания под воздействием Великой Отечественной войны формировались новые черты. Одновременно изменения духовной ситуации, так или иначе, отражались в государственной политике. Конец 1940-х годов в СССР – это

время, полное противоречий, чреватое альтернативными возможностями развития общества. Позже, когда победили одни тенденции, а другие были задушены или загнаны внутрь, возникла иллюзия монолитности и определенности и в действиях власти, и в поведении и настроениях общества.

Положение гуманитаристики в стране определялось социально-политическими условиями, сложившимися еще в середине 1930-х годов, однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы в жизнь и сознание советского народа. В ответ сталинский режим стремился активнее задействовать общественные науки как орудие подавления опасных общественных настроений. К началу 1940-х годов сформировалась классическая система тотального государственного контроля во всех сферах общественной жизни и в значительной степени в личной жизни советского человека.

Однако в годы войны эффективность репрессивной политики государства, как ни парадоксально, была ослаблена. Власть вынуждена была признать, что для победы над таким страшным врагом, каким была гитлеровская Германия, принуждения было недостаточно, нужно было оживить свободную волю народа. Кроме того, экстремальные условия: военные действия, оккупация значительной части советской территории – мешали развернуть массовый террор. Людям в повседневной жизни приходилось принимать самостоятельные решения, не оглядываясь на решения партии и сталинский политический курс. Война и ее победоносное завершение повлияли на рост национального самосознания, который сопровождался активизацией независимой мысли. Сыграло свою роль и знакомство тысяч советских людей не через советскую пропаганду, а лично с жизнью Европы. Кроме того, в годы Великой Отечественной войны выросла молодежь, ещё не прошедшая школы подавления, и позволявшая себе размышлять. В то же время те, кто пережил смерть близких, тюрьмы, лагеря, начали сомневаться в правильности и справедливости сталинизма.

Не надо забывать, что Великая Победа 1945-го года вселила в людей надежду на лучшую свободную жизнь, и это отразилось на состоянии интеллектуальной общности общества, деятели культуры и науки, отражая настроения народа-победителя, трансформировали их в рациональные идеи, связанные с потребностями обновления страны. Эти идеи позже вновь возвращались в общество уже в позднесоветское время, несмотря на многократные усилия власти их задушить.

Сталинский режим чутко улавливал угрозу его благополучию, идущую от новых настроений и обстоятельств. Усиление партийно-государственного диктата в духовной сфере в последнее десятилетие жизни Сталина было не только прямым продолжением политического террора 1930-х годов, но и следствием появления новых черт советской жизни. Руководство страны в целях самосохранения вынуждено было использовать идеологическое противоядие от оживления национального самосознания, от «тлетворного» влияния буржуазного Запада, от настроений населения, вошедшего в состав СССР накануне войны, против «опасных» мыслей и творческих поисков интеллигенции.

Новый «старый» идеологический курс начал формироваться еще в годы войны. Только с января 1944 по август 1945 года вышло около 20 партийных постановлений по идеологическим вопросам [3]. За агрессивностью стиля, безапелляционностью партийных оценок в этих документах ощущается озабоченность руководства, т. к. оживление общественного сознания несло скрытую угрозу режиму. Спекулируя на великом подвиге русского народа, власть под лозунгом разоблачения национализма и местничества развернула борьбу против крепнувшего чувства национального достоинства жителей республик Советского Союза. Под ударом оказались партийные организации и вся интеллигенция как союзных, так и автономных республик. Серьезным преследованиям подверглись местные гуманитарии.

Примером может служить постановление об улучшении массово-политической и идеологической работы в Татарской парторганизации от 9 августа 1944 г., в котором говорилось о серьезных политических ошибках при освещении истории в произведениях местной художественной интеллигенции [4, с. 514–515]. Обращение к народному эпосу, к прошлому своего народа расценивалось политическим руководством как националистические происки и попытки противопоставить себя русскому народу. Авторы «Очерков по истории Башкирии» и других литературных произведений обвинялись в том, что возвеличивали патриархально-феодалное прошлое и героев национального эпоса, которых ЦК назвал «разбойниками-феодалами», и недооценивалась борьба башкирских трудящихся совместно с русским народом против угнетателей [4, с. 540].

Материал этих документов был зеркалом господствующих тенденций советского обществоведения, и партийные указания тут же реализовывались в научной продукции обществоведов. Именно обществоведение должно было взять на себя функции обвинителя и судьи в политических процессах над «вольнодумными» художниками и учеными. В известной мере, партийные постановления были социальным заказом для обществоведов, т.к. часть из них активно участвовала в разработке правительственных идеологических мероприятий. Например, известный официальный советский философ М.Т. Иовчук, бывший тогда заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), готовил разгромный материал для постановления по Татарии.

Кроме того, именно ученые-обществоведы должны были обеспечить практическую сторону воссоздания всеобщего марксистско-ленинского образования. Были сделаны значительные шаги по унификации и упорядочению системы партийного просвещения. Его сеть призвана была охватить поголовно всех советских граждан. Особое внимание уделялось беспартийным, ко-

торых было сложнее держать в идеологической узде. В 1947/1948 и 1948/1949 учебных годах были разработаны единые программы для политических школ низшего звена политпроса, а в 1950 г. подготовлены единые учебные планы и созданы новые учебные пособия [5, с. 283, 291].

Другой задачей, к которой были привлечены силы ученых гуманитариев, было укрепление диктата официальной советской идеологии на территориях, вошедших в СССР в начале второй мировой войны. Были приняты решения 14 июня 1944 г. об улучшении идейно-политической работы в Молдавии – [4, с. 501], 20 января 1945 г. – в Западных областях БССР [4, с. 537] и др. Их главным мотивом была борьба «с буржуазным национализмом и буржуазной идеологией», а главным средством – распространение влияния официального советского обществоведения. Несмотря на плачевное состояние с кадрами гуманитариев в РСФСР, руководство высшей школой обязано было изыскать возможности направления историков, экономистов, философов из центра в окраинные республики. Предлагалось командировать преподавателей марксизма-ленинизма Восточной Украины в учебные заведения западных областей, из РСФСР учителей – в западные районы Белоруссии [4, с. 530]. Из России в Молдавию выехали 6 гуманитариев – кандидатов наук, завершивших учебу в аспирантуре [4, с. 535].

Вместе с тем, идеологическое руководство изыскивало средства для подготовки грамотных кадров идеологов на местах. В 1947 г. при ЦК ВКП(б) была создана Академия общественных наук. Стала поощряться защита кандидатских диссертаций лекторами партийных комитетов, для чего при Высшей партийной школе (ВПШ) ЦК ВКП(б) были созданы комиссии для приема кандидатского минимума и Совет для защиты кандидатских диссертаций [5, с. 283, 291].

Широко изученная историками кампания «проработки» деятелей литературы и искусства была звеном единой идеологической цепи, другим звеном которой была гуманитаристика. Литература рассматрива-

лась сталинским режимом как составная часть всемогущей советской идеологии, равно как и гуманитарная и общественная наука. Вопрос ставился в контексте воспитательного воздействия искусства и гуманитарной науки на массы в духе классовости и партийности. В своем пресловутом докладе секретарь ЦК ВКП (б) А. А. Жданов, используя грубые вульгаризмы, клеймит великих М. Зощенко и А. Ахматову не за бездарность и профессиональную халтуру: «Наша литература – не частное предприятие, рассчитанное на то, чтобы потрафлять различным вкусам литературного рынка». [1, с. 12]. Жданов требовал, чтобы творческая интеллигенция, руководствуясь политикой, воспитывала молодежь «в духе бодрости и революционности»: «ЦК имеет в виду подтянуть идеологический фронт по всем другим участкам нашей работы» [1, с. 21].

Взаимоотношения обществознания и власти в этот период оказались сложнее некоторых современных представлений об истории советского обществоведения конца 1940-х – начала 1950-х гг. С одной стороны, власть пыталась свести общественные науки к инструментальным функциям идеологии, и поэтому последние несли полную ответственность за неполадки в идеологической сфере советской системы. С другой, в гуманитарных и социально-экономических науках, за исключением, пожалуй, истории ВКП (б), вопреки жесткому идеологическому диктату в силу самой природы научного знания, сохранялись зерна творческого и рационального мышления. Поэтому любое интеллектуальное усилие, даже погруженное в трясину пропагандистской риторики, становилось опасным для тоталитарного руководства и требовало официальной коррекции.

Надо отметить, что после войны особое место в официальной пропаганде стало обоснование национально-государственного престижа СССР. Коммунистическая риторика прикрывала возврат к российской державности. Традиционная уваровская формула государственной идеологии, в которой православие было подменено марксизмом-ленинизмом, а самодержавие –

социалистическим Отечеством, возрожда-лась как общенациональная идея. Этому должна была соответствовать достойная атрибутика: государственные символы, институты власти и т.п. К этому ряду относится государственное образование и наука. В связи с этим появилась необходимость поднять уровень образования и «оболочки» научности в общественно-гуманитарных отраслях. Отчасти этим можно объяснить повышенное внимание партийных вождей к состоянию обществоведения в вузах и научных учреждениях, к уровню образованности самих обществоведов, к соблюдению научнообразного антуража общественных наук.

К концу войны состояние вузовского обществоведения можно назвать критическим. На 1 января 1947 года в 114 вузах страны на 39 кафедрах общественных наук не было ни одного преподавателя с научной степенью, включая заведующих кафедрами. Если во всех отраслях науки доктора и профессора в тот период составляли 6 %, а кандидаты наук – 23,5 %, то в обществоведении соответственно – 1,2 % и 12,3 % [6, с. 8]. При этом этот удельный вес работников высшей квалификации достигался за счет специалистов по гражданской истории и политической экономии. Например, в конце 1948 г. кандидатов наук по истории СССР насчитывалось 27 %, а докторов наук 4,9 %. По политэкономии кандидаты наук составляли 25,1 % и 1,5 % – доктора наук. В то же время среди преподавателей марксизма-ленинизма доктора наук составляли всего 0,2 %, а более 91 % преподавателей вообще не имели научных степеней [6, с. 8]. Иногда студентов высших учебных заведений обучали люди без высшего образования. Среди обществоведов в 1947/1948 учебном году таких вузовских обществоведов насчитывалось 3,6%, т. е. 174 из 4847 преподавателей общественных наук [6, с. 10, 17]. Половина обществоведов не имела опыта работы в высшей школе, а более 70% из них составляли люди в возрасте после 40 лет [6, с. 23]. Кроме того, партийная и пропагандистская работа отодвигали на задний план учебную и научную деятельность обществоведов.

Условия военного времени также влияли на положение вузовского обществоведения. Как отмечалось в одном из партийных постановлений, число преподавателей высшей школы уменьшилось в 1942/1943 учебном году в 2 раза. Не менее ощутимо сократился вузовский контингент профессорско-преподавательского состава и во время эвакуации в 1943/1944 году. Такое положение особенно болезненно отразилось на кафедрах общественных наук, чьи работники в громадном большинстве были мобилизованы в качестве политработников Красной Армии [6, с. 498].

Немаловажным фактором слабости развития общественных наук было их место в советской системе обучения и воспитания. Во-первых, из обществознания в огромной степени были выхолены основные признаки научного процесса, и его авторитет держался верой в коммунистические идеи и страхом перед репрессиями. В задачи кафедр общественных наук практически не входили передача определенных знаний, выработка навыков и умений. С помощью простого набора приемов преподаватели-обществоведы прививали молодым людям определенный тип социального поведения. Слабость содержания и форм преподавания обществоведения, помноженная на изменения в общественном сознании, порождали идеологическое равнодушие, неверие и даже критическое отношение к официальной политике и пропаганде среди некоторой части молодежи.

Подобная ситуация была нетерпимой с точки зрения государства, и обществоведы очень скоро почувствовали отеческую тяжесть партийной заботы. Высшее советское руководство одну из своих основных задач видело в том, чтобы «подтянуть» обществознание до новой идеологической ситуации, когда под прикрытием интернационалистской коммунистической фразеологии все глубже укоренялась русская национально-государственная идея. Корректировке, в первую очередь, подвергалась историческая наука. Историки еще в конце войны почувствовали отголоски грядущих битв

с космополитизмом. В записке Г.Ф. Александрова, начальника Управления пропаганды и агитации, тогда кандидата в члены ЦК ВКП (б) и ведущего советского философа, секретарю ЦК А. Р. Щербатову, датированной 1944 г. и в докладе секретаря ЦК, члена политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданова 14 августа 1944 г. «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». жестокой критике подверглись основные учебники по истории СССР, авторами которых были видные советские историки.

В частности Г. Ф. Александров заявлял, что в учебнике по истории СССР для студентов вузов принижается историческое прошлое России, а развитие русской культуры ставится в зависимость от западно-европейской мысли [7, с. 5, 99]. А. А. Жданов обвинял «Грекова и К^о», т. е. историков Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. В. Нечкину в научной некомпетентности. Причиной стал тот факт, что учёные добросовестно изложили суть дискуссии о норманнском происхождении Древнерусского государства и честно указали, «что длительный спор не дал окончательного решения вопроса» [7, с. 95].

Г. Ф. Александров, перечисляя недопустимые на его взгляд политические ошибки историков, среди «антипатриотических» грехов академика А. М. Панкратовой отмечает тот факт, что в учебнике по истории СССР для средних школ, вышедшем под ее редакцией, упоминаются «норманнские завоевания» и «призвание варягов» в связи с образованием Киевской Руси. Ей вменялось в вину принижение роли выдающихся деятелей русского народа. Например, не были упомянуты М. П. Лазарев и Ф.Ф. Ушаков, не было иллюстраций с изображениями Дмитрия Донского, Александра Невского, Минина и Пожарского, но в учебнике были портреты Чингисхана, Батыя, Лжедмитрия [7, с. 5–6]. А. А. Жданов пенял ученым на то, что они дали в этих учебниках отрицательную характеристику личности Ивана Грозного. Тезис о пренебрежительном отношении к прошлому России он иллюстрировал цитатой из учебника Б. Д. Грекова: «Радищев – типичный ученик французских рационали-

стов и враг мистицизма», которая якобы принижала роль русского просветителя-революционера [7, с. 102, 103].

Подвергнутая критике позиция историков вполне соответствовала прежним идейным установкам 1920-х – 1930-х гг. о царском деспотизме вообще, но шла вразрез с новой партийной доктриной о необходимости наличия в России сильного государственного правителя.

Особым нападкам уже в те времена подвергся советский историограф Н. Л. Рубинштейн, который впоследствии станет одним из фигурантов гонений на «космополитов» [2]. Ученого еще в середине 1940 гг. власть упрекала в излишней благосклонности к немецким ученым XVIII в.: Байеру, Шлецеру, Миллеру. В докладе Жданова все замечания были обобщены в политическое обвинение: «По важным вопросам эти историки (имеются в виду, прежде всего, Панкратова, Рубинштейн, Яковлев – Т. Б.) находятся под влиянием реакционных антирусских установок немецких историков», «засоряют головы советских людей идеологией явно немецкого происхождения и тем самым затрудняют нашу борьбу по морально-политическому разгрому фашизма» [7, с. 30]. Заметим лишь, что это были благонадежные советские историки.

Лояльность обществоведов определялась способностью вовремя продемонстрировать верность марксизму-ленинизму и соблюсти необходимые ритуальные при-

личия. Так, партийная подозрительность к представителям российской дореволюционной исторической школы сохранялась и после войны. На основе доносов об устных выступлениях ряда ученых им приписывались «ошибки великодержавного шовинизма». Например, так были расценены положения Е. В. Тарле о прогрессивности внешней политики Александра I и Николая I, в лекции, прочитанной им в Саратове. Так же расценили заявление Б.Д. Грекова в издательстве Наркомата военно-морского флота о том, что историки образумились и поняли, что государство и народ разделить нельзя [7, с. 115, 116]. Главным показателем качества обществоведения, таким образом, являлась не научная объективность и творческий характер, а способность грамотно маскировать великодержавность под теорию ленинизма.

Обвинение историков в следовании идеям «антимарксистской школы Покровского», первого советского историка, также приравнивалось к тяжкому идеологическому проступку. Малейшие нарушения идеологического ритуала сопровождались грозным окриком власти. Так, А. М. Панкратова получила серьезное замечание за то, что в статье «Задачи историков в условиях Великой Отечественной войны» для сборника «25 лет исторической науки СССР» не сослалась на статью Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» [7, с. 105].

Литература

1. Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». – М., 1952.
2. Из дневников С.С. Дмитриева//Отечественная история. – 1999. – № 3-6.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 7-9. – М., 1985 – 1986.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 7. – М., 1985
5. Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1938-1961 г. – М., 1986.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 64.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222.

УДК 94 (498)

А. С. Гладышева

ФОРМИРОВАНИЕ «ОСОБОГО КУРСА» РУМЫНИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ (СЕРЕДИНА 1950-Х – НАЧАЛО 1960 Х ГГ.)

Анализируется особая позиция Румынии в отношениях с СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. по вопросам идеологии, сотрудничества по линии СЭВ, а также мирового рабочего и коммунистического движения.

Ключевые слова: Румыния, Георгиу-Деж, Восточная Европа, социалистические страны, Холодная война.

A. S. Gladysheva

THE FORMATION OF THE “INDEPENDENT FOREIGN POLICY” OF ROMANIA (MID 1950-S –EARLY 1960-S)

The article deals with the history of the independent foreign policy of Romania towards the USSR in the mid 1950-s – early 1960-s in such issues as ideology, co-

operation within the COMECON and the world labour and communist movement.

Key words: Romania, Gheorghiu-Dej, Eastern Europe, socialist states, Cold War.

В течение четырех с половиной десятилетий Румыния наряду с другими странами Центральной и Юго-Восточной Европы находилась в сфере советского влияния. В этот период она оказалась вынужденной принять ценности новой политической системы, сильно отличавшиеся от традиционных. В конце первого послевоенного десятилетия отношения между СССР и Румынией начинают постепенно ухудшаться. Хронологические рамки статьи отражают узловые моменты внешней политики РНР в середине 1950-х – начале 1960-х гг., связанные с процессом постепенного дистанцирования Бухареста от Москвы. «Особый курс» Румынии во внешней политике оформляется на фоне тенденций к полицентризму в социалистическом лагере, начало которому положил советско-югославский конфликт 1948 – 1953 гг. Стремление к региональному лидерству и идеи национал-коммунизма в Румынии стали основополагающими в этом процессе.

Этапы и особенности формирования «особого курса» Румынии достаточно хорошо разработаны в румынской историографии и строятся, преимущественно, на материалах местных архивов [6–8, 10, 14].

Вместе с тем данная проблематика слабо изучена российскими историками. Необходимо упомянуть статьи А. С. Стыкалина [23, 25], А. В. Васильева [20], Т. А., Покивайловой [22], написанные на базе российских архивов. Особое место занимает изучение этой проблемы Ар. А. Улуняном, оперирующем в своих трудах документами из архивов отечественных и зарубежных спецслужб [27 – 28, 30]. Привлечение архивных документов и обзор зарубежных исследований, позволил упомянутым авторам сделать ряд важных выводов о причинах радикальных изменений во внешнеполитическом курсе Румынии и последствиях этого процесса. Однако в России по-прежнему отсутствуют исследования, посвященные истории формирования особой позиции РНР. Данная статья положит начало заполнению этой лакуны.

Исторически внешняя политика Дунайских княжеств основывалась на лавировании между разными политическими центрами, на активном использовании региональных противоречий [19–20]. Это в полной мере проявилось во внешней политике Румынии после объединения княжеств в 1859 г., и, прежде всего, в процессе лавирования между блоками в годы Пер-

вой и Второй мировых войн. Отношения Румынии со странами Востока и Запада в середине 1950-х – 1980-е гг. являются характерным примером той же исторической закономерности. В статье будут затронуты первые разногласия между позицией Румынии и СССР по вопросам идеологии, двустороннего экономического сотрудничества и сотрудничества в рамках СЭВ, а также ситуация вокруг спорных территорий.

Послевоенные взаимоотношения между СССР и Румынией претерпели важные изменения, которые можно условно разделить на три этапа: 1) (1944–1955) – абсолютное согласие по всем вопросам с позицией Советского Союза, его неоспоримый авторитет; 2) (1956–1963) – начало процесса дистанцирования Румынии, первые разногласия с СССР по вопросам внутренней и внешней политики, а также в рамках сотрудничества по линии СЭВ и мирового рабочего и коммунистического движения; 3) (1964–1989) – окончательное оформление «особого» внешнеполитического курса Румынии в рамках социалистического лагеря, расхождения по ряду ключевых вопросов, в т. ч. особая позиция в ОВД, при сохранении жесткого догматического курса Румынской коммунистической партии (РКП – наименование партии в 1965–1989 гг.; в 1948–1965 гг. – Румынская рабочая партия (РРП)).

Когда же начинаются первые противоречия в отношениях двух стран? Посол США в Румынии Ч. Тэйер уже в 1955 г. в своих донесениях указывал на особую позицию румынского руководства, которое не желает ассоциироваться в глазах американских коллег «с отростком СССР» [28, с. 32].

Первые серьезные разногласия между Москвой и Бухарестом назрели в 1956 г. в ходе процесса десталинизации с началом реабилитации жертв политических репрессий. После XX съезда КПСС на мартовском пленуме ЦК РРП лидер партии Г. Георгиу-Деж выступил с заявлением о том, что в Румынии некого реабилитировать. Тем самым Бухарест брал курс на отказ от десталинизации. При этом официально было заявлено

о согласии с линией КПСС [4, л. 78], но в действительности в румынском руководстве существовали опасения в отношении дела Л. Пэтрэшкану и вероятной реабилитации лиц, пострадавших в ходе других судебных разбирательств начала 1950-х гг. Позиция Георгиу-Дежа вызвала недовольство у двух членов Политбюро ЦК РРП – М. КонстантINESКУ и И. Кишиневского, которые окрестили Дежа «маленьким Сталиным» Румынии [11, р. 483–484]. Однако их попытки на волне кризисов 1956 г. в социалистическом лагере сместить лидера РРП не увенчались успехом, ибо Георгиу-Деж сохранил поддержку советского руководства и соратников по партии.

Несмотря на первые разногласия по вопросу десталинизации, в том же 1956 г. Румыния безоговорочно поддержала политику СССР в Венгрии и Польше, а также позицию в отношении Суэцкого кризиса 1956 г. Венгерские события вызвали опасения у румынской элиты, боявшейся того, что они перекинутся и на их страну. Это было связано, как с проживанием в стране более 1,5 млн венгров, так и с сохранявшимся недовольством режимом компартии со стороны румын, о чем свидетельствовали акции сопротивления в предыдущие годы. В ходе подавления восстания 1956 г. возникла идея передачи свергнутого премьер-министра И. Надя, нашедшего прибежище в югославском посольстве в Будапеште, одной из стран ОВД в целях его нейтрализации. Румыния представлялась одним из наиболее надежных союзников, хотя предложение Я. Кадару поступало и от польских коллег. Руководство РНР, борясь с внутренними отголосками венгерского кризиса, доказало СССР в 1956 г., что оно прочно держит в своих руках власть, и сценарий, подобный венгерскому, не может реализоваться на ее территории. Тем самым оно укрепило доверие к себе со стороны Москвы. Сложившаяся ситуация позволила решить вопрос о выводе советских войск из Румынии в 1958 г. [24, с. 75 – 80].

Процесс вывода войск имел двусторонний характер. Он был вызван как предложениями руководства РРП, так и военно-стратегическими и экономическими соображениями Москвы [15, 17]. Первые предложения о выводе советских войск с территории Румынии были озвучены в августе 1955 г. Э. Боднэрашом, занимавшим на тот момент пост министра вооруженных сил [11, р.482–483]. Реакция Москвы на это предложение оказалась негативной. С подписанием договора с Австрией и выводом советских войск оттуда в июне 1955 г. была ликвидирована юридическая основа для пребывания в Румынии, как и в Венгрии, советских войск в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. XX съезд КПСС и события в Венгрии в 1956 г. на некоторое время затормозили дальнейшие попытки Румынии вернуться к этому вопросу. В свете венгерских событий визит в Москву правительственной делегации РНР во главе с К. Стойкой 26 ноября – 3 декабря 1956 г. завершился подписанием декларации о временном характере пребывания военного контингента СССР на территории Румынии. Новый шаг на пути к реализации вывода войск был сделан в январе-феврале 1957 г., когда по инициативе СССР территорию Румынии покинули советские советники, что подчеркнуло приверженность советского руководства Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г., принятой в разгар венгерских событий, о более равноправной политике соцстран. В апреле того же года в ходе визита советской делегации во главе с А. Громыко в Бухарест было подписано соглашение, юридически закрепившее временный характер размещения советских войск в Румынии. Спустя год Н. Хрущев направил Г. Георгиу-Дежу письмо, в котором заявил о том, что в сложившейся обстановке доверия руководству РНР, он не видит необходимости в пребывании советских войск на территории Румынии [14, р. 21–24]. Последний раз советское руководство обсуждало вопрос о выводе войск на заседании Президиума ЦК КПСС в апреле 1958 г.,

а уже в мае решение было окончательно принято и одобрено на совещании Исполкома ОВД [5, с. 304]. К концу июля советский контингент был полностью выведен с территории РНР.

Вывод советских войск имел серьезные последствия для двусторонних отношений в последующие годы. Благодаря ему несколько расширилось поле внешнеполитических маневров РНР. С конца 1950-х гг. возрождается довоенная румынская идеология о сохранении и защите государственного суверенитета и недопустимости вмешательства в дела иностранных государств. Осуществляются первые попытки интегрировать эту идеологию в румынскую концепцию социализма. На этой волне страна стала инициатором ряда предложений по разоружению и сохранению мира в Европе и за ее пределами. Кроме того, в 1957 г. и 1959 г. она выступила за создание безъядерной зоны на Балканах [14, р.120]. Помимо этого, проявилась явная настороженность румынского руководства в отношении внешнеполитической позиции СССР во время Берлинского кризиса 1961 г. и Карибского кризиса 1962 г. [3, с. 74–75].

В начале 1960-х гг. возникают первые разногласия в сфере экономического сотрудничества. В 1945–1955 гг. активно развивались двусторонние экономические связи между РНР и СССР, о чем свидетельствует существование шестнадцати совместных советско-румынских обществ, двенадцать из которых были в сфере экономики. В 1955 г. Москва взяла курс на их ликвидацию. Так уже в 1956 г. было ликвидировано советско-румынское горнодобывающее общество «Кварцит», соглашение 1951 г. не было продлено [14, р. 31–32]. Помимо этого с 1949 г. Румыния являлась членом СЭВ, организации призванной координировать экономики социалистических стран [12, 16]. Идеологические расхождения между Москвой и Бухарестом возникли на фоне советских идей о разделении труда в рамках СЭВ. Румынская сторона, согласно принципам международного разделения труда, должна была ориентироваться

на развитие сельского хозяйства и нефтяной промышленности. Руководство РНР узрело в советских идеях попытку превратить страну в поставщика сырья для более развитых государств. На заседаниях Президиума ЦК КПСС обсуждались опасения румын по поводу вмешательства Советского Союза во внутригосударственные дела. Лидеров РРП настораживали директивы СССР по пятилетним планам развития экономики в странах народной демократии [5, Т. 2., с. 109–110]. Георгиу-Деж в ответ на мероприятия Советского Союза выступил на пленуме ЦК РРП в ноябре 1958 г. с идеей предоставления абсолютной независимости социалистическим странам в определении направлений развития национальных экономик. Идея этой доктрины принадлежит представителю РНР в СЭВ А. Бырлэдяну. В начале 1959 г. группа румынских экономистов во главе с А. Бырлэдяну разработала программу развития национальной экономики на 15-летний период (1960–1975) «Директивы Политбюро – проект программы экономического развития РНР на ближайшие 10–15 лет» [14, р. 36]. Этот план представлял собой фактически переложение на румынские реалии советской программы индустриализации. Согласно проекту, РНР должна была стать индустриальной страной с упором на развитие тяжелой промышленности при подчинении сельского хозяйства индустрии.

В феврале 1962 г. советская сторона направила партийному руководству стран-членов СЭВ письмо, в котором изложила проблемы, требующие рассмотрения в рамках экономического сотрудничества, среди которых было и предложение об использовании принципов международного разделения труда, обсуждение СЭВ проблем, которые не могут быть разрешены на уровне двустороннего сотрудничества [9, р. 78–79]. В июне 1962 г. в Москве на совещании представителей стран-участников СЭВ Г. Георгиу-Деж выступил с заявлением, что различные уровни экономического развития стран-членов СЭВ требуют особого подхода к каждой стране в отдельности в решении проблем, связанных с экономическим развитием.

1963 год был отмечен эскалацией конфликта между СССР и РНР по вопросам экономического сотрудничества. В феврале 1963 г. на IV заседании Исполкома СЭВ представитель от Румынии А. Бырлэдяну выступил против создания единого органа планирования экономики стран-участниц СЭВ, аргументировав это ущемлением их суверенитета. 20 февраля Н. Хрущев в ходе двусторонней беседы с А. Бырлэдяну обвинил Румынию в автаркии, стремлении налаживать торговые отношения с капиталистическими странами только на двусторонней основе. В ответ А. Бырлэдяну указал на то, что возникшие проблемы могут быть решены только через плановое сотрудничество на добровольной основе, через абсолютное уважение суверенитета и невмешательство в дела каждой страны [9, р. 92]. На волне экономических противоречий в том же 1963 г. Румыния совершила одиозный шаг, отменив глушение радиостанции «Свободная Европа». Долгие годы население, находившееся в информационной изоляции, получило доступ к зарубежному вещанию. Радиостанции Запада выступили в поддержку этой акции, что еще больше обострило отношения Румынии с Советским Союзом [28, с. 102].

В 1964 г. конфликт в сфере экономического сотрудничества подогрела статья профессора Московского университета Э. Б. Валева «Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР», опубликованная в Вестнике МГУ [2]. Публикация не имела никакого политического подтекста, однако румынское руководство узрело в ней планы СССР о превращении РНР в хозяйственный придаток более развитых стран социалистического лагеря [22]. Статья была окрещена «планом Валева» и под таким названием продолжает фигурировать в трудах не только румынских, но и болгарских и даже отечественных историков. Фактически работа Э.Б. Валева дала повод для теоретической проработки вопроса о взаимоотношениях стран-участниц СЭВ.

Еще одной стороной противоречий между СССР и Румынией оставались территориальные претензии последней на Бессарабию. В ходе Второй мировой войны при заключении соглашения о перемирии в сентябре 1944 г. страна отказалась от претензий на Бессарабию и тем самым заручилась поддержкой Советского Союза для благоприятного разрешения трансильванского вопроса [21, 26]. Территориальная целостность Румынии в новых границах была окончательно закреплена Парижским мирным договором 1947 г. и подтверждена советско-румынским договором 1961 г. о межгосударственном пограничном режиме. Тогда же, в начале 1960-х гг., Румыния начинает вновь поднимать вопрос о Бессарабии. Так, 25 сентября 1964 г. на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждался двусторонний визит китайской делегации в Румынию в августе 1964 г. и румынской делегации во главе с председателем Совета Министров Г. Маурером в Китай в сентябре того же года [5, с. 859]. На повестке дня было заявление представителя китайской стороны Чен И о том, что румыны в ходе визита высказывали свои территориальные претензии по отношению к СССР. Официально вопрос о пересмотре границ 1940 г. не ставился, но советская сторона всегда очень настороженно относилась к мелькавшей в умах румынских коммунистов идее о праве Румынии на Бессарабию как, по их мнению, на одну румынскую исконную территорию.

Кульминацией формирования особой линии внешней политики Румынии стала «Декларация о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения», принятая на расширенном Пленуме ЦК РРП в апреле 1964 г [1]. Ситуация вокруг советско-китайского конфликта, в котором Бухарест выступил в качестве посредника [18], создала питательную среду для оформления новых принципов внешней политики Румынии. В опубликованной Декларации на этом фоне были отражены две текущие проблемы международных отношений (опреде-

ление характера отношений между коммунистическими и рабочими партиями; между социалистическими государствами) и новые принципы румынской политики (суверенитет, равноправие, невмешательство во внутренние дела, взаимовыгодное сотрудничество) [1, р. 36–37, 41, 45–46]. Румыния стала первой страной социалистического лагеря четко сформулировавшей подобные принципы, которые в последующие годы были положены в основу ее внешнеполитического курса.

Противоречия между СССР и РНР назревали постепенно и касались вопросов внутренней и внешней политики, вопросов идеологии мирового коммунистического и рабочего движения, вопросов экономического и стратегического сотрудничества в рамках СЭВ и ОВД соответственно. Однако стоит отметить, что в середине 1950-х – середине 1960-х гг. политика дистанцирования не являлась целостной, а представляла собой лишь отдельные мероприятия, противоречившие общей линии КПСС. К середине 1960-х гг. внешняя политика Румынии развивается на фоне тенденций к полицентризму внутри двух противостоявших военно-политических блоков НАТО и ОВД. Страна становится оплотом одного (югославо-румынского) из четырех центров коммунистического движения наряду с московским, китайско-албанским и западно-европейским во главе с Италией [29, с. 135].

В рассматриваемый период руководство Румынии, стремясь укрепить национальные интересы, прежде всего, в экономической сфере, начинает политику лавирования как в рамках социалистического лагеря, так и за его пределами. Страна совершает попытку резко сместить приоритеты с интересов всего блока на интересы своей страны, понимавшиеся в духе национальной модели коммунизма. Системные кризисы первого послевоенного десятилетия позволили Румынии в середине 1950-х – начале 1960-х гг. занять наиболее выгодную для нее позицию, эволюционировавшую от абсолютной солидарности с Москвой к открытому конфликту с ней. Анализируя

специфику румынской внешней политики в отношении СССР, можно сделать вывод, что она получила развитие только благодаря следующим факторам: 1) изменению политики СССР в отношении стран своей сферы влияния в условиях советско-югославского конфликта и его преодоления после 1953 г., а

также на волне кризисных явлений 1956 г., 2) ситуации, сложившейся в советском руководстве после смерти Сталина, 3) международному контексту, в котором эволюционировали отношения между Востоком и Западом, 4) ловкости румынского руководства в противодействии советскому давлению [13, p. 139].

Литература

1. Declarație cu privire la pozitia Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a C.C. al P.M.R. din aprilie 1964. – București, 1964.
2. Валев Э.Б. Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР // Вестник МГУ. Серия География. – 1964 – № 2.
3. Грибков А. И. Судьба Варшавского Договора. Воспоминания. Документы. Факты. – М., 1998.
4. РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.399.
5. Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / под ред. А. А. Фурсенко. – М., 2004. Т. 1 – 2.
6. Anton M. Iesirea din cerc: politica externa a regimului Gheorghiu-Dej. – Bucuresti, 2007.
7. Buga V. Relațiile politice româno-sovietice, 1953 – 1958, I // Arhivele totalitarismului. – București, 2004. – № 1 – 2.
8. Buga V. Relațiile politice româno-sovietice, 1953-1958, II // Arhivele totalitarismului. – București, 2004. – № 3 – 4.
9. Cătănus D. Divergențele româno-sovietice din C.A.E.R. și consecințele lor asupra politicii externe a României 1962-1963 // Arhivele totalitarismului. – București, 2005. – № 3 – 4.
10. Cătănus D. Tot mai departe de la Moscova... Politică externă a României în contextul conflictului sovieto-chinez: 1956 – 1965. – București, 2011.
11. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului roman. – București, 1998.
12. Costache B. România și C.A.E.R., 1949 – 1960 // Arhivele totalitarismului. – București, 2000. – № 3 – 4.
13. King Robert R. A history of the Romanian Communist Party. – Hoover Press Publication, 1980.
14. Moraru C. Politica externă a României: 1958-1964. – București, 2008.
15. România. Retragerea trupelor sovietice – 1958 / Coord. I. Scurtu. – București, 1996.
16. Țăranu L. România în Consiliul de Ajutor Economic Reciproc: 1949 – 1965. – București, 2007.
17. Verona S. Military Occupation and Diplomacy. Soviet Troops in Romania, 1944 – 1958. – Durham and London, 1992.
18. Yong L. Sino-romanian relations 1950's – 1960's. – Bucuresti, 2006.
19. Васильев А. В. Влияние исторических традиций на формирование внешней политики Румынии: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2001.
20. Васильев А. В. «Особый курс» Н. Чаушеску – внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. – М., 2001. – № 4.
21. Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. – М., 2008.
22. Покивайлова Т.А. От Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. – М., 2013.
23. Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. Сб. статей. – М., 2010.
24. Стыкалин А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь-декабрь 1956 года) // Славяноведение. – 2000. – № 1.

25. Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. – М., 2011.
26. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. – М., 2000.
27. Улуян Ар.А. 1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. – М., 2013.
28. Улуян Ар.А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). – М., 2013.
29. Улуян Ар.А. Кризис «коммунистического единства»: балканский аспект (середина 60-х – начало 70-х гг. XX в.) // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. – М., 2008.
30. Улуян Ар.А. Румыния – 1978. Защищая «особый курс» // Европейские сравнительно-исторические исследования. – М., 2014. – Вып. 4: Восток на Западе, Запад на Востоке.

УДК 325.14(430)

Б. Г. Койбаев

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В новейшей истории феномен иммиграции стал массовым. В немецкоязычном дискурсе появился вопрос о межкультурном взаимодействии иммигрантов и принимающего сообщества. В этом диалоге оказались задействованы общественные,

государственные, политические и религиозные институты.

Ключевые слова: иммиграция, межкультурное взаимодействие, немецкое общество, мультикультурализм, политические партии ФРГ.

B. G. Koybaev

THE PROBLEM OF IMMIGRANTS' ADAPTATION AND INTEGRATION INTO THE GERMAN SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XX-TH CENTURY

In the contemporary history the immigration phenomenon has become massive. In the German discourse there appeared a question concerning the intercultural interaction of immigrants and the society accepting them. Social, governmental, political and re-

ligious institutions have got involved in that dialogue.

Key words: immigration, intercultural interaction, the German society, multiculturalism, political parties of the FRG (the Federal Republic of Germany).

Проблема культурной адаптации и интеграции иммигрантов в немецкое общество, начиная со второй половины XX в. стала объектом исследования социологов, политологов и историков. Исследователи пришли к мнению, что статистика распределения социальных позиций у иммигрантов имеет культурную и этническую природу, которая, с точки зрения историков, является чуждой немецкому обществу традицией. А по мнению социологов и политологов при-

чина общественной отчужденности скрывалась в недостатках социализации.

Так или иначе, тема иммиграции и культурной гармонии стала разрабатываться на государственном уровне. Проведение в жизнь методов культурной и социальной интеграции мигрантов стало областью задач профессиональных политиков и чиновников.

В связи с этим в лексикон немецких политологов, социологов и историков в рассматриваемый период прочно вошло по-

нятие мультикультурализм [5, с. 125–146]. Этот термин обобщает ряд социально-политических теорий в области культурного строительства, которые выступают за государственное признание и защиту культурных различий населения страны. Цель мультикультурализма – мультикультурное общество, где нет побуждения или принуждения к ассимиляции отличных общественных групп со стороны государства или же негосударственных институтов. Напротив, различные этнические и культурные группы должны существовать рядом друг с другом, не теряя своей идентичности. При этом такая модель общества основывается на предпосылке, что члены одних сообществ проявляют в отношении представителей других сообществ понимание, уважение, толерантность, а также признают взаимное равноправие. А возникающие в мультикультурном обществе конфликты следует минимизировать за счет соответствующего культурного воспитания и с помощью антидискриминационного законодательства.

История употребления самого термина в большой политике ФРГ восходит к 1989 году. Она связана с корректировкой курса СДПГ в отношении иммигрантов внутри страны. В обновленной партийной программе 1989 года (Берлинская программа) социал-демократы констатировали, что «страны Европы стали мультикультурными». И далее: «Культурное многообразие нас обогащает. Поэтому мы хотим делать всё, что способствует пониманию, уважению, и сотрудничеству между различными нациями и культурами, что делает возможным интеграцию и участие» [12, с. 24]. В этой связи СДПГ обещали наделить «иностранцев» правом голоса на коммунальных выборах и улучшить закон о пребывании иностранных граждан. Участие иммигрантов в избирательном процессе, по мнению авторов программы, вероятно, должно было привить им чувство общей гражданской ответственности.

Тут следует вспомнить, так называемый, «Меморандум Кюна», первого уполномоченного по делам иностранцев. Хайнц Кюн (член СДПГ) еще в 1979 году, вступив

на свой пост, предложил ввести избирательное право на коммунальных выборах, и сделать множество других прогрессивных для того времени шагов. Но, в 1970-х – начале 1980-х годах эти предложения расходились с мнением общественного большинства, и в этом смысле опережали свое время. Немцы не были готовы принять иммигрантов как непреложную в своем постоянном присутствии составную часть общества. Соответственно, политика партий ХДС/ХСС и СДПГ проводилась в духе этих чаяний.

Первой «белой вороной» в этом вопросе стала партия «Зеленых», образованная в 1980-м году. В первую партийную программу они ввели пункт «Против дискриминации иностранцев». Для «Зеленых», всегда считавшихся выразителями интересов меньшинств, «многие иностранные рабочие и члены их семей в ФРГ являлись важной и равноценной частью местного населения». Они требовали, чтобы «коллеги-иностранцы и их семьи по желанию наделялись всеми гражданскими правами нашего общества» [6, р. 29].

Следует в этой связи привести некоторые из конкретных программных требований:

1. Свободное политическое участие для всех демократических организаций иностранцев.
2. Никакой высылки или отказа для политически преследуемых иностранцев.
3. Запрет на любую деятельность фашистских и других террористических организаций.
4. «Зеленые» требуют избирательного права для иностранных сограждан в коммунальной сфере с начала их пребывания. На земельном и федеральном уровне следует признавать избирательное право (активное и пассивное) после пяти лет пребывания в ФРГ.
5. Дискриминация детей иностранцев в немецких школах, ввиду различных факторов, таких как, языковые трудности, должна быть, наконец, прекращена.
6. Дети-иностранцы должны дополнительно получать уроки на их родном языке.

7. Детям иностранцев должна предоставляться правовая возможность для приобретения немецкого гражданства [6, s. 29].

Можно сказать, что «Зеленые» были «первыми ласточками» мультикультурализма. Их курс, со временем приобретая более четкие формы, в течение десятилетий оставался неизменным. Но как нам представляется, в обществе и политике дискурс о включении некоренных жителей Германии в единое с немцами общество окончательно созрел лишь к моменту написания Берлинской программы СДПГ (1989). На рубеже 1980–1990-х годов в качестве проводника мультикультурализма от консерваторов выступил политик из ХДС Хайнер Гайслер (Heiner Geißler). Он констатировал необратимость произошедших изменений в обществе и поднял вопрос о сценарии дальнейшего развития: «Вопрос стоит уже не в том, хотим ли мы жить вместе с иностранцами, а всего лишь – в том, как мы будем с ними жить. Мы должны настроиться на то, чтобы сосуществовать в будущем с миллионами человек, которые имеют другое происхождение, другое восприятие жизни, другие традиции и обычаи. Поэтому, мы не станем терять нашу национальную идентичность» [4, s. 14]. Высказывание Гайслера противоречило пониманию иммиграционной политики в блоке ХДС/ХСС [8, s. 56]. Оно ставило под сомнение и даже перечеркивало альтернативу значительного снижения числа иностранцев. Таким образом, Х. Гайслер попытался привить коллегам новое видение на неоспоримую действительность.

С чем же связана политическая инертность предыдущих десятилетий в этом вопросе? Почему проблема совместного проживания некоренных жителей и немцев не выносилась на широкое общественно-политическое обсуждение? По мнению некоторых аналитиков, запоздалая констатация необратимости миграционного процесса связана с увеличением числа проживающих в ФРГ иностранцев – с 4,5 млн в 1980 г. до 5,3 млн в 1990 г. и рождением второго поколения иммигрантов. В значительной

мере такая реакция также обусловлена тем, что немцев в предыдущие годы больше волновали такие проблемы, как строительство атомных электростанций и размещение в ФРГ американских ракет средней дальности с атомным боезарядом [9, s. 52]. Но в большей степени данное явление следует связывать с изначальной политикой немецкого государства в отношении иммиграции из стран третьего мира, с тем, что в течение 1950–1970-х годов власти Германии ориентировались на стратегию сегрегации мигрантов. То есть, гастарбайтеры были де-факто и де-юре отделены от культурно-политического сообщества принимающей страны, так как от них ожидали возвращения туда, откуда они приехали. Однако заложенный в договорах о привлечении трудовых ресурсов из других стран, принцип ротации рабочих не срабатывал, и трудовые мигранты стали укореняться в Германии со своими семьями. По некоторым данным, на конец XX в. иммигрантами являлись до 12,6 процентов населения ФРГ. В классической иммиграционной стране, какой являются США, этот показатель составлял всего 11,5 процентов [7, s. 6].

Одновременно с осознанием необходимости и неизбежности интеграции иммигрантов в общество, назрел вопрос о статусе ФРГ, как иммиграционной державы. Но в период с 1960-х гг. до конца столетия в немецком политическом и общественном дискурсе господствует концепция государства как института, основанного на принципе единой нации. В 1980-х гг. это нашло отражение в политике интеграции русскоязычных иммигрантов немецкой национальности. Эта политика была нацелена на скорейшее их включение в общество, как полноправных граждан. В начале 90-х годов иммиграционный приток в страну составлял до 1 млн. человек ежегодно, однако официальная статистика давала цифры в несколько сотен тысяч человек, поскольку этнические немцы не считались иммигрантами [3, p. 55–72].

Моноэтническое понимание нации, с позиции консерватизма можно объяснить следующим образом: для устойчивости по-

литической системы необходимо, чтобы общество в значительной степени отличалось культурной однородностью [11, с. 9–12]. Это означает, что государство должно проявлять осмотрительность, принимая представителей других культур, которые могли бы подорвать эту однородность. То есть, их доступ в это общество не должен поощряться. Кроме того, не следует поощрять тех, кто уже находится на территории страны, к интеграции в общество, поскольку не каждый из таких людей подходит для получения гражданства. Интеграцию представителей иных культур, не следует стимулировать, поскольку в результате государство утратит часть единообразия. Потому в целях сдерживания многообразия резидентам нельзя позволять с легкостью получить гражданство.

Вследствие этого, в отличие от классических стран второй половины XX в., проводящих политику мультикультурализма, таких как Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, в Германии получила развитие особая, латентная его форма, в плане культурной интеграции меньшинств. Что же касается политической интеграции иммигрантов, то мы можем обозначить эту позицию термином «метекизм», который по классификации американского исследователя Чандрана Кукатаса подразумевает дружественное отношение общества к интеграции «чужаков» в свой состав, но невозможность полноправного их участия в политической жизни страны [1].

Христианский демократ Х. Гайсслер почти в одно время с выходом Берлинской программы социалистов дает следующую дефиницию мультикультурности: «Мультикультурное общество означает готовность к тому, чтобы сосуществовать с людьми из других стран и других культур, уважать их своеобразие. Вместе с тем исключается стремление к их онемечиванию или ассимиляции. С другой стороны, это подразумевает, если они того хотят, сохранять свою культурную идентичность, но одновременно требовать от них уважения к правам человека и основным ценностям Республики, а во-вторых владеть немецким языком» [4, с. 21].

Не выходя далеко за рамки этого определения, немецкий мультикультурализм второй половины XX в. проявлялся в подчеркивании «инаковости» иммигрантов и их потомков. Различные общественные и религиозные институты, ведущие межкультурный диалог, вольно или невольно способствовали выделению иммигрантов, как группы, не подлежащей ассимиляции либо как группы, нуждающейся в особом культурном и политическом признании.

Вклад государственных и финансируемых государством структур в обособление иммигрантов, которое предполагал мультикультурализм можно проиллюстрировать на примере, который приводит немецкий социолог Франц Олаф Радтке [10, с. 138–157]. Почти сразу после пересечения границы иммигранты, прибывавшие в ФРГ, попадали под опеку общественных (часто церковных) организаций. Попечение о мигрантах сопровождалось их сегрегацией по культурно-конфессиональному признаку.

Так, католическая «Caritas» брала под свое крыло выходцев из «католических» стран – хорватов, португальцев, испанцев, поляков. Евангельская «Diakonie» принимала на себя заботу о христианах не католических конфессий (в основном выходцев из Греции). Мигранты из исламских стран становились объектом попечительства со стороны таких организаций, как «Arbeiterwohlfahrt». Так возникали «культурные группы». Реальная самоидентификация индивидов не имела к их формированию никакого отношения. Оно – результат административного решения. Классификация мигрантов по «культурному» признаку далеко не всегда отражала реальную социальную и культурную самоидентификацию мигрантов: главы многодетных семей и одинокие холостяки, квалифицированные специалисты и разнорабочие, образованные и малограмотные, владеющие и не владеющие языком принимающей страны и т.д. То есть, данные организации скорее поддерживали исключение иммигрантов от общества, нежели способствовали их ассимиляции и интеграции. Ибо они фиксировали мигран-

тов в строго определенном статусе и делали изменение этого статуса нежелательным, а то и практически невозможным: мигранты могли рассчитывать на поддержку только до тех пор, пока считались членами той или иной «культурной группы», то есть пока находились внутри сообщества, границы которого заданы извне [2, с. 113–114].

Популяризации мультикультурности в 1990-е годы служили также регулярно проводимые в городах Германии «Парады культур», которые состояли из красочных шествий и представляли различные реально существующие и вымышленные культуры. Как мы видим, идеи мультикультурализма пропагандировались, не находя своего воплощения на политико-административном уровне.

Член президиума ХДС Гайссер подчеркивал на рубеже десятилетий в своем определении, что нужно «требовать от них (иммигрантов) уважения к правам человека и основным ценностям Республики, а также владения немецким языком» [4, с. 21]. Другими словами, мультикультурность общества требовала единого связующего для всех его составляющих звена. Этим звеном в понимании многих политиков должны были стать уважение к конституции и немецкий язык. С этой идеей связана новая волна дискуссии в политике в отношении иммигрантов.

По мере понимания того, что иммиграция стала неотъемлемой частью настоящего и будущего Германии, и того, что отсутствие эффективной интеграционной политики ведет к обособлению иммигрантов и их потомков от немецкого общества, в общественном

и политическом дискурсе возникло понятие «немецкой ведущей культуры».

Впервые оно было введено в научно-политические дискуссии политологом Бассамом Тиби для описания ценностного консенсуса между культурами. Составными частями «европейской ведущей культуры», по его мнению, являются:

- превосходство разума над религиозным откровением,
- демократия, которая основана на разделении религии и политики,
- плюрализм и толерантность [13, с. 154].

В рамках дискуссии об интеграции иммигрантов в ФРГ Бассам Тиби призывал к развитию такой «ведущей культуры» в Германии. Он ставил культурный плюрализм с ориентацией на согласие в противовес мультикультурализму, предполагающему различную ценностную ориентацию и создание параллельных сообществ. Уже в 2000 г. понятие стало составной частью обширной общественной и политической дискуссии.

Таким образом, в германской политической дискуссии нашли место две противостоящие идеологии. Обе они исходили из констатации того, что Германия стала иммиграционной страной, новой родиной для миллионов людей разной национальности и вероисповедания. Немецкий мультикультурализм сложился как констатация этого факта. Он выражал интересы либералов и укрощался консерваторами. Проблемы интеграции меньшинств вызвали появление противоположных тенденций во внутренней политике страны.

Литература

1. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. // Институт Катона. [Электронный ресурс] URL: http://www.cato.ru/pubs.php?idcat=343&parent_id=2 (Дата обращения: 23.08.09).
2. Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М., 2007.
3. Castles S. *Democracy and Multiculturalism in Western Europe // Citizenship and Identity in Europe.* – Gateshead, 1997.
4. Geißler H. *Multikulturelle Gesellschaft: Ja! // Miteinander, was sonst? Die multikulturelle Gesellschaft im Brennpunkt.* – Köln, Wien, 1990.
5. Geißler H. *Bürger, Nation, Republik – Europa und die multikulturelle Gesellschaft // Die multikulturelle Herausforderung. Menschen über Grenzen – Grenzen über Menschen.* / Hrsg. von Bade K. – München, 1996.

6. *Die Grünen. Das Bundesprogramm. 2. Auflage.* – Bonn-Köln, 1982.
7. *Deutsche Politiker haben das Migrationsproblem verschlafen // Tagesspiegel.* 12.08.2006.
8. *Hell M. Einwanderungsland Deutschland?: die Zuwanderungsdiskussion. 1998-2002.* Wiesbaden
9. *Lachmann G. Tödliche Toleranz. Die Muslime und unsere offene Gesellschaft.* – München, 2005.
10. *Radtke F.-O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? // Fluchtpunkt Europa: Migration und Multikultur. Fr. a. – M., 1998.*
11. *Sassen S. Guests and Aliens.* – N.Y., 1999.
12. *Solidarität zwischen Kulturen // Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Beschlossen vom Programm-Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands am 20. Dezember 1989 in Berlin geändert auf dem Parteitag in Leipzig am 17.04.1998.*
13. *Tibi B. Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft.* – München, 2000.

УДК 82-94(470.6)

М. Е. Колесникова

**ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
«КАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА» А. П. ЕРМОЛОВА**

Статья посвящена возможностям источников личного происхождения, в частности эпистолярному наследию при проведении биографических исследований. Рассматриваются содержащие интересные наблюдения реалий северокавказской жизни XIX в. «Кавказские письма» А. П. Ермолова, чело-

века, с чьим именем связана целая эпоха на Кавказе.

Ключевые слова: биографические исследования, эпистолярные источники, Северный Кавказ, Кавказская война, А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, история изучения Северного Кавказа.

M. E. Kolesnikova

**EPISTOLARY SOURCES IN BIOGRAPHICAL RESEARCH:
“CAUCASIAN LETTERS” BY A.P.ERMOLOV**

The article deals with potentials of sources of personal origin, particularly, epistolary heritage for doing biographical research. The author studies “Caucasian Letters” by A.P.Ermolov – a person whose name symbolizes a particular era in the history of the Caucasus. The letters contain interesting observations

on life in the North Caucasus in the XIX-th century.

Key words: biographical research, epistolary sources, the North Caucasus, the Caucasian war, A.P.Ermolov, M.S.Vorontsov, the history of research of the North Caucasus.

В рамках микроистории все большее внимание исследователей привлекает направление «новой биографической истории», в котором наиболее четко обозначена ключевая методологическая проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа. Исследователи обращают внимание на проблемы самоидентификации личности, ее интересы и целеполагания, индивидуальный выбор и инициативу, позволяющие проследить развитие культурных традиций, обычаев и представлений,

определявших поведение людей в тех или иных исторических условиях.

Историческая биография, под которой понимают исследование и описание жизни исторических личностей, является популярным жанром исторических исследований. В подобных исследованиях через призму исторической личности показывается история во всех ее проявлениях, т. к. жизнеописание отдельного человека идет через раскрытие его частной и внутренней жизни. Как отмечает Л. П. Репина:

«...Биографии известных людей прошлых эпох – идеализирующие или «раздевающие», в форме морального наставления или каталога подвигов, адвокатской речи или обвинительного приговора, наградного листа или заключения психиатра, помимо прочего, всегда служат своеобразным зеркалом (вопрос о степени его «кривизны» без устали дебатруется), глядя в которое читатель может многое узнать и о себе» [5, с. 5–6]. Историков биографический жанр привлекает также разнообразием возможностей сделать историю более многоаспектной, реализовать особый авторский взгляд и подход. Исследователь, рассматривая биографию своего героя, всегда пытается понять его в контексте эпохи, в которой тот жил, и неминуемо оказывается перед одной из основных методологических проблем биографии как исторического жанра – проблемой взаимодействия двух субъектов – историка и героя. Автор биографии как бы выражает себя через героя, биографию которого пишет, и через это выражает специфику и требования своей эпохи, свои взгляды, дает оценки. В этом и заключается специфика жанра биографии.

В контексте современных подходов биографические исследования наполняются новым содержанием. Исследователи отмечают появление нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами – персональной истории. Объектом ее исследований выступают персональные тексты, а предметом – история жизни отдельного человека во всей ее полноте. Особенность этого направления состоит в том, что реконструкция личной жизни и судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех «следов» и «остатков» их деятельности рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как средство познания того исторического общества, в котором жили и творили герои биографических описаний. Исследователь сосредотачивает свое внимание на частном, индивидуальном и уникальном в конкретных человеческих судьбах.

Основное внимание в «новой биографической истории» уделяется анализу персональных текстов, источников личного происхождения, в которых запечатлен индивидуальный опыт и эмоциональное переживание героев исследований. В центре биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоции, искания, сомнения, отношения с родными и близкими, с окружающим миром. При этом герой биографического исследования рассматривается одновременно и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны родственников, близких людей, социальных групп, социальных институтов, формальных и неформальных сообществ. Возможности применения биографического метода в микроисторических исследованиях значительно шире.

Работая в биографическом жанре, необходимо исходить из того, что предмет истории дается нам в совокупности объективной жизни. Источники личного происхождения, на которых преимущественно основывается биография, это остатки прошлого, сохранившие выражение личности и воздействие на нее. Задача биографа состоит в том, чтобы из такого рода документов выявить, понять и реконструировать тот комплекс воздействий, в рамках которого герой биографии определен своей средой и реагирует на нее. Исследователь должен вычленил эти отдельные взаимосвязи и изучить их суть.

Ученым секретарем научно-биографической серии Российской академии наук З.К. Соколовской были сформулированы критерии научной биографии: объективность изложения, критический анализ исторических источников, квалифицированное изучение жизни и деятельности героя биографического описания, недопустимость художественного вымысла [10, с. 70]. Но написать биографию без интуитивного познания героя, проникновения в его внутренний мир и элементов художественности сложно. Однако именно «элемент художественности» и отличает научную биографию от исторического романа. Биографу необхо-

димо последовательно проводить различие, порой очень тонкое, между собственно биографией и иными жанрами, касающимися персоналий. Он должен ощущать ответственность за своего героя, придерживаясь при описании его жизни определенных нравственных ограничений. При создании биографии своего героя исследователь реконструирует персонаж на стыке его самооценки и того места, которое герой занимал в социокультурной жизни своей эпохи. При этом исследователю важно учитывать собственную субъективность, критически относиться к своей точке зрения и реалиям своей эпохи. Постигание биографии, по мнению современных исследователей, равнозначно постижению человеческой культуры в целом.

Теоретические принципы и подходы метода реконструкции биографии писателя, ученого или исторического деятеля были разработаны Ю.М. Лотманом. Под биографической реконструкцией он понимал «воссоздание того целостного идеала личности, который создавал в своей душе герой биографии, плана, по которому он строил себя». «Мы должны, – писал Ю.М. Лотман, – раскрыть, обнаружить этот план, угадать его среди других, возможных и невозможных, тех, которые следует отбросить, потому что они не были реализованы, и тех, которые по этой самой причине заслуживают особого внимания» [3, с. 13]. В поле зрения биографа должен попадать не только «собственный идеальный план личности», его реконструкция должна быть сопоставлена с совокупностью многообразных взаимоотношений героя биографии с различными людьми и социумом, объективно развивающихся на различных этапах его жизни. Осуществляя биографическую реконструкцию, биограф должен показать личность как развивающееся органическое целое, выявив единый жизненный путь. Только при таком подходе жизнь личностей не будет выглядеть случайным нагромождением отдельных поступков.

Важным источником при проведении подобных исследований являются эпистолярные источники. Являясь уникальными

по своей природе, они относятся к группе источников личного происхождения, функцией которых является установление межличностной коммуникации. Письма заметно выигрывают по сравнению с другими видами источников, так как позволяют изучить интеллектуальную и социальную историю, историческую повседневность. Письма, раскрывающие ценностные ориентиры и индивидуальные качества корреспондентов, помогают пролить свет на многие сюжеты истории. Написанные живым, интересным и необычным для сегодняшнего дня языком, характерным для XIX в., эти письма содержат информацию, не отраженную в официальных документах, что помогает понять мотивы поступков и действий отдельных исторических личностей, почувствовать дух той эпохи.

Интересные наблюдения реалий северокавказской жизни XIX в. содержатся в «кавказских письмах» А. П. Ермолова¹, человека, с чьим именем связана целая эпоха на Кавказе. «Ермоловский период» вошел в историю как сложный, многообразный и противоречивый, оставивший разного рода мифы, которые овеивают и саму личность Алексея Петровича. Сохранившиеся письма А. П. Ермолова друзьям, единомышленникам, современникам, являются сегодня важнейшим историческим источником для понимания многих процессов свидетелем и участником которых он был. Особый интерес представляют его «кавказские письма», прежде всего, для понимания истории российско-кавказских отношений первой половины XIX в., закономерностей и характера Кавказской войны. На них и хотелось бы обратить внимание исследователей.

В XIX столетии публикацией ермоловского эпистолярного наследия занимался известный историк, археограф, библиограф П. И. Бартенев. Он был создателем и редактором ежемесячного историко-литератур-

¹ **Ермолов Алексей Петрович** (1777–1861) – генерал от инфантерии и артиллерии, полководец Отечественной войны 1812 г., в период 1816–1827 гг. командующий войсками Отдельного Кавказского корпуса и управляющий гражданской частью края, в период 1831–1839 гг. был членом Государственного совета.

ного журнала «Русский архив». На его страницах помещались мемуары, документы, письма, литературно-художественные материалы, освещавшие культурную и политическую историю Российской империи периода XVIII–XIX вв. В «Русском архиве» были опубликованы письма (начиная с 1854 года) князя М. С. Воронцова² к А. П. Ермолову [8]. Письма эти хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Ермоловых [6].

В 36 книге «Архива Князя Воронцова» среди документов и бумаг фельдмаршала князя М.С. Воронцова П.И. Бартенев опубликовал и письма А.П. Ермолова к князю [2]. Письма эти хранились в семейном архиве Воронцовых, крупных политических деятелей России XVIII и XIX вв., и позже вошли в состав отдельного фонда, находящегося ныне в РГАДА [7]. В домашнем архиве князей Воронцовых, как писал в предисловии к изданию П. И. Бартенев, сохранилось несколько десятков писем и бумаг, имеющих не только частное значение, но и «важность историческую». Он отмечал, что Воронцовы сберегали как служебные, так и частные бумаги, дорожа своим прошлым, а этот факт, учитывая положение данной семьи в обществе и роль ее представителей в российской истории, превращает бумаги семейного архива Воронцовых в важнейший исторически источник.

Известный исследователь и биограф Н. Ф. Дубровин при участии А. А. Половцова подготовил и опубликовал в «Сборнике Императорского Русского исторического общества» документы из архива А. А. Закревского³, среди которых были и письма А. П. Ермолова [9].

2 **Воронцов Михаил Семенович** (1782–1856) – граф, генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г., в период 1844–1854 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом.

3 **Закревский Арсений Андреевич** (1783–1865) – граф, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г., в период с 1823 по 1831 гг. генерал-губернатор Финляндии, одновременно в период с 1828 по 1831 гг. министр внутренних дел, в период с 1848 по 1859 гг. московский генерал-губернатор.

Однако значительная часть эпистолярного наследия А. П. Ермолова долгое время оставалась неопубликованной. Но и то, что было опубликовано в дореволюционный период, использовалось исследователями крайне слабо. Рассеянные по множеству различных изданий, зачастую без комментариев и предисловий, письма А. П. Ермолова не использовались в качестве источников. Затрудняло работу историков и качество самих публикаций. Значительные пропуски, часто связанные с техническими причинами, нежели с цензурой создавали трудности для исследователей. При сравнении опубликованных писем с подлинниками можно увидеть некоторые отступления от оригинала, пропуски и вставленные литеры для обозначения ряда фамилий и имен, возможно из соображений политкорректности. Достаточно полно печатались письма А.П. Ермолова, написанные им до 1845 года, количество купюр увеличивается в публикации писем, начиная с 1846 года и до 1853 г. В различных вариантах публиковались лишь фрагменты писем. При публикации оказывались выпущены целые страницы текста, описания различных событий на Кавказе, связанных со службой здесь сыновей А.П. Ермолова, ходатайства и прошения о чинопроизводстве, наградах и определении в состав экспедиций различных лиц. Исследователи полагают, что это была типичная практика археографии тех лет. Такой подход к публикации архивных источников и документов мы встречаем и в известных Актах Кавказской археографической комиссии [1].

Издание в 2011 году, в максимально полном виде, с комментариями Б. П. Миловидова (им же были подготовлен и указатель), предисловием Я. Гордина писем А. П. Ермолова М.С. Воронцову восполнило пробел в источниках по истории Кавказа первой половины XIX в. [4]. При подготовке к изданию «кавказских писем» Ермолова были отмечены упущения предшествующих изданий: в публикациях Бартенева не анализировался состав собрания писем Ермолова Воронцову, листы в письмах были

переставлены местами, фрагменты разных писем перемешаны, при этом текст печатался в том порядке как отложились листы в делах архива. Это в свою очередь нарушало логику изложения и не позволяло в ряде случаев прокомментировать текст. Купюры в письмах объясняются и этическими соображениями, на момент издания писем в XIX в. были живы многие люди, о которых шла речь, родственники А. П. Ермолова, прежде всего, его сыновья, о которых упоминается в переписке. Нельзя сбрасывать со счетов и цензуру того времени, а также приоритет фактов общественной жизни над частной.

Все опубликованные письма помещены в хронологическом порядке, в большинстве случаев они датированы самим автором, время написания недатированных писем установлено автором публикации по упоминаемым событиям, по датам получения адресатом, снабжены комментариями и ссылками. Письма, за исключением

одного, все публикуются по автографам, в основном по современной орфографии, сохранены присущие эпохе и самому автору особенности написания некоторых слов, а также географических названий и фамилий. Практически сохранен авторский синтаксисотчасти пунктуация. Самостоятельный исследовательский интерес представляет и предисловие, подготовленное Я. Гординым. Он приводит отрывки из ранних писем А. П. Ермолова еще «докавказского периода», пытаясь проследить, как у него появляется интерес к Кавказу.

Письма А. П. Ермолова – неисчерпаемый источник сведений о его взглядах и планах, которые были осуществлены или остались лишь намерениями, они дают возможность приблизиться к пониманию масштабы фигуры их автора и проникнуть в психологический климат «ермоловской эпохи», понять многие моменты в истории Кавказской войны.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. / Под ред. А.П. Берге. – Тифлис, 1866 – 1904. – Т. 1 – 12.
2. Архив Князя Воронцова. – Книга 36. – М., 1890.
3. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М., 1987.
4. Письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / предисловие Я. Гордина: Комментарии, указатель Б. П. Миловидова. – СПб., 2011.
5. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М., 2005.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1406. Оп. 1. Д. 563, 564, 564а
7. РГАДА. Ф. 1261.
8. Русский архив. Историко-литературный сборник. – М., 1879. – Вып. 1–4.
9. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского: Ч. 1 / под ред. Н.Ф. Дубровина. – СПб., 1890.
10. Соколовская З.К. 400 биографий ученых. – М., 1988.

УДК 282:316.35(436)

И. В. Лохова

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАТОЛИЦИЗМ И РЕШЕНИЕ РАБОЧЕГО ВОПРОСА В АВСТРИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Статья посвящена особенностям консервативной модели развития социального законодательства в Австрии, направленного на улучшение положения рабочего класса и ремесленников.

Ключевые слова: социальный католицизм, пролетариат, консерваторы, антисемитизм, капитализм, ремесленники.

I. V. Lohova

**SOCIAL CATHOLICISM AND THE SOLUTION OF THE LABOR QUESTION IN AUSTRIA
IN THE LAST THIRD OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES**

This article is devoted features of conservative model of development of social legislation in Austria, which was aimed to improving the conditions of the working class and artisans.

Key words: social Catholicism, proletariat, conservatives, anti-Semitism, capitalism, artisans.

В конце XIX – начала XX вв. развиваются антикапиталистические настроения среди значительной части политической и интеллектуальной элиты Австрии. Она сомневалась в перспективах развития свободного капитализма, предполагая, что будущее будет за масштабным государственным регулированием экономики и социальных процессов. Среди бед порожденных капитализмом консервативные политики и интеллектуалы отмечали угнетение рабочих капиталистами [9, р. 11]. На данной позиции находился, действовавший в Вене элитарный «клуб Гогенварта», объединивший традиционалистские, консервативные силы Австрии. Во главе клуба стоял видный государственный деятель страны, премьер-министр с февраля по октябрь 1871 г. К. фон Гогенварт. Клуб трансформировался в Консервативную партию, которая действовала самостоятельно до 1907 г., когда она вошла в состав Христианско-социальной партии.

Серьезное внимание к рабочему вопросу в последней трети XIX в. начинает проявлять ведущая политическая сила Австрии в лице Христианско-социальной партии [1]. Еще в середине XIX в. А. Мюллер и Б.Боль-

цано выдвигают идею создания корпоративного государства в качестве альтернативы жестокому и антигуманному капитализму [6, s.147–177]. Первоначально католическая церковь отнеслась к идеям Б. Больцано и его сторонников с большим недоверием. До середины XIX в. церковь занимаясь благотворительностью, не выделяла рабочий класс в предмет особой политики. Пролетариат относился к одному из страдающих классов и не более того [12, s. 613].

В 1868 г. на волне либеральных реформ в стране зарождается клерикальное народное движение, ставшее основой для будущей христианско-социальной партии. С 60-х гг. XIX в. католическая церковь Австрии начинает горячо поддерживать антикапиталистическую риторику и необходимость улучшения положения промышленных рабочих. В немалой степени такое внимание было актуализировано ростом рабочего движения и популярностью среди рабочих идей анархизма и социализма. Уже в 60-е гг. в Австрии при поддержке правительства и работодателей возникают первые католические кружки рабочих – ферейны. Они выдвигали доктрину улучшения

положения рабочих с помощью их самоорганизации. Большое внимание ферейны уделяли созданию страховых фондов от несчастных случаев. Данные кружки во многом походили на аналогичные организации католиков Германии, а лидеры австрийских ферейнов полностью поддерживали взгляды В. Кеттелера [11, с. 61].

В 1877 г. состоялся Первый австрийский католический конгресс. На съезде одно из центральных мест занимает «социальный вопрос». Во время данного форума выяснилось, что католики не имеют собственной хорошо разработанной социальной программы, что ослабляло их позиции перед лицом конкурентов из социал-демократических и других радикальных движений. Для решения этой задачи была создана специальная рабочая группа.

Социальный католицизм в 80–90-е гг. XIX в. объединял влиятельные политические и социальные силы: аристократия, крупные предприниматели, католические интеллектуалы, представители государственного аппарата. Одним из лидеров этого направления становится известный австрийский политик Л. фон Тун, не раз, занимавший министерские посты и являвшийся наместником Богемии. В 1857 г. он во главе своего журнала «Отечество» поставил барона Карла фон Фогельзанга. К. фон Фогельзанг, уроженец Пруссии, в 1850 г. переехал в Инсбрук, где принял католичество. В 1859 г. он переезжает в Прессбург (Братиславу) по приглашению овдовевшей княгини Лихтенштейн, где становится духовным наставником ее сыновей [2, с. 82]. К. фон Фогельзанг погиб в 1890 г. в результате аварии, оставив после себя несколько тысяч рукописей.

В 70-е гг. XIX в. большую известность в Австрии получает католический кружок, созданный бароном К. фон Фогельзангом, ставший, таким образом, родоначальником австрийского социального или христианского социализма. В духе О. фон Штейна, К. фон Фогельзанг также опирался на доктрину общественного примирения классов, и на особую роль в данном процесс монархии и католической церкви. По его мнению,

капиталистическая конкуренция способствовала разжиганию классовой борьбы и утверждению в обществе государственного социализма в изложении К. Маркса. Альтернативой капитализма являлась христианская этика. К. фон Фогельзанг быстро понял, что уязвимым местом либерализма является колоссальное социальное неравенство. Для него весь капитализм был пропитан духом 1789 г., он критиковал либеральную доктрину свободного капитализма и призывал к вмешательству государства в общественную жизнь [5, с. 195].

К. фон Фогельзанг, К. Куфштейн, А. Лихтенштейн и другие идеологи христианского социализма полагали, что социальные проблемы современного общества можно разрешить на основе принципов христианской морали, ориентированной на любовь к ближнему. Они верили в возможность создания бесклассового общества с сохранением института частной собственности.

К. фон Фогельзанг, стремился реанимировать средневековые идеалы, когда одна фирма принадлежала одной семье, семейное производство для него являлось идеалом организации народного хозяйства. Фирмы-семьи объединялись в цеха и производственные (отраслевые) корпорации на уровне городов-коронных земель. Корпорации избирали своих представителей в промышленную палату, где были представлены как работодатели, так и рабочие. Они должны во время обсуждений вырабатывать экономический курс страны, устраивавший все стороны [2, с. 83].

Таким образом, программа К. фон Фогельзанга включала несколько основных элементов: 1) объединение рабочих и предпринимателей в одно сословие (корпорацию), что напоминало средневековое единство всех членов цеха; 2) привлечение рабочих к получению прибыли, чтобы они могли осознать свою причастность к процессу управления собственностью, что поднимало их заинтересованность в экономических результатах деятельности предприятия; 3) полная реализация концепции государства (монархии) как надклассовой

силы на практике. В результате реализации этих принципов должна была произойти «депролетаризация» пролетариата и его интеграция в современное общество [1, с. 33–36]. Видное место в данном кружке занимал крупный австрийский дипломат князь А. Лихтенштейн, который в течение семи лет участвовал в дискуссиях, предшествовавших появлению в 1891 г. энциклика папы Льва XIII «De rerum novarum» (О новых вопросах). Во время дискуссии князь получил известность в Австрии и за ее пределами как ярый сторонник срочного решения рабочих вопросов. Опираясь на британский опыт, он полагал, что самым оптимальным вариантом развития рабочего движения является его вычленение в самостоятельные структуры и развитие социального законодательства [7, с. 42].

В 80-е г. «социальные христиане» набирали силу среди широких слоев австрийского общества, их поддерживала часть консервативной элиты и представители низов общества. Очень активно «социальных христиан» поддерживали рабочие, крестьяне, представители мелкой и средней буржуазии, особенно в сельской местности и небольших городах. «Социальные христиане» постоянно заявляли о необходимости защиты интересов маленького человека перед угрозой наступления крупного капитала. Социальная политика Э. Тааффе только укрепило авторитет социального католицизма, и показала возможность решения рабочего вопроса в рамках существующего социально-политического строя. Более того, становилось очевидным, что «социальное христианство» становится мощной альтернативой социал-демократии, его лидеры понимали необходимость создания массовой партии [8, с. 22].

Первым шагом в этом направлении становится создание в 1888 г. Организации объединенных католиков. Во главе социальных католиков оказалась харизматическая личность в лице К. Люгера, который в 1889 г. возглавил один из католических кружков, впоследствии вошедший в состав ХСП [5, с. 192]. К. Люгер с равнодушием относился к религиозной доктрине, но осознавал, какой мощной политической силой может стать именно социальный католицизм.

К. Люгер родился в семье низших слоев среднего класса Вены. Он был болезненным мальчиком и не говорил до 4 лет, ему сполна досталось от невзгод в детстве и в юности. Однако это не помешало ему закончить элитарную гимназию Терезианум, получить хорошее образование и приобрести аристократические манеры. В 1866 г. К. Люгер получает докторскую степень. Он активно занимается юридической практикой и политикой. В 1875 г. К. Люгер вошел в городской совет Вены от либеральной партии, через 10 лет он полностью разорвал с либералами. Будучи с 1885 г. членом рейхсрата, он последовательно критиковал агрессивный капитализм, который, по его мнению, управлялся евреями [2, с. 90]. Большую популярность К. Люгер приобрел в борьбе со злоупотреблениями железнодорожных компаний, хотя многие его выпады были опровергнуты в суде, тем не менее, Вена заговорила о нем как о защитнике интересов широких слоев населения [3, с. 365]. В 1888 г. К. Люгер познакомился с К. фон Фогельзангом, что во многом определило его политическую доктрину.

На Втором Австрийском католическом конгрессе в 1889 г. социальные католики уже выглядели уверенно, они смогли обозначить один из стратегических пунктов своей деятельности – социальный реформизм. Социально-экономический раздел христианских социалистов разработал известный католический теолог и экономист Франц Шиндлер при участии К. Люгера и князя А. Лихтенштейна.

На Третьем Австрийском католическом конгрессе в 1893 г. социальный реформизм становится магистральным вектором политики христианско-социального движения. Таким образом, христианские социалисты сформулировали основы своей социальной политики, призывавшей к реальному воплощению на практике социального законодательства 80-х гг. и его дальнейшему развитию. Среди реальных мер, они предлагали запретить трудовую деятельность в воскресенье и легализацию профсоюзов [10, с. 167].

Часть «социальных христиан» Австрии объединилась в «Общество Льва», названного так в честь папы Льва XIII, обратившего внимание католической церкви на необходимость решения социальных вопросов. Члены общества готовили доклады и аналитические материалы, посвященные различным аспектам социально-экономического развития страны в конце XIX в. [7, с. 94].

Впервые Христианско-социальная партия (ХСП) приняла участие в парламентских выборах в 1891 г., сразу отметившись успехом, получив 13 мест в рейхсрате. Дальнейшим достижением партии способствовало объединение в 1895 г. вокруг нее большей части католических кружков. На состоявшемся в этом году съезде, кроме решения организационных вопросов принимается новая программа ХСП. В ней четко говорилось, что партия является: «...непримиримым врагом несправедливой эксплуатации и угнетения трудящихся» [10, с. 168]. Съезд зафиксировал антикапиталистический настрой его делегатов. Они рассматривали свое положение не с точки зрения классово-борьбы, а с позиции конкуренции с владельцами фабрик, разорявших мелких ремесленников и торговцев, а также угнетавших собственных рабочих [10, с. 168]. При этом фабриканты ассоциировались не с классом буржуа, а с евреями-эксплуататорами.

Кроме социального реформизма основными доктринальными положениями ХСП становятся верность династии Габсбургов, антисемитизм, требование развития демократических институтов [5, с. 192]. Эта программа одобряется Львом XIII и высшим духовенством Австрии. Следовательно, К. Люгер помог католической церкви создать массовую политическую партию, основанную на антилиберальной и антикапиталистической идеологии. В то же время К. Люгер смог на свою сторону привлечь католическое духовенство в сельской местности, которое имело колоссальное влияние на крестьян и другие слои общества.

В марте 1895 г. К. Люгер уверенно победил на выборах бургомистра Вены. Император отказывался утверждать избрание

К. Люгера, но венцы его избирали еще четыре раза и в апреле 1897 г. Францу-Иосифу пришлось согласиться с мнением жителей Вены. К. Люгер находился на посту бургомистра до самой своей смерти в марте 1910 г. Он пользовался огромным авторитетом среди венцев, его похороны превратились в массовое проявление любви и уважения жителей Вены к своему бургомистру.

В австрийской столице он начал проводить политику «коммунального социализма», направленную на защиту низов среднего класса. Он полагал, что мелких лавочников, торговцев, ремесленников надо всеми силами спасать от монополий и губительного воздействия капитализма. К. Люгер поставил в 1899 г. под контроль муниципалитета газовый завод, в 1902 г. электрифицировал городскую транспорт и улицы города, построил муниципальные скотобойни и общественный рынок. Он благоустраивал Вену, строил школы и вводил бесплатное питание для школьников из малоимущих семей и т. д. Бургомистр контролировал деятельность сберегательных касс, страховых компаний, пенсионных фондов, чтобы их деятельность не ущемляла интересы низов общества. При этом К. Люгер избегал повышения налогов. Чтобы поддержать мелких и средних торговцев К. Люгер до 1900 г. запрещал строительство в австрийской столице универсальных магазинов. Закон требовал от торговых заведений продажу только одного товара или несколько смежных продуктов. Ставка в городе делалась на ручной труд ремесленников, поэтому появление в городе в 1894 г. первых фабричных туфель вызвало большой резонанс [2, с. 92]. Первый хлебозавод в Вене появился только в 1895 г.

Важным элементом политики К. Люгера был антисемитизм, но он постепенно шел на убыль. У него были друзья-евреи, но это не мешало ему публиковать антисемитские статьи. К. Люгер, выступал категорически против насилия и тем более еврейских погромов, осуждая только евреев – «акул капитализма».

К. Люгер одним из первых осознал важность пропаганды в политической жизни общества в XX в., в чем он преуспел, создав массовую партию. Он постоянно встречался с избирателями в пивных и кофейнях, причем с людьми он общался на равных, никогда не демонстрируя им свое превосходство или пренебрежение. К 1904 г. К. Люгер посетил 1400 золотых свадеб в городе, где он всегда был желанным гостем. А. Гитлер многому учился у К. Люгера, стремясь понять механизмы управления массами [2, с. 93].

В 1896 г. по инициативе К. Люгера и его сторонников предпринимается попытка создания христианской рабочей партии. В ее программе центральное место занимал раздел, посвященный защите интересов трудящихся и мелких собственников в духе христианского учения [10, с. 168]. Однако ей не удалось получить поддержку большинства промышленных рабочих Вены и Нижней Австрии, поэтому К. Люгер решил сохранить формат ХСП.

В 1907 г. в преддверии первых всеобщих выборов в рейхсрат ХСП проводит съезд. В предвыборном манифесте, принятом партией звучали лозунги об улучшении положения рабочих и создании условий для их достойной жизни. Важным инструментом для реализации этой задачи ХСП видела в социальном партнерстве [10, с. 177].

Первые выборы, прошедшие на основе всеобщего избирательного права, проде-

монстрировали убедительную победу ХСП и СДПА. ХСП заняла 96 депутатских мандатов, а СДПА 87 мандатов, все остальные партии не могли с ними сравниться в популярности.

Однако смерть К. Люгера показала определенную слабость социальных католиков. Они не смогли выдвинуть достойную замену «блистательному Карлу». Новые лидеры партии оказались слабыми политиками, грязными во внутренних склоках и в коррупционных делах. В результате выборы 1911 г. ознаменовались поражением ХСП. Она провела в парламент 76 депутатов, в то время как СДПА праздновала очередной успех, получив 90 депутатских мест. Наибольший удар ХСП получила в своей цитадели – столице Австрии, если в 1907 г. она победила в 20 из 33 избирательных округов Вены, то в 1911 г. всего в 4. В то время как СДПА в столице победила в 19 округах (в 1907 г. партия победила в 12 округах) [4, с. 61]. ХСП в основном получила голоса в сельской местности, что демонстрировало падение ее влияния среди промышленных рабочих.

В то же время партия, несмотря на вес пессимистические прогнозы, сохранила свою жизнеспособность. Она стала ведущей политической силой в Первой Австрийской республике, а после Второй мировой войны трансформировалась в Австрийскую народную партию, ставшую наряду с социал-демократами основной политической силой Второй Австрийской республики.

Литература

1. Величко О.И. Социальная доктрина католицизма и рабочий класс Австрии. – М., 1975.
2. Джонсон У. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848 – 1938 гг. – М., 2004.
3. Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. – 1882. – № 9.
4. Обзорение иностранной жизни // Русское богатство. – 1911. – № 7.
5. Шорске К. Вена на рубеже веков. Политика и культура. – СПб., 2001.
6. Bolzano B. Sozialethische Aufsätze/ Bolzano B. Gesamtansgale. Bd. 14. – Stuttgart, 1975.
7. Funder F. Aufbruch zur christistischen Sozialreform. – Wien, 1953.
8. Lewis G. Kirche und Partei im Politischen Katholizismus. – Wien-Salzburg, 1977.
9. Mises L. Memoirs. – Auburn, 2009.
10. Österreichische Parteiprogramme 1808–1966. Eingeleitet und herausgegeben von K. Berchtold. – Wien, 1967.
11. Silberbauer G. Österreichs Katholiken und die Arbeiterfrage. – Graz, 1966.
12. Weinzierl-Fiischer E. Österreichischer Kleurus und die Arbeiterschaft/Wort und Wahrheit. – Wien, 1957.

УДК 94(73)

Т. В. Пантюхина**ВЕНГЕРСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В США В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.**

В статье освещаются этапы формирования венгерской общины в США, возникшей в результате иммиграции в XVII- первой половине XIX вв. В центре внимания автора – участие венгров в войне за независимость

США и гражданской войне, а также проблемы адаптации венгерских переселенцев в Америке.

Ключевые слова: Венгрия, США, иммиграция, венгерские офицеры, адаптация.

T. V. Pantyukhina**HUNGARIAN IMMIGRATION TO THE USA IN THE XVII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES.**

The article deals with the process of formation of Hungarian community in the USA as a result of immigration in the XVII - the first half of the XIX centuries. The author focuses attention on the participation of Hungarians

in the War for Independence and the Civil War, as well as problems of adaptation of Hungarian immigrants in America.

Key words: Hungary, the USA, immigration, Hungarian officers, adaptation.

Венгерская община в США сформировалась в результате нескольких волн эмиграции. Внимание историков чаще всего привлекают периоды массовой эмиграции из Венгрии и других европейских стран, первая волна которой приходится на последнюю треть XIX – начало XX вв. Незаслуженно мало внимания современные исследователи уделяют истокам этого явления.

Американские историки венгерского происхождения, бережно изучающие своё этническое наследие в Америке, обнаружили свидетельства о том, что выходцы из Венгрии путешествовали по американскому континенту и селились там, в течение всего колониального периода истории США (XVII – XVIII вв.). Однако это были единичные случаи, поскольку венгерский народ не считал себя нацией мореплавателей и никогда не предпринимал целенаправленных попыток колонизовать земли в Новом Свете [7, р. 4].

Интересно, что первый выходец из Венгрии появился в Америке даже раньше, чем английские отцы-пилигримы, а именно в 1583 г. Это был лингвист и историк Стефан Пармениус (Stephanus Parmenius Budaeus) из Буды. Он прибыл к берегам Ньюфаундленда (Канада) в составе английской экспе-

диции Хэмфри Гилберта, отправленного по личному распоряжению королевы Елизаветы I исследовать и закрепить в качестве английских владений земли в Новом Свете. Пармениус стал летописцем этой экспедиции. На обратном пути в Англию он погиб во время шторма [6, р. 62].

Спустя столетие, в 1694 г., в Америке работали несколько венгерских миссионеров. Джон Келп, выходец из Трансильвании, прибыл в Америку с группой немецких иммигрантов. Они поселились недалеко от Филадельфии, образовав общину верующих наподобие квакерских общин, посвятив свою жизнь молитвам и медитации. Келп был руководителем общины. В настоящее время место, где располагалось поселение, находится в черте города. Эта историческая часть Филадельфии носит название «Хижина отшельника» (The Hermitage), а улица, на которой Келп жил, называется «Переулок отшельника» (Hermit's Lane) [6, р. 63].

В XVIII в. главным событием истории США стала война за независимость. За борьбой колонистов пристально наблюдали в Европе, в особенности те народы, которые также стремились избавиться от национального гнета. Венгры, как никакой

другой народ, понимали тяжесть положения континентальной армии, сражающейся с англичанами. Из Венгрии, как, впрочем, и из других европейских стран, в Америку направлялись волонтеры, военные советники, оружие и снаряжение, а также тысячи писем со словами поддержки и ободрения. Одним из волонтеров венгерского происхождения был Майкл Ковач (Michael Kovats de Fabricy). Он служил под командованием графа Казимира Пулацкого, командующего кавалерией в армии Вашингтона. Пулацкий возложил на Ковача задачу – создание гусарских полков и боевая подготовка гусар. Он прекрасно справился, и его гусарский легион храбро сражался с англичанами. Ковач погиб в бою в 1779 г. Американцы почитают его как европейца, ставшего их национальным героем – наряду с другими легендарными личностями, воевавшими за независимость США, такими как поляк К. Пулацкий, немец Ф.В. фон Штойбен (Friedrich Wilhelm von Steuben) и француз маркиз Лафайет.

Помимо М. Ковача в войне за независимость США сражались многие безымянные герои, приехавшие из Венгрии. Известно, что они прибыли вместе с французскими войсками, отправленными на помощь британским колониям. Подсчитано, что в иностранном легионе континентальной армии служило 140 венгерских гусар, не считая офицеров [6, р. 68].

В период между войной за независимость (1775 – 1783 гг.) и серединой XIX в. венгры, прибывшие в США, в большинстве своём были искателями приключений. Их побудительным мотивом была жажда нового. Прожив в Америке какое-то время, одни возвращались на родину, другие оседали на новой земле и успешно адаптировались к новой жизни. Однако до середины XIX века это были единичные случаи и выходцы из Венгрии были представлены лишь спорадически в многокрасочной этнической панораме США.

Положение начало меняться после поражения революций 1848–1849 гг. в Европе, когда в США хлынул поток эми-

грантов, состоящий из лидеров и участников революционных событий. Тех, кто прибыл из Венгрии в эти годы, американские историки называют «иммиграция Кошута» («Kossuth Emigration») или «иммигранты 48-го года» Именно с приезда этих людей можно говорить о начале венгерской эмиграции в США.

Находясь в США, Кошут обсуждал с министром сельского хозяйства А. Стюартом возможность выделения территории для заселения её венгерскими иммигрантами [4]. Сам он, однако, не собирался там оставаться. Америка казалась ему слишком далёкой от политической арены, на которой он намеревался продолжить свою борьбу.

Пребывание Кошута в США, его триумфальная поездка по стране достойны отдельного исследования. Здесь приведу только некоторые факты. Кошут прибыл в США 5 декабря 1851 г. и покинул страну 14 июля 1852 г. За этот короткий срок (221 день) он 600 раз выступал с речами продолжительностью до 2–3 часов. Для любого оратора это огромная нагрузка. Нужно учесть, что Кошут произносил речи на иностранном (английском) языке, что создавало дополнительную трудность. Неутомимость венгерского лидера поразительна: он объехал Америку от Атлантического побережья на востоке до Висконсина на западе, Бостона на севере и Нового Орлеана на юге. Принимая во внимание транспортные средства того времени, становится понятен масштаб совершенного им вояжа. Прав американский историк Э. Вашвари (Vasvary, E.), утверждающий, что Кошут проявил «сверхчеловеческую активность... В физическом и умственном плане это подвиг, равного которому трудно найти в истории» [13, р. 18–19].

Американцы встречали Кошута с необычайным энтузиазмом. Американский генерал и политический деятель К.Шурц вспоминал: «его принимали как национального героя, возвратившегося после победоносной кампании» [9, р. 386].

Выступления венгерского лидера во время его турне собирали толпы восторженных слушателей. Американцы уважи-

тельно именовали его «венгерским Вашингтоном», проводя параллель между борьбой американских колонистов против английского владычества в XVIII веке и венгерской революцией. Многочисленные источники – сообщения американской прессы, воспоминания современников, рисунки и картины художников того времени – свидетельствуют о безмерной восторженности, которую вызывало каждое его появление на публике [1; 3; 4; 5; 12].

Безграничная популярность Кошута выразилась и в том, что в американском английском появился новый термин: «Кошута-мания» («Kossuth Craze»). Это действительно походило на всеобщее помешательство. Американский поэт Генри Лонгфелло записал в своём дневнике 19 декабря 1851г.: «Каждый день приносит новую речь Кошута – речь вдохновляющую и выразительную. Весь Нью Йорк пылает и сходит с ума от его слов. Чудесная сила ораторского искусства и искренняя преданность делу свободы!» [2, р. 211].

Четыре города и шесть улиц были переименованы в честь венгерского героя. (Все они до сих пор носят имя Кошута). В штате Айова имя Кошута носит самый большой по территории округ. В 2001 г. в ходе празднования 150 годовщины образования округа в его административном центре г. Алконе был поставлен памятник Л. Кошуту [10, р. 42].

В общей сложности Кошут провёл в США менее восьми месяцев, но за этот небольшой срок он сумел получить безоговорочную поддержку общественного мнения делу освободительной борьбы венгров. Но с другой стороны, его попытка получить политическую и дипломатическую поддержку США не увенчалась успехом. Американское правительство трезво, без эмоций оценивало внешнеполитическую ситуацию и не желало отказываться от традиционной политики невмешательства в европейские дела. Кошут «не получил от восхищенных американцев существенной помощи, на которую он рассчитывал и ради которой он трудился, поэтому он вернулся из Америки глубоко разочарованным», – считал К.Шурц [9, р. 51].

Как упоминалось выше, прибытие Кошута и его соратников стало первой волной венгерской иммиграции в США. Поначалу «люди 48-го года» искренне верили, что их изгнание – это временное явление и надеялись в ближайшем будущем вернуться на родину, чтобы продолжить освободительную борьбу. Однако в Европе воцарилась жесточайшая реакция, и шансов на успех у революционеров не было. Так что в течение нескольких последующих лет венгерские иммигранты расселились по Америке, превратившись в фермеров, инженеров, юристов, торговцев, учителей, служащих и т. д. Большинство из них осели в свободных, нерабовладельческих штатах. Очевидно, что борцам за свободу была ненавистна экономическая система, основанная на рабском труде.

Наверное, самым известным венгерским иммигрантом «48-го года» был Ладислав Ухажи (Ladislav Ujházy), видный деятель революции. В Америке к нему обращались так же, как и к Кошуту – «правитель Ухажи» («Governor» Ujházy). Он известен тем, что основал венгерское поселение в штате Айова, которое назвал «Новая Буда». По распоряжению президента А. Линкольна Ухажи был назначен американским консулом в Анкону, (Италия). Другим известным венгерским изгнанником был полковник Джон Прагаи (Johann Prágy), занимавший в Венгрии почетную должность адъютант-генерала. Первое, чем он занялся в Америке, это написание истории Венгерской революции 1848–49 гг. Его книга стала первой публикацией по данной теме в англо-язычной литературе [8]. Несмотря на её несовершенство, она широко использовалась последующими авторами. Храбрый венгерский герой Дж. Прагаи нашел применение своей воинской отваге и в Новом Свете. Он принял участие в экспедиции Н. Лопеса по освобождению Кубы от испанского господства, был тяжело ранен в сражении и, чтобы избежать испанского плена, покончил с собой [7, р. 9].

Венгерская иммиграция «48-го года» была исключительно политической по характеру. Она была вынужденным шагом, спасе-

нием от репрессий и преследований. По своему социальному составу иммигранты были достаточно однородным слоем: представители высших и средних классов венгерского общества, хорошо образованные люди. Многие были политическими деятелями, педагогами, дипломатами, офицерами высоких званий. Для молодой американской республики это было ценное приобретение интеллектуального потенциала и профессионального опыта. Ближайшие события показали, что этот опыт оказался бесценным для США.

Участие венгерских иммигрантов «сорок восьмого года» в гражданской войне в США посвящены две интересные монографии американских авторов венгерского происхождения, которые мне удалось найти в национальной электронной библиотеке Венгрии. Первая из них – «Венгры в американской Гражданской войне» 1913 г. [7]. Её автор Ю. Пивани (Jepő (Eugene) Pivány) (1873–1946 гг.) В небольшой по объёму книге (около 60 страниц) Пивани собрал сведения о своих соотечественниках, воевавших в этой войне. В общей сложности, утверждает исследователь, 800 венгерских иммигрантов воевали добровольцами в федеральной армии. Примерно 80–100 человек из них были офицерами [7, р. 13]. Другая монография была написана четверть века спустя, в 1939 г. Её автор Э. Вашвари (Ödön (Edmund) Vasváry) получил приветственное письмо от тогдашнего президента США Ф. Рузвельта. Копия этого важного документа помещена в самом начале книги. В письме Ф. Рузвельта есть высокая оценка участию венгров в гражданской войне: «Венгры, многие из которых были изгнанниками своей родины, доблестно служили на благо Союза. Их подвиги мужества и самоотверженности никогда не будут забыты» [13].

Э. Вашвари, так же как и Ю.Пивани, приходит к выводу, что венгры воевали на стороне Союза. Э.Вашвари воздерживается от оценки точной численности венгерских участников войны. Однако современные историки (С.Папп, (S. Papp), Дж. Зиплаки (J. Szerplaki) продолжают придерживаться цифры 800 человек [11, р. 13; 6, р. 89].

Если указанная цифра более или менее точна, то она свидетельствует о поразительном факте. Учитывая, что общая численность венгров, проживавших в то время в США, была 4 000 человек, то из этого следует, что 20%, или каждый пятый венгр воевал в гражданской войне. «Это самый высокий процент среди всех этнических групп в Америке», - утверждает Дж. Зиплаки [11, р. 13].

Хотя венгры из «иммиграции 48-го года» считали своё пребывание в Америке временным и надеялись вернуться на родину при ближайшей возможности, большинство из них осели в стране, успешно адаптировались и заняли достойное место в американском обществе. Несколько человек стали профессорами американских университетов; офицеры, отличившиеся в гражданской войне, направлялись на дипломатическую работу. Так, венгры занимали должности американских консулов в Японии, Китае, Аргентине, Парагвае, Британской Гвинее, Румынии, Италии и Мексике. [6, р. 86]. Как точно и образно заметил Э. Вашвари, «венгерские иммигранты были абсорбированы молодой великой страной, словно капли воды на сухом песке» [13, р. 19].

В середине XIX в. небольшие венгерские сообщества появились в Нью-Йорке, Новом Орлеане, Сент Луисе (штат Миссури) и в городке Девенпорт (Айова). В штате Айова было образовано поселение «Новая Буда». Как упоминалось выше, его основал Ладислав Ухажи, видный деятель революции. Поселение походило на венгерскую деревню. В ней соблюдались национальные традиции и обычаи. Оно было невелико: не более сотни человек. Первые поселенцы Новой Буды, которые в прошлом были учеными, государственными деятелями, военными и помещиками, с трудом привыкали к новой жизни пионеров границы, осваивающих прерии. Один из венгерских иммигрантов вспоминал о своей первой встрече с Ладиславом Ухажи в Новой Буде: «Ухажи, пожилой человек в красной фланелевой рубашке и старой шляпе, обмазывал глиной трубу на крыше. Я был потрясён. У меня перед глазами стоял его замок недалеко от

Буды, мне вспоминались его выступления в городской ратуше Шароша. Возможно ли, чтобы всего лишь за один год судьба знаменитого Патриота, наместника графства Шарош так круто изменилась?» [6, р. 87].

Судьба венгерского поселения сложилась не слишком успешно. Многие покидали его, не выдержав испытаний суровыми условиями жизни и климата. Ладислав Ухажи также уехал в другой штат после смерти жены [10, р.41–42]. Интересно, что жители Новой Буды опубликовали в газете «Нью-Йорк Таймс» своё обращение в связи с отъездом их лидера. Помимо сожалений о расставании с Ладиславом Ухажи они выразили решимость продолжать осуществление его мечты, а именно превратить маленькое поселение в настоящий венгерский город [5]. Но этим мечтам не суждено было сбыться: на месте Новой Буды вскоре вырос типичный американский городок Дэвис Сити, где мало что напоминало о Венгрии.

И всё же выходцы из Венгрии, при всей их малочисленности, пытались сохра-

нить свою национальную идентичность на американской земле. Они создавали свои этнические общественные организации. Первая из них – Центральное Венгерское Общество (The Central Hungarian Society) появилось в Нью Йорке в 1849 г. В Бостоне в 1850 г. был основан Венгерский Клуб. В 1851 г. в Нью Йорке открылся первый венгерский ресторан. Двумя годами позже, в 1853г., стала выходить первая газета на венгерском языке. Она называлась «Дневник Венгерских Изгнанников». После гражданской войны была основана первая солидная этническая организация – Нью Йоркская Венгерская Ассоциация («New Yorki Magyar Egylet»)[6, р.86]. Тем не менее, до начала массовой венгерской иммиграции в США, которая приходится на последнюю треть XIX – начало XX вв., венгры не представляли собой значительную этническую группу, отчетливо проявляющуюся в многокрасочной этно-расовой панораме Соединенных Штатов Америки.

Литература

1. *Kossuth in New England: a Full Account of the Hungarian Governor's Visit to Massachusetts; with his Speeches and the Addresses that were made to Him.* Boston: John P. Jewett & Co. 1852. [Electronic resource] URL: <http://www.mek.oszk.hu/06700/06720/index.phtml>. (Accessed: 08.06.2014).
2. Longfellow S., ed., *The Life of Henry Wadsworth Longfellow with Extracts from his Journals and Correspondence, vol. II* Boston: Tichnor and Co., 1886. [Electronic resource] URL: <http://archive.org/details/lifehenrywadswo03longgoog> (Accessed: 08.06.2014).
3. *New York Times.* – Oct.18 – 1851.
4. *New York Times* – Jan.8 – 1852.
5. *New York Times.* – March 14. – 1853.
6. Papp S. M. *Hungarian Americans and Their Communities of Cleveland.* Cleveland: Cleveland State Un-ty, 1981. [Electronic resource] URL: <http://www.clevelandmemory.org/hungarians/> (Accessed: 08.06.2014).
7. Pivany, E. *Hungarians in the American Civil War.* Cleveland, O.: DONGO, 1913. [Electronic resource] URL: <http://www.mek.oszk.hu/10900/10989/10989.pdf> (Accessed: 08.06.2014).
8. Prágay, J. *The Hungarian Revolution.* New York: G.P. Putnam, 1850. [Electronic resource] URL: http://books.google.ru/books/about/The_Hungarian_Revolution.html (Accessed: 08.06.2014).
9. Schurz, C. *The reminiscences of Carl Schurz.* New York : McClure Co., 1907-1908. Vol.1-3. Vol. 1. [Electronic resource] URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:927974> (Accessed: 08.06.2014).
10. Stock J.B. *Amazing Iowa.* Nashville, Tennessee: Rutledge Hill Press, 2003. [Electronic resource] URL: http://books.google.ru/books?id=OYIrlDLa6_OC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (Accessed: 08.06.2014).
11. Szeplaki, J. *The Hungarians in America 1583 – 1974: A Chronology & Fact Book* (Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana Publications. 1975. [Electronic resource] URL: http://books.google.ru/books/about/The_Hungarians_in_America_1583_1974.html (Accessed: 08.06.2014).

12. *Torchlight procession and serenade [for Kossuth] in front of the Irving House, New York; Date Created/Published: 1851. Medium: 1 print: wood engraving. [Electronic resource] URL: www.loc.gov/pictures/item/2002736319/ (Accessed 08.06.2014).*
13. *Vasvary, E. Lincoln's Hungarian Heroes. The Participation of Hungarians in the Civil War 1861–1865. Washington, D.C.: The Hungarian Reformed Federation of America, 1939. [Electronic resource] URL: http://www.mek.oszk.hu/10900/10988/10988.pdf (Accessed 08.06.2014).*

УДК 327(456.31)

В. Н. Садченко

СПЕЦИФИКА СВЯТОГО ПРЕСТОЛА КАК УЧАСТНИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье освещаются вопросы статуса Святого Престола на международной арене как старейшего суверенного субъекта международного права. В отличие от национальных государств, где основой международной правосубъектности выступает территориальный суверенитет, Святой Престол обладает духовным суверенитетом, что обуславливает уникальность его международного статуса. На основе изучения международных соглашений, свода

канонического права Римско-Католической церкви, документов Святого Престола освещается специфика участия Святого Престола в международных отношениях разного уровня.

Ключевые слова: Святой Престол, Ватикан, Папа Римский, легат, Апостольский нунций, Римская Католическая Церковь, Кодекс канонического права, международная правосубъектность, суверенитет Святого Престола.

V. N. Sadchenko

THE SPECIFICITY OF THE HOLY SEE AS A PARTICIPANT IN INTERNATIONAL RELATIONS

The article highlights the status of the Holy See in the international arena as the oldest sovereign subject of international law. Unlike nation-states, whose international personality is based on territorial sovereignty, the Holy See possesses a spiritual sovereignty, which makes its international status unique. Based on the study of international agreements, the arch of canon law of the Ro-

man Catholic Church and the Holy See documents, the article examines the specificity of participation of the Holy See in international relations at different levels.

Key words: Holy See, the Vatican, the Pope's legate, the Apostolic Nuncio, the Roman Catholic Church, Code of Canon Law, international personality, sovereignty of the Holy See.

К категории производных или нетипичных субъектов международного права принято относить особые политико-религиозные или политико-территориальные единицы, которые на основе международного акта или международного признания имеют относительно самостоятельный международно-правовой статус. На сегодняшний день к таким субъектам между-

народного права относится Мальтийский орден как официальное религиозное формирование с международно признанными благотворительными функциями и Ватикан («Святой Престол») как официальный центр Римско-Католической церкви (далее везде – РКЦ) [5, с. 40].

В обиходе термин «Святой Престол» используется часто без уточнения нюансов.

Однако для уяснения юридическо-правовых аспектов следует различать три основных значения этого термина. Во-первых, понятие «Святой Престол» (лат. Sancta Sedes) является официальным собирательным названием Папы Римского (Римского или Верховного Понтифика) и Римской курии. Именно в этом смысле термин «Святой Престол» часто употребляется в разговорной речи без конкретизации юридически-правовой стороны.

Во-вторых, в узком смысле под термином «Святой Престол» понимается персона Верховного Понтифика как главы Римской Католической церкви, её политического центра. Понятие «Святой Престол» относится к высшей церковной власти, а именно – к Папе как Епископу Рима и Главе коллегии Епископов. С церковной точки зрения, Римский Понтифик является епископом Рима и, вместе с этим, – главой РКЦ и её высшим правящим иерархом. По мнению Дж. Кунца, личность Папы Римского является конкретным воплощением Святого Престола [6, с. 18]. Святой Престол – прежде всего, абстрактное понятие, существующее безотносительно к конкретным персоналиям и организационным структурам, – это и высшая духовная власть Церкви, и одновременно сама Церковь.

В третьих, в широком смысле Святой Престол (также Апостольский Престол), объединяющий фигуру Папы Римского и Римскую курию как главный управляющий орган, является институциональным выражением суверенитета РКЦ, верховным органом РКЦ, её руководящим центром [6, с. 18]. В этом смысле Римский Понтифик является главой Святого Престола и одновременно монархом города-государства Ватикан.

В данном контексте РКЦ представляет собой религиозное сообщество со своими институтами, которое осуществляет деятельность, присущую любой церкви. Будучи центральным органом управления РКЦ, Святой Престол является институтом, который, в соответствии с международными законами и обычаями, обладает статусом юридического лица, позволяющим ему за-

ключать договоры, а также направлять и принимать дипломатических представителей. В силу сложившегося обычая именно Святой Престол обладает специфической международной правосубъектностью, поскольку его власть имеет не политическое, а религиозное происхождение, т.е. суверенитет Святого Престола не зависит от наличия суверенной территории, чем коренным образом отличается от национальных государств.

Иными словами, Святой Престол – прежде всего, абстрактное понятие, существующее безотносительно к конкретным персоналиям и организационным структурам, – это и высшая духовная власть Церкви, и одновременно сама Церковь.

Распространённым является мнение, согласно которому в понятие Святого Престола вкладываются все три значения – как общей концепции, персонификации и организационной структуры. Так, канон 361 Кодекса канонического права 1983 г., составленным папой Иоанном Павлом II, определяется, что «под выражением «Апостольский Престол» или «Святой Престол»... подразумевается не только Римский Понтифик, но также и Государственный секретариат, Совет по внешним делам Церкви и другие учреждения Римской курии...» [3, с. 169], Конгрегаций, судов и иных учреждений, устройство и правомочия которых определяются особым законом.

Для международного сообщества важно, что Святой Престол – это центр Вселенской Католической Церкви, во главе которой стоит Святой Отец, преемник Святого Петра. Именно с этим центром католицизма международное право и международное сообщество имеют дело с эпохи средневековья и вплоть до нынешнего времени. Святой Престол как центральная административная организация РКЦ, её бюрократический аппарат осуществляет непосредственную международную деятельность, как то подписание от имени Святого Престола международных договоров Государственным секретарём Святого Престола, руководящим работой Римской курии.

Приобретение Апостольским Престолом международной правосубъектности стало результатом длительной исторической эволюции, последовательного изменения доктринальных подходов католицизма к вопросу о соотношении государственной и церковной властей, светского и духовного суверенитетов. Святой Престол признаётся суверенным субъектом международного права с раннесредневековых времён, когда папы стали заключать особые международные соглашения со светскими государями – конкордаты. Первым таким актом международного договора Святого Престола стал Вормский конкордат 1122 г., подписанный папой Каликстом II и императором Священной Римской империи Генрихом V, завершивший борьбу за инвеституру. На этом этапе проявилась существенная особенность конкордатов, отличающая их от «традиционных» международных договоров, – смешанный объект правового регулирования: Вормский конкордат регламентировал как политические отношения сторон, так и условия функционирования Католической церкви на территории государства.

Современное международное право предусматривает способность Святого Престола в лице папы участвовать в процессе международного нормотворчества и вступать в официальные взаимоотношения с государствами и международными организациями в качестве субъекта международного права *suigeneris*, представляющего на международной арене интересы Католической церкви [5, с. 3].

Уникальное положение Апостольского Престола в системе субъектов международного права, его отличительная правовая природа и религиозная специфика обуславливают и особые методы международной деятельности, направленность внешнеполитических целей и приоритетов.

Внешняя политика Святого Престола обладает следующими отличительными характеристиками:

- активное использование возможностей национальных церквей для достижения своих внешнеполитиче-

ских целей наряду с центральными органами управления и дипломатическими представительствами;

- основная задача папских нунциев заключается в поддержании связи между Римским папой и епископами в национальных государствах, обеспечении тем самым единства церкви;
- функция развития двусторонних политических отношений между Святым Престолом и государством пребывания является вторичной;
- в силу религиозного характера суверенитета Святого Престола одним из приоритетных направлений его внешнеполитической деятельности является защита привилегий РКЦ, а также религиозных прав и свобод человека;
- на основании ст. 24 Латеранского договора 1929 г. признается со стороны международного сообщества нейтралитет Святого Престола и Ватикана [4];
- в связи с этим Святой Престол осуждает любые формы военного решения международных споров и содействует урегулированию конфликтов лишь мирными усилиями; превалирование посреднической деятельности в целях разрешения международных споров исключительно мирными средствами [2, с. 21–23].

На международной арене Святой Престол реализует свою политику через три канала. Во-первых, посредством деятельности Папы Римского (его учительство, проповедничество, апостольские поездки и т.д.); во-вторых, через апостольскую деятельность Государственного Секретариата (*Secretaria Status*). С XV в. вопросы, которыми в настоящее время занимается Государственный Секретариат, находились в ведении Тайной Палаты (*Camera Secreta*), отвечавшей за дипломатические отношения Святого Престола с различными государствами. Третьим каналом выступает Папское Представительство за рубежом (*adextra*), использующее дипломатический

инструментарий для обеспечения ежедневного присутствия Верховного Первосвященника при отдельных Церквях и правительствах различных государств.

Активное участие Святого Престола в судьбах международного сообщества имеет давнюю историю. Как Церковь в целом, так и Святой Престол в частности, считают одну из главных миссий это установление мира, соблюдая фундаментальные принципы прав человека и мирных взаимоотношений между свободными и ответственными народами, строящиеся на юридической основе [7].

Первую миссию в ООН Святой Престол направил 21 марта 1964 г. Статус постоянного представителя в этой организации Святому Престолу был предоставлен 6 апреля 1964 г. Полномочия Святого Престола как постоянного наблюдателя определены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 58/314 от 16 июля 2004 г. [8]. Поэтому неправильно говорить, что во время официальных международных визитов руководители иностранных государств принимают Папу как главу Ватикана. Римский Понтифик всегда выступает главой Святого Престола как субъекта международного права, эквивалентного государству, будучи в то же время и главой Государства Града Ватикан, суверенитет которого как вспомогательной территории Святого Престола проистекает из суверенитета Святого Престола. Именно поэтому Ватикан никогда не выступает самостоятельно, вне связи со Святым Престолом.

Святейший Престол обладает правом участвовать в общих прениях Генеральной Ассамблеи, записываться в список ораторов для выступления и выступать по пунктам повестки дня на любом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи, делать заявления и давать ответ, на издание и распространение сообщений, касающихся сессий и работы Генеральной Ассамблеи, выступать соавтором проектов резолюций и решений, в которых содержатся ссылки на Святейший Престол. Основное отличие статуса постоянного наблюдателя от полноправного членства заключается в отсутствии у наблюдателя права голоса на

заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и права выдвигать кандидатуры [8], но Святой Престол является членом различных вспомогательных органов ООН. В рамках мандата он активно участвует в работе Генеральной Ассамблеи и конференций ООН, присутствует на заседаниях специализированных учреждений ООН, избирается в выборные органы Организации.

Святой Престол имеет дипломатические связи со 179 странами, а также с Евросоюзом и Мальтийским орденом, Организацией Освобождения Палестины. Апостольский Престол в качестве члена Исполнительного комитета принимает участие в работе Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Как постоянный член Святой Престол участвует в работе таких организаций как Конференция ООН по торговле и развитию, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международное агентство по атомной энергии, Организация по запрещению химического оружия, Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПКОДВЗЯИ), Международный комитет военной медицины, Международная организация высших органов финансового контроля, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Международная организация по миграции. Кроме того, Святой Престол является наблюдателем Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Международной организации труда (МОТ), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Организации ООН по промышленному развитию, Всемирной туристской организации ООН и пр. [1].

Полномочные Представительства Святого Престола называются Апостольскими нунциатурами, и их Апостольский Престол направляет на международные совещания, конференции и собрания в качестве делегатов или наблюдателей. Они в своей деятельности подчиняются, как и все прочие миссии Святого Престола, Государственно-

Литература

1. *Bilatera I Relations Of The Holy See [Electronic resource] URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/documents/rc_seg-st_20010123_holy-see-relations_en.html (Accessed: 08.06.2014).*
2. Дьяченко С.В. Особенности международной правосубъектности Святого престола: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – М., 2008.
3. Кодекс канонического права. – М., 2007.
4. Латеранские соглашения: Договор Святого Престола и Италии (11 февраля 1929 г.) [Электронный ресурс] URL: http://vaticancitystate.ru/lateranskie_soglascheniya__dogovor_svyatogo_prestola_i_italii_-11_fevralya_1929_g-.html (Дата обращения: 4.06.2014).
5. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 2005.
6. Лычковский П.Ю. Суверенитет и международная правосубъектность Святого Престола // Журнал международного права и международных отношений. – 2011. – № 3.
7. Монсиньор Иван Юркович, Советник Представительства Святого Престола в Российской Федерации. Святой Престол и международное сообщество [Электронный ресурс] URL: <http://www.katolik.ru/tserkov-i-obshchestvo/item/1562-svjatoj-prestol-i-mezhdun.html> (Дата обращения: 14.06.2014).
8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 58/314. Участие Святейшего Престола в работе Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс] URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/514/72/PDF/N0351472.pdf?OpenElement> (Дата обращения: 20.06.2014).
9. Святой Престол и Россия [Электронный ресурс] URL: http://www.nuntius.ru/nuncio.files/prestol_ross_rus.htm (Дата обращения: 12.06.2014).

УДК 94 (498)

А. С. Стыкалин

К ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ОЦЕНОК ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 Г.

В центре внимания статьи – процесс пересмотра руководством КПСС и СССР прежних оценок венгерского восстания 1956 г. и советской акции по ее подавлению, происходивший в конце 1980-х го-

дов, в условиях распада социалистической системы.

Ключевые слова: Венгрия, события 1956 г., Горбачев, Восточная Европа, 1989г.

A. S. Stykalin

THE EVOLUTION OF THE OFFICIAL SOVIET VIEW ON THE HUNGARIAN EVENTS OF 1956

The author concentrates on the evolution of the Soviet official view on the Hungarian events of 1956 in the years of Gorbachev's "perestroika" in connection with the crash of Communism in Central-Eastern Europe.

Key words: Hungary, Hungarian events of 1956, Gorbachev, Eastern-Central Europe of 1989.

Первым советским официальным документом, в котором содержалась оценка драматических венгерских событий осени 1956 г., была принятая 30 октября, через неделю после начала мощного восстания

в Будапеште, и опубликованная на следующий день в «Правде» Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским

Союзом и другими социалистическими государствами. В ней говорилось о том, что силы реакции и контрреволюции быстро присоединились к справедливому движению рабочих с целью использовать их недовольство для подрыва основ народно-демократической системы в Венгрии и для восстановления власти помещиков и капиталистов. Более развернутая оценка была дана в выступлении министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова на пленарном заседании Генассамблеи ООН 19 ноября: «Действия народных масс, выступивших 23 октября против тяжелых ошибок и извращений, допущенных прежним руководством Венгрии, были совершенно законными. Вскоре, однако, это здоровое движение попытались использовать в своих целях реакционные фашистские элементы, которые стремились подорвать народно-демократический строй и свергнуть его. Уже 23 октября, когда в Будапеште проходила демонстрация, в которой приняло участие немало трудящихся, воодушевленных хорошими побуждениями, руководители контрреволюционного подполья вывели на улицы заранее сколоченные вооруженные группы. Они спровоцировали в Будапеште массовые беспорядки, переросшие затем в мятеж антинародных сил», сделавший неотложной задачей по оказанию братской Венгрии интернациональной помощи, дабы предотвратить установление фашистского режима⁴. Версия о том, что к изначально мирному, здоровому движению примазались поощряемые извне контрреволюционеры, нашла отражение и в публицистике конца 1956 – начала 1957 гг. Правительство И. Нады обвинялось прежде всего в слабости, сам Надь в уступчивости и оппортунизме, но никак не в предательстве социализма, большой акцент делался на критике прежнего руководства, команды Ракоши [2; 3]. Однако в течение считанных недель такая оценка была откорректирована; в пропагандистских брошюрах, напи-

4 Оценка венгерских событий содержалась также в письмах советского правительства лидерам западных держав в связи с Суэцким кризисом. См., в частности: [1. 16. 11. 1956]

санных выезжавшими в Венгрию журналистами, события все чаще трактовались как контрреволюция с самого начала, а Надь обвинялся в сознательном предательстве [4; 5]. Некоторые из изданий представляли собой тенденциозно выполненные подборки материалов, призванные проиллюстрировать априорно заданный тезис о контрреволюционном характере событий и реальной фашистской угрозе [6]⁵.

Первые публикации в научных и изданиях, в частности, исторических журналах, относятся к концу 1957 г. Подготовлены они были в духе программных документов своего времени и едва ли не в первую очередь выступления Н.С. Хрущева на встрече с писателями в мае 1957 г., где делался акцент на роли творческой интеллигенции в идейной подготовке венгерской «контрреволюции» и давались соответствующие предупреждения советским литераторам [10]⁶. В соответствии с заказом партийно-идеологических инстанций авторы статей стремились выявить и показать взаимосвязь между «ревизионистским наступлением» весны-лета 1956 г. (Кружок Петефи и т. д.) и последующей «контрреволюцией» [12]⁷.

Версия о «контрреволюционном путче», организованном прежними эксплуататорскими классами при активном участии международного империализма, а также

5 К этой же категории относились и переводные издания, авторы которых (в том числе посещавшие Венгрию журналисты из социалистических стран либо западной коммунистической печати) трактовали события в духе советской официальной версии [7; 8; 9].

6 Первый секретарь ЦК КПСС сделал принципиально важное (по сути дела программное) заявление о том, что в новых условиях борьба с культом личности «является для нас уже пройденным этапом», в свете опыта венгерских событий более актуальной становится борьба с ревизионизмом. Вспоминая годы юности, оратор поведал об опасности детской игры со спичками – игры, в результате которой возникали пожары, и между прочим предупредил слушателей, что у властей есть способы борьбы как с пожарами, так и с опасными играми в спички. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись незамедлительно. «Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов», – вспоминал писатель В. Каверин [11, с. 375].

7 Та же тенденция отличала переводные работы венгерских авторов, в том числе члена Политбюро ВСРП, одного из идеологов партии Д. Немеша: [13].

о братской интернациональной помощи Венгрии со стороны Советского Союза, занимала монопольное положение в научных работах, изданных по этой теме в СССР, на протяжении трех десятилетий [14; 15]⁸. Конечно, помимо официальной, в СССР существовали и иные точки зрения [18, с.173; 19; 20]⁹. Их придерживались не только участники диссидентского движения, на зарождение которого повлияли и венгерские события [22, 23], но и некоторые профессиональные историки. Один из них, ленинградец В. М. Алексеев, в своей работе на основе крайне ограниченного круга доступной ему литературы попытался выявить причины венгерского восстания, его движущие силы и историческое значение. Завершенное в 1980-е годы исследование, достаточно аргументированно опровергавшее официальную версию «контрреволюции», было опубликовано только в 1996 г. [24].

С приходом в 1985 г. к руководству КПСС М. С. Горбачева и его команды в Кремле и на Старой площади постепенно намечается более критическое отношение к советской политике в условиях венгерского кризиса 1956 г., ее методам, возникают сомнения в эффективности и результативности силового подхода с точки зрения долгосрочных интересов СССР и мирового коммунистического движения. Сам Горбачев 3 июля 1986 г. на заседании Политбюро говорил, по свидетельству его помощника А. С. Черняева, о том, что методы, примененные в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., в новых условиях неприемлемы [25, с. 61]. Москва постепенно отказывалась от функции «верховного арбитра», несущего всю ответственность за судьбы лагеря и обладающего правом по своему усмотрению решать, что является истинным социализмом, а что подлежит отлучению и наказанию. Однако опережать лидеров социалистических стран в переоценке событий, происходивших в са-

мих этих странах, в Москве, конечно же, не собирались. Осенью 1986 г., в год 30-летия «будапештской осени», в советской научной периодике, как и в венгерской, однозначно доминировала концепция контрреволюции, переводится на русский язык книга Я. Береца «Крах операции «Фокус»: контрреволюция пером и оружием»¹⁰. В условиях только что начавшейся перестройки охранительная позиция советской печати комментировалась на Западе как свидетельство нежелания официальной Москвы идти на концептуальный пересмотр своей внешней политики. Особенно много об этом писала русская эмигрантская пресса, отметившая 30-летний юбилей венгерской революции большим числом публикаций, в том числе спецвыпусками журналов «Страна и мир» (Мюнхен), «Проблемы Восточной Европы» (Нью-Йорк, позже издавался в Вашингтоне). Некоторый шаг вперед в осознании советской читающей публикой неоднозначности венгерских событий был ознаменован публикацией в 1988 г. в сокращенной версии книги Л. Дюрко – продукта переходного этапа в венгерской историографии второй половины 1980-х годов [29].

В начале 1989 г. в Москве не могли не отреагировать на знаменитое радиовыступление одного из лидеров ВСРП И. Пожгаи, с которого началось изменение официальной венгерской трактовки событий 1956 г. как контрреволюции. Посольство СССР в Будапеште направило в конце января в МИД три телеграммы по этому вопросу, которые незамедлительно были пересланы в ЦК КПСС. Помощник Горбачева А. С. Черняев в письме своему шефу от 1 февраля выразил мнение, что «надо поручить готовить

8 Та же точка зрения нашла отражение и в синтетических трудах по истории внешней политики СССР, а также по всемирной истории. См.: [16, с. 266–269; 17; с. 53, 90, 91].

9 О широком спектре отношения советского общества (в том числе интеллигенции) к венгерским событиям см.: [21].

10 Версия об активном участии в событиях вооруженных банд, посланных с Запада, нашла отражение и в синтетических трудах второй половины 1980-х годов по истории международных отношений [26, с.2 45, 246]. Особенно усиленно она тиражировалась в политико-пропагандистской литературе [См., например: 27, с. 368, 371]. Во всех этих работах необходимость советского военного вмешательства пытались доказать с позиций защиты не просто социализма, а той его модели, которая сложилась в Венгрии 1950-х годов. Но это вступало в противоречие с трактовкой самим М.С. Горбачевым истоков трудностей, возникавших в ходе социалистического строительства в странах Восточной Европы [См.: 28, с. 168].

нашу позицию по 1956 году», однако делать это без суеты [30]¹¹.

К лету 1989 г. группа экспертов международного отдела ЦК КПСС во главе с заместителем заведующего отделом В. Л. Мусатовым, ознакомившись с некоторыми прежде закрытыми архивными материалами, подготовила рабочий документ, в котором впервые была предпринята попытка взглянуть по-новому на октябрьские события 1956 г. в Венгрии¹². Необходимо при этом иметь в виду существование целого ряда факторов, препятствовавших радикальной переоценке. Во-первых, большое количество человеческих жертв вследствие событий осени 1956 г., причем среди них были и сотни советских военнослужащих¹³. Во-вторых, хотелось по возможности избежать осуждения Я. Кадара и его соратников, которые в сложной обстановке начала ноября 1956 г. смогли удержать страну

в Организации Варшавского договора, а на протяжении трех последующих десятилетий последовательно выступали за стабильные и дружественные советско-венгерские отношения (такая установка в отношении Кадара и его роли продолжала сохраняться и после его кончины в июле 1989 г.).

Как бы там ни было, характеристика событий как контрреволюции была признана упрощенной; оставить в силе эту оценку означало бы оправдание беззаконий, вершившихся в Венгрии в годы правления Ракоши. Обращалось внимание и на то, что большинство участников массового движения стояло на платформе социализма, выступая прежде всего против сталинских «искажений». В то же время участие в событиях экстремистов, вершивших насилие на улицах Будапешта и других городов и отнюдь не преследовавших цели «улучшения социализма», не позволяло однозначно говорить о справедливом характере «народного восстания»; в последние дни октября суть происходившего в немалой мере определяли именно террористические акции (в том числе кровавая расправа над безоружными людьми около здания будапештского горкома 30 октября). В сложившейся острой ситуации советскому руководству, как отмечалось в документе, не удалось избежать вмешательства в венгерские дела, что означало нарушение суверенитета страны. Вместе с тем, со стороны СССР отнюдь не ставилось целью восстановить в Венгрии власть команды Ракоши, полностью скомпрометировавшей себя. Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами была названа документом, свидетельствующим о поисках политических путей разрешения кризиса. В то же время в условиях суэцкого конфликта и обострения холодной войны Советский Союз должен был реально считаться с нежелательной перспективой утраты Венгрии как своего союзника и это не могло не повлиять на выбор окончательного решения,

11 Необходимо иметь в виду, писал А.С. Черняев: «даже если Грос (К. Грос, сменивший в мае 1988 г. Я. Кадара на посту первого секретаря ЦК ВСРП – А.С.) согласится с нашей оценкой, он не сможет ее реализовать, потому что вряд ли уже владеет идейно-политической ситуацией. Тем самым мы и его, и себя поставим в неловкое положение». Начавшаяся переоценка событий «будапештской осени» (принявшая к весне просто «обвальный» характер) была воспринята как один из важных симптомов продолжающейся сдачи позиций ВСРП, что, конечно, не могло радовать руководство КПСС. Тем не менее, делался вывод о необходимости устраниваться от вмешательства в идейно-политическую борьбу, которая разыгралась в Венгрии вокруг вопроса о характере октябрьских событий. «1956 год для венгров сейчас – частность, хотя и в контексте угрозы общего развала в стране. И мы будем выглядеть не очень солидно, если в такой момент на высшем уровне «проявим беспокойство» лишь по этому конкретному пункту, затрагивающему наше прошлое», продолжал Черняев. По его мнению, надо «стараться удерживать проблему 1956 года на уровне научного спора, не допускать превращения ее в политическую полемику с кем бы то ни было (как, впрочем, и с нашим 1939 годом)» [30]. Параллели с 1939 г. были закономерны, поскольку в свете предстоящего 50-летия начала Второй мировой войны в прибалтийских республиках СССР все более активно поднимался вопрос о переоценке советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Причем вопрос этот ставился в плоскость актуальной политики, связывался с признанием нелегитимности ввода советских войск в Прибалтику летом 1940 г.

12 В обсуждении документа в процессе его разработки принимали участие и ведущие специалисты-унгаристы из академических институтов (Т.М. Исламов и др.).

13 По этой причине экспертам аппарата ЦК КПСС, по признанию В.Л. Мусатова, было куда проще пойти на кардинальную переоценку советских действий в Чехословакии в августе 1968 г. [См.: 31].

согласованного с другими партиями, включая КПК и СКЮ [31]¹⁴.

Новый взгляд на события осени 1956 г. в Венгрии нашел отражение и в печати. На страницах журнала «Новое время» были предприняты осторожные попытки, отказавшись от ярлыков и жестких формулировок, скорректировать привычный односторонний подход таким образом, чтобы не создавалось впечатление радикальной переоценки; акцент делался на неоднозначности происходившего [32, 33]. Та же позиция, хотя и в меньшей мере, проявилась и на заключительном этапе работы над соответствующими главами большого синтетического труда – «Краткой истории Венгрии с древнейших времен до наших дней»¹⁵. Однако в некоторых публикациях 1989–1990 гг. продолжал по инерции господствовать прежний, однозначно «контрреволюционный» подход, это касалось и мемуаров генерала армии П. Н. Лашенко, в 1956 г. генерал-лейтенанта, командовавшего Особым корпусом советских войск в Венгрии [34]¹⁶. Лашенко и другой участвовавший в военной акции генерал, Г.И. Обатуров, обратились к М. С. Горбачеву с письмом, в котором выразили решительный протест против ревизии подхода к венгерским событиям как к «контрреволюционному путчу» [31]¹⁷. Преодолению в научном сознании сложившихся идеологических клише в некоторой мере способствовало ознакомление квалифицированного отечественного читателя с исследованиями зарубежных авторов благодаря реферативным изданиям ИНИОНа [37].

Выраженное помощником М. С. Горбачева А. С. Черняевым мнение о невмешательстве Москвы во внутренние венгерские дела, связанные с переоценкой событий 1956 г., не было единственным в среде советской партийно-государственной номенклатуры. Иной позиции придерживался председатель КГБ СССР В.А. Крючков (осенью 1956 г. служивший под началом Ю. В. Андропова третьим секретарем посольства СССР в Венгрии). Развернувшаяся в Венгрии кампания по пересмотру характера тех событий, по мнению Крюčkова, была направлена на «дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигание недружественных Советскому Союзу настроений» [38, с.71]. Для того чтобы по возможности воспрепятствовать ее проведению, Крючков предлагал передать в распоряжение партаппарата ВСРП хранившиеся в архивах КГБ документы 1930-х годов, проливающие свет на неблагоприятную роль И. Надя как агента-осведомителя органов НКВД, якобы виновного в аресте и гибели некоторых венгерских коммунистов. Учитывая популярность И. Надя среди сторонников кардинальных реформ и превращение этого политика в своего рода символ сопротивления венгерского общества навязываемым ему извне формам правления, компрометация И. Надя могла стать орудием (насколько эффективным – это другой вопрос) контрреформаторских сил в ВСРП в их противоборстве со своими оппонентами. В.А. Крючков убедил членов Политбюро ЦК КПСС в том, что предложенный им шаг отвечает интересам СССР, поскольку ослабил бы политические и моральные позиции антисоветски настроенных сил в рядах активизировавшейся в 1989 г. и уже открыто претендовавшей на власть венгерской оппозиции. Документы были переданы в

14 По свидетельству В.Л. Мусатова, мнение советских специалистов было изложено венгерской стороне в ходе межпартийных консультаций летом 1989 г.

15 Книга, писавшаяся во второй половине 1980-х годов, вышла только в 1991 г. (Отв. редактор Т.М. Исламов, автор глав по новейшей истории А.И. Пушкаш).

16 Представленную в этом источнике позицию были призваны подкрепить перепечатанные статьи маргинальных венгерских авторов: [35].

17 Такая позиция находила понимание и в «братских» партиях, чьи лидеры резонно опасались утраты власти вследствие развернувшихся в обществах этих стран демократических процессов: Хрущев «своими реформами вызвал 56-й год в Венгрии. А теперь вот Горбачев дестабилизирует социалистическое содружество», – говорил советским эмиссарам болгарский лидер Т. Живков [См.: 36, с. 137].

18 «Если ЦК ВСРП сочтет целесообразным создание комиссии для дополнительного выяснения деятельности И. Надя в период его жизни в СССР и обратится к нам, то с советской стороны будет сделано все необходимое для выяснения интересующих венгерскую сторону вопросов. Что касается оценок политической деятельности И. Надя,

Будапешт¹⁸, и первый секретарь ЦК ВСРП Карой Грос доложил партийному пленуму о раскрывшихся фактах, которые были весьма болезненно восприняты большинством партактива. Не только реформаторски настроенные председатель ЦК ВСРП Режé Ньерш и премьер-министр Миклош Немет, но и гораздо менее последовательный в этом отношении К. Грос, пришли к выводу о нецелесообразности обнародования полученных из Москвы документов, поскольку оно лишь подлило бы масла в огонь политического противостояния, но отнюдь не повлияло бы на происходящий пересмотр исторических оценок. В ЦК КПСС не давили, предоставив венграм право самим выносить оценки. Документы об И. Наде, о которых идет речь, не публиковались до 1993 г.

После последовавших осенью 1989 г. в ряде стран Восточной Европы революционных событий и падения режимов, не заинтересованных в пересмотре оценок политики СССР на восточноевропейском направлении, новая советская позиция невмешательства во внутренние дела стран региона (а значит и в ревизию прежних официальных оценок) звучала с еще большей однозначностью. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М.С. Горбачев говорил: «Мы твердо встали на путь товарищеских отношений, невмешательства в дела наших братских партий, тем более стран. И это – путь правильный. Это – один из главных уроков нашей предшествующей деятельности, нашей истории, взаимоотношений с социалистическими братскими странами» [Цит. по стенограмме пленума: 39. Ф.2. Оп. 5. Д. 342. Л. 39 – 48]. Этому предшествовало опубликованное вскоре после «бархатной революции» в Чехословакии Заявление Советского правительства о пересмотре оцен-

в том числе во время событий 1956 года, то, по нашему мнению, этот вопрос относится к компетенции ВСРП и венгерской исторической науки» (Текст указаний послу СССР в Будапеште в связи с обращением Р. Ньерша. Не позднее 18 сентября 1989 г. [39. Ф.3. Оп.103. Д.182. Л.69]. См. также постановление Политбюро ЦК КПСС «Об ответе на обращение Р. Ньерша». 18 сентября 1989. [39. Ф.3. Оп.103. Д.182. Л.12].

ки ввода войск в эту страну в августе 1968 г. [15. 12. 1989]¹⁹.

Летом 1990 г., вскоре после парламентских выборов в Венгрии, завершившихся убедительной победой правоцентристской коалиции, комиссия по иностранным делам Госсобрания Венгерской республики обратилась в Верховный Совет СССР с требованием осудить действия СССР в октябре-ноябре 1956 г., но это обращение осталось тогда без ответа²⁰. Позже, в 1991 г., уже после августовского путча, в дни 35-летия венгерского восстания аналогичное по содержанию открытое письмо направила М. С. Горбачеву группа из 20 конгрессменов США, но президент СССР не торопился на него публично реагировать, исходя из того, что новое руководство страны, обладающее совсем иным политическим мышлением,

19 В нем отмечалось: «вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным». В опубликованном тогда же совместном заявлении руководителей всех стран ОВД (включая Венгрию), принявших в августе 1968 г. участие в чехословацкой акции, также говорилось, что ввод войск в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела и должен быть осужден. См. записку Э.А. Шевардадзе и А.Н. Яковлева и соответствующее постановление Политбюро ЦК КПСС [39. Ф.3. Оп.103. Д.191. Л. 21, 112].

20 Следствием парламентского обращения явилось постановление Политбюро ЦК КПСС «Об изучении архивов ЦК КПСС, касающихся событий 1956 г. в Венгрии». В нем отмечалось, что переоценка в законодательном порядке характера событий и объявление дня их начала – 23 октября – национальным праздником «демонстрирует стремление новых венгерских властей сделать этот вопрос одним из центральных в своей политике смены общественно-политического строя в стране. Беспрецедентное по резкости обращение венгерского парламента к Верховному Совету СССР с требованием осудить тогдашнее советское военное вмешательство свидетельствует об их намерении использовать этот вопрос как средство давления на нас». В этих условиях решено было занять более наступательную позицию: «Необходимость новых аргументированных выступлений с нашей стороны по этой теме, в том числе с использованием материалов архива ЦК КПСС, представляется в свете этого очевидной». Работникам Международного отдела ЦК КПСС В.Л. Мусатову, В.Д. Дорохину и Л.В. Николаеву было поручено ознакомиться с материалами архива ЦК КПСС, касающимися принятия решения о вводе войск и других аспектов венгерского кризиса, и подготовить соображения о соответствующих публикациях в журнале «Известия ЦК КПСС» [39. Ф. 89. Пер. 11. Док. 23]. Журнал этот после августа 1991 г., как и другие структуры КПСС, прекратил существование. По свидетельству В.Л. Мусатова, из влиятельных лиц советского истеблишмента академик Г.А. Арбатова особенно настойчиво убеждал коллег в необходимости отреагировать на обращение венгров [31. Р. 11]. Позиция Г.А. Арбатова нашла отражение и в его книге: [40].

не считает ту давнюю акцию правильной и вместе с тем не несет ответственности за действия своих предшественников [31]²¹. Но на встрече в Москве с премьер-министром Венгрии Й. Анталом он все же осудил советское вмешательство [31]²². Это произошло в начале декабря 1991 г., за считанные дни до распада СССР и прекращения полномочий Горбачева.

Президент России Б.Н. Ельцин, посетив Венгрию в ноябре 1992 г., выступил 11 ноября с речью в Госсобрании Венгерской республики, ставшей одним из первых программных внешнеполитических документов посткоммунистической власти, касавшихся политики России на восточно-европейском направлении [Полностью опубликовано: 42]. Согласно оценке Ельцина и его команды, трагедия 1956 г. «навсегда останется несмываемым пятном» на советском режиме; «следы от гусениц танков, которые перепахивали улицы Будапешта, навечно отпечатались в душах тех, кому дороги идеалы свободы и демократии», а этих людей – большинство и в Венгрии, и в России. Действия СССР в Венгрии осенью 1956 г. были расценены как проявление тоталитаризма, который, как «любая тирания, никогда не замыкается рамками одной страны». Венгерское национальное восстание было поставлено в контекст тех исторических процессов, которые приве-

ли в конечном итоге к ликвидации власти КПСС. Отмежевываясь от «идеологии насилия» и соответствующей политической практики, президент РФ заверил венгерскую элиту в том, что новая Россия не унаследовала от СССР амбиций «старшего брата». В качестве жеста доброй воли венгерскому правительству была передана большая порция документов из российских архивов (в их отборе в соответствии с поручением тогдашнего главы российского архивного ведомства Р.Г. Пихои принимал участие и автор этих строк). Это позволило в последующие несколько лет осуществить качественный прорыв в изучении роли советского фактора в венгерских событиях 1956 г. [43].

Таким образом, коренной пересмотр характера венгерских событий 1956 г., сопровождавшийся признанием не только политической нецелесообразности, но и юридической незаконности советской военной акции по подавлению будапештского восстания, был закономерно предопределен процессами, происходившими в конце 1980-х – на рубеже 1990-х годов (кризис и последующий крах КПСС в роли монополюс правящей партии, распад советского блока и изменение характера отношений между СССР, затем Россией, и бывшими социалистическими странами Центральной и Юго-Восточной Европы).

²¹ Всё-таки 23 октября 1991 г. пресс-служба президента СССР М.С. Горбачева заявила, что советское вмешательство в Венгрии в 1956 г. противоречило международному праву [1. 24. 10. 1991].

²² В публикациях, относящихся к 1991 г., советские военные действия в Венгрии осенью 1956 г. уже все более трактовались не как интернациональная помощь, а как незаконная полицейская акция, направленная на сохранение существующего режима сталинистского типа, как неправомерное вмешательство СССР во внутренние дела Венгрии, подрывающее международный престиж СССР. Такая трактовка нашла отражение даже в довольно «консервативном», не склонном радикально порывать с советскими традициями «Военно-историческом журнале» (1991. № 10. С. 55), перешла в массовую и учебную литературу [41, с.130].

Литература

1. Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами // Правда. – 1956. – 20 ноября.
2. Долматовский Е.А. В Венгрии весной 1957 г. – М., 1957.
3. Захарченко В., Попов Ю., Стародуб А. Будапешт, октябрь-ноябрь 1956 г. О том, что мы видели своими глазами. – М., 1956.
4. Что произошло в Венгрии. Репортаж. – М., 1956.
5. Толкунов Л., Одинец М. Венгрия сегодня. – М., 1957.
6. О событиях в Венгрии. Факты и документы. – М., 1957 (Англоязычное издание, предназначенное для изложения официальной советской точки зрения перед зарубежной аудиторией: *The Truth about Hungary: Facts and Eyewitness Accounts. Moscow, 1957*).
7. Пристер Е. Венгерский репортаж. – М., 1957.
8. Штиби Г. Я пережил венгерские события. – М., 1957.
9. Штиби Г. Я видел Венгрию. – М., 1957.
10. «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. // Источник – 2003. – № 6.
11. Оттепель 1957-1959. Страницы русской советской литературы. – М., 1989.
12. Исраэлян В.Л., Николаев Н.Н. Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года // Вопросы истории – 1957. – № 12.
13. Немеш Д. Ревизионизм и контрреволюция в Венгрии // Новая и новейшая история – 1958. – № 6.
14. История Венгрии. Т. 3. – М., 1972 (главу о консолидации кадаровского режима в 1956-1962 гг. писал В.А. Крючков, в 1956 г. третий секретарь посольства СССР в Венгрии, а в 1988-1991 гг. председатель КГБ СССР)
15. Безушко П.П. Контрреволюционные силы и строительство социализма в Венгрии. – М., 1971.
16. История внешней политики СССР. 1917 – 1976 гг. В 2 томах. 3-е, дополненное издание. Том 2. 1945 – 1976 гг. – М., 1977.
17. Всемирная история. В 13 томах. Том 12. – М., 1979.
18. Любичев А.А. О смысле и значении венгерской трагедии. / Предисловие и публ. М.Д. Голубовского // Знамя – 1991 – № 10.
19. Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. – 1999 – № 3-6; – 2000. – № 1 – 6.
20. Пустынцев Б. Что мы помним о Венгрии 1956 года? // Звезда – 2006 – № 10.
21. Стыкалин А.С. Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей. Отв. ред-р Н.И. Басовская. – М., 2009.
22. 1956. Осень в Будапеште. Ред.-составитель Коркин В.Ф. – М., 1996.
23. «По данным агентуры и оперативной техники...» Справка КГБ СССР об академике Л.Д. Ландау. Публ. С.С. Илизарова при участии В.Ю. Афиани и др. // Исторический архив – 1993 – № 3.
24. Алексеев В. Венгрия, 56. Прорыв цепи. Предисловие В. Шейниса. – М., 1996.
25. В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. – М., 2006.
26. История международных отношений и внешней политики СССР, 1917 – 1987 гг. В 3 томах. Том 2. 1945 – 1970 гг. / Под редакцией Г.В. Фокиева. – М., 1987.
27. Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. – М., 1987.
28. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – М., 1987.
29. Дюрко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий. Главы из книги // Иностранная литература – 1988 – № 7, 8.
30. Архив Горбачев-Фонда. Фонд Черняева. Док. 7403.
31. Muszátov V. Moszkva és 1956. Viték 1989-1990 között a Szovjetunióban // História. Bp. – 1997. – № 8.
32. Леонидов В. (псевдоним зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС В.Л. Мусатова). В поисках истины (о событиях в Венгрии в 1956 г.) // Новое время – 1989 – № 24.
33. Поиск истины продолжается. Что происходило в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. Круглый стол // Новое время – 1989 – № 27.
34. Лашенко П.Н. Венгрия, 1956 год // Военно-исторический журнал – 1989 – № 9.
35. Фориж Й. О контрреволюции в Венгрии // Военно-исторический журнал – 1990 – № 8.

36. В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). Издание 2-е, дополненное. – М., 2008.
37. Политическая история стран Восточной Европы после 1945 г. в зарубежных исследованиях – М., 1991.
38. Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник – 1993. – № 1.
39. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
40. Арбатов Г. Моя эпоха в лицах и событиях. Автобиография на фоне исторических событий. – М., 2008.
41. Очерки истории XX века. – М., 1991. Часть 2.
42. Звезда – 1996 – № 10.
43. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В.Т. Середя, А.С. Стыкалин. – М., 1998.

УДК 940.1 (450)

Е. П. Тельменко

«ПРИМИ ЛИШЬ ВЕРУ И ПРОСТО В ЭТО ПОВЕРЬ»

Один из ведущих политических и культурных центров Италии эпохи Возрождения – г. Флоренция в к. XV в. стал полем реформаторской деятельности доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. Основным средством коммуникации и методом воздействия на паству являлись про-

поведи доминиканца. Статья посвящена анализу специфики репрезентации античного наследия в публичных выступлениях Джироламо.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, античная философия, репрезентация, паства.

E. P. Telmenko

«JUST ACCEPT FAITH AND JUST BELIEVE IT»

One of the leading political and cultural centers of Renaissance Italy was the city of Florence at the end of the XV-th century. It became a field for reform activities of a Dominican monk Girolamo Savonarola. Dominican's preaching was a primary means of communication and a way of influence on

the congregation. The article is devoted to the analysis of the specifics of the ancient heritage representation in Girolamo's public speeches.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, ancient philosophy, representation, congregation.

В 90-е годы XV в. духовным лидером и главным действующим лицом в жизни г. Флоренции стал доминиканец Джироламо Савонарола. Проповеди этого монаха привлекали как простых горожан – мужчин, женщин, детей, в огромном количестве стекавшихся на его выступления, так и представителей интеллектуальной элиты города на Арно.

В целом, проповеди фра Джироламо соответствовали той парадигме, которая сложилась среди нищенствующих братьев,

и была общей для итальянских проповедников позднего средневековья. В своих выступлениях они излагали основы христианского учения, предлагали надлежащие модели благочестия, постоянно призывая к исповеди и покаянию. Проповеди произносились на народном языке (volgare), в текст периодически включались латинские цитаты, которые помещались в соответствующий контекст и непременно объяснялись. Для разъяснения сложных вопросов исполь-

зовались примеры из повседневной жизни, а также мимика и жесты, придававшие выступлениям большую эмоциональность [12, р. 450–453].

Большинство проповедей Савонаролы представляли собой гомилии, то есть систематическое разъяснение Св. Писания по книгам и главам. При толковании библейского текста, как указывал своим прихожанам Савонарола, необходимо знать, что он обладает двумя смыслами: буквальным и мистическим; последний, в свою очередь, проявляется в аллегорическом, метафорическом и анагогическом толкованиях [6, р. 46]. Выступления фра Джироламо также были насыщены ссылками на авторитетных богословов и античных авторов, изобиловали рассуждениями умозрительного, абстрактно-философского характера по вопросам онтологии и гносеологии, но при этом являли собой образец удачного сочетания умозрительного и практического богословия, где не умалялась главная цель – моральная, назидательная.

Подобный характер публичных наставлений присущ доминиканцам в целом, но может быть также связан с индивидуальной склонностью монаха к теоретизированию. В любом случае, при анализе проповедей создается впечатление, что фра Джироламо преднамеренно завышал уровень восприятия паствы. Однако если довериться сведениям, оставленным одним из его апологетов, последователи реформатора стремились соответствовать своему наставнику, готовясь к его выступлениям: «... в их домах главным образом изучалось Священное Писание, и многие приходили на проповедь, уже изучив текст из означенного Писания, который слуга Божий утром должен был толковать» [2, р. 92].

Проявление в проповедях прекрасной осведомленности брата в области античной философии можно было бы связать с его желанием блеснуть этим знанием перед слушателями-гуманистами. Но вряд ли цитирование древних философов у фра Джироламо являлось данью моде, широко распространенной среди современных ему

проповедников, которых монах критиковал за увлечение внешней формой выступлений, когда с церковных кафедр звучит преимущественно логика и философия, поэзия и риторика [3, р. 336; 4, р. 82].

Скорее всего, основания частых обращений доминиканца к античной философской традиции лежали в иной плоскости. Примером может послужить первая проповедь на Исход, которую монах произнес 11 февраля 1498 г. после долгого вынужденного молчания, связанного с папским отлучением, провозглашенным в июне 1497 г. Вряд ли мысли Савонаролы, в то время сознательно идущего на обострение отношений с римским понтификом, и призывающего своих сторонников – «добрых христиан» готовиться к новой битве и положить на Господа, были заняты интеллектуальными изысками и привлечением внимания гуманистов. И все же он, взывая к Создателю, построил свою речь так: «... поскольку я хочу обратиться к тебе, Господи, в это утро, ибо не представляется, чтобы я говорил со многими богами, говорю и обращаюсь к тебе, Господь мой, который, согласно философам является первой причиной, первопринципом, перво двигателем, чистым актом, богом неизменным, управителем вселенной (выделено мной – Е. Т.). Также, согласно вере, обращаюсь к тебе, Господь – троичному и единому...» [8, р. 4].

Примечательно и то, что, не только здесь, но и в других проповедях, адресуясь к античным авторам, Савонарола зачастую не называл их, ограничиваясь общим обозначением – «философы» [6, р. 91; 10, р. 67]. Очевидно, следует согласиться с А. Ф. Верде, полагающим, что характер подобного цитирования обусловлен спецификой сознания человека греко-латинской цивилизации, которое сохранило информацию и убежденность в необходимости ее применения, даже при незнании имен людей, от которых происходят те слова, которые были переданы ему при обучении [13, р. 11–42]. Здесь стоит отметить, что Савонарола прошел школу монастыря Св. Доминика в Болонье, который в его время являлся

прославленным научным и духовным центром, достаточно упомянуть, что одним из преподавателей фра Джироламо был Пьетро да Бергамо – составитель «Золотой скрижали» (Tabula Aurea) – свода трудов Св. Фомы Аквинского [1, р. 92–95; 14, с. 33–34].

Среди часто называемых Савонаролой по имени авторов, и явно наиболее почитаемых в качестве ученых авторитетов – Платон и Аристотель. В проповеди на Иова, произнесенной в первую субботу Великого поста 1495 г., имеется высказывание, которое довольно четко обнаруживает предпочтения монаха. Доминиканец призывает поднявшихся на мистический ковчег спасения флорентийцев уподобиться библейскому Иову в перенесении испытаний. Примеры Священного Писания он дополняет философским экскурсом, призванным утвердить слушателей в том, что сокрушение об утрате мирских вещей и благ естественно, но не должно поглотить человека полностью и отвратить его от «прямоты разума» и веры в Бога. «Некоторые философы утверждают, что добродетельный человек не сокрушается о потере и утрате внешних вещей, и приводят следующий довод: не внешние, но внутренние вещи являются благом человека; это стоики, кто имеет это мнение, которое могло бы быть истинным, если бы душа не была бы соединена с телом, как говорят платоники; и поэтому перипатетики высказываются иначе: человек печалующийся не противоречит добродетели, лишь бы только он не отделялся от прямоты разума. И эта сентенция более соответствует католической вере, чем другая, названная выше» [11, р. 85–86]. Собственно, как само интеллектуальное наследие Савонаролы, так и его современники указывают на то, что основой философской рефлексии монаха являлся аристотелизирующий креационизм Аквината. «Он, – заявлял современник, автор «Жизнеописания» доминиканского брата, – в философии постоянно следовал только за школой перипатетиков и за Аристотелем; и в теологии стремился идти, прежде всего, по пути Св. Фомы, которого непрестанно тщательно

осмысливал, и у которого, как он заявлял, обучился всему тому, что знал, и о котором он говорил, что тот является выдающимся доктором философии из всех возможных» [2, р.7].

Уже упомянутый выше А.Ф. Верде, исследовав тексты проповедей Савонаролы, обнаружил следующую закономерность: когда Платон и Аристотель упоминаются по отдельности, они выступают в качестве ученых авторитетов, если же эти философы употребляются вместе, в таком случае они представляют языческую науку, противопоставленную христианскому учению [13, р. 11–42]. В целом разделяя мнение этого итальянского историка, стоит уточнить: даже в случае отдельного обращения к античным авторам, проповедник не допускал возможности восприятия их мнения паствой как абсолютного. Примером может послужить репрезентация прихожанам положений Аристотеля. Во-первых, мысль этого философа зачастую подается в сочетании с другим, уже церковным, авторитетом – Фомой Аквинским [4, р. 77; 6, р. 86; 10, р. 252], что могло бы и не происходить, пожелай проповедник соответствовать моде того времени. Во-вторых, это проявляется в наличии полемики с «Философом». Например: «Вселенский порядок указывает тебе, что он устроен неким разумом. Аристотель, который всеми прозывается величайшим, утверждал, что в природе имеется грех, этого не может быть, иначе природа не управляется каким-либо разумом, ибо грех есть то, что противостоит (противоречит) порядку разумному» [4, р. 412]. Или, к примеру: «Целью человека является блаженство, это признает Аристотель и всякий человек, но Аристотель не говорил, будет ли это в этой жизни или иной. Мы утверждаем, это будет в жизни иной» [6, р. 73].

При всех, описанных выше нюансах, представляется, что образ античных философов, в том числе Платона и Аристотеля, необходим монаху, прежде всего как пример возможности, но, одновременно, и ограниченности постижения первоистины с помощью разума. Суть позиции Савонаролы, обозначенной в его проповедях, мож-

но свести к следующему. Наставляя паству, фра Джироламо допускает рациональный путь к высшей истине (Богу), но отмечает трудности, связанные с ним. Этот путь «подходит не для всякого человека, а скорее для людей отвлеченного, умозрительного типа»; идти по нему нужно длительное время и требуется прочесть много книг; при этом неизбежно столкновение с различными мнениями, в том числе и заблуждающимися, кроме того, он не ведет к вечной жизни [9, р. 160; 10, р. 84]. Помимо этого, путь разума основан на данных чувственного опыта и связан с познанием природы, являющейся лишь «подобием подобия» истины. «Философы, – говорит проповедник, – стремились познать Бога посредством естества, то есть при помощи вещей природных, и таким образом через подобие подобия (*per similitudine della similitudine*), которое отражает Господа в творениях; поскольку ни одно творение не является таковым, чтобы иметь возможность отразить божественную сущность, постольку философы останавливаются исключительно на постижении творений» [10, р.66]. Соответственно, философы, продвигаясь от одной причины к другой, «утверждали, что есть первоначальное, и это Бог», таким образом, они «увидели немного», лишь «силу Бога», но не его «лицо», то есть доброту, любовь, милосердие по отношению к человеку [11, р. 65–66, 96–97].

Соответственно, критика рационального пути к Богу сопровождалась в проповедях обоснованием преимуществ другого пути – через веру. «Философы, – утверждал Савонарола, – соединились с Богом насколько могли, и все же не достигли своей цели». Причина в том, что «они не уверовали в Христову веру, в то, что доброта Бога настолько велика, что он пожелал сделаться человеком и умереть для спасения людей». Эти философы не постигли, что Христос – истинный Бог, который вочеловечился, чтобы показать путь спасения, научив «доброй жизни», основанной на любви к Богу и ближнему [9, р. 172].

Проповедник внушал прихожанам, что именно путь к Богу через веру, в отличие от рационального, доступен для всех: вера мо-

жет за короткое время обратить грешника в праведника и для постижения ее достаточно одной книги – Св. Писания, где, как утверждал этот наставник флорентийских горожан, заключена вся мудрость, которая может привести человека к его цели. «Если ты желаешь этики Аристотеля, которая является тем, что указывает цель, обратись к Распятому, и ты найдешь, что нет никого, кто бы лучше указал истинную цель человека, чем это сделал Иисус Христос, если ты хочешь нравственной жизни (*vita morale*) Сенеки, нет другого в мире, что могло бы научить жизни честной и благородной лучше, чем Христос», – убеждал Савонарола своих слушателей [10, р. 85].

Здесь уместно привести сравнение философов и Христа, которое дал Савонарола, обыгрывая в одной из проповедей на псалмы (9 июня 1995 г.) образ доброго пастыря. Иисус ведет своих овец через испытания, охраняя от волков и принося себя в жертву. Он, как указывает проповедник, заявляет: «Все, кто идет впереди меня, воры, ибо они вошли не через ворота, то есть не через меня, и овцы не должны их слушать». Здесь паства получает уточнение: пророки и патриархи, предшествующие Спасителю, не являются таковыми, ибо были посланы. А вот «те, кто шел сам собой, как Аристотель и Платон и прочие философы, которые утверждали, что знают, каков Бог и посланы им, а на самом деле не знали его благодати. Это были воры, которые узурпировали (присвоили) обязанности поучать» [7, р. 23 – 24].

В итоге представляется, что цель подобной репрезентации античных мыслителей обусловлена ситуацией, в которой пришлось действовать монаху-реформатору, определявшему современное ему общество, как общество *tiepidi* – «равнодушных», людей, увлеченных внешними проявлениями веры.

С одной стороны, она связана с критикой современной ему Церкви и ее проповедников, чрезмерно увлеченных изложением философии и логики, украшением выступлений латинскими и греческими цитатами. Их Савонарола уподоблял колоколам, от которых нет никакого толка, кроме

звона [5, р. 31], ибо в погоне за внешней формой терялось внутреннее содержание проповеди и, таким образом, не достигалась главная цель – обращение паствы к вере в Бога и, соответственно, к христианскому существованию. «Истина, – вещал монах в одной из проповедей на Псалмы, – стремится быть чистой и голой, и чем более она чиста, тем более склоняет к себе. И поэтому мы видели, что апостолы, посредством чистой и простой правды, более склоняли и имели большую силу, нежели ораторы при помощи цветистых речей и молитв, полных красноречия. Голая правда притягивает людей к тому, чему интеллект их противится, чего не в состоянии никогда сделать никакой оратор при помощи своего искусства и красноречия» [6, р. 102–103].

При этом Савонарола стремился четко обосновать отличия собственных практик обращения к античным мыслителям по характеру и цели. «Иногда, – говорит монах о себе, – я приводил тебе естественные доводы философии не для того, чтобы обучить

тебя философии, но для того, чтобы обратиться к неверующим и убедить их с помощью доводов разума» [4, р. 74]. Означенная саморепрезентация коррелирует с периодически употребляемым на проповедях приемом сравнения пути разума и веры, философов и Иисуса Христа. В последнем можно усмотреть также и полемику с членами флорентийской Академии. Доминиканец явно противостоял их желанию согласовать между собой «правильно понятый» платонизм, учения других античных философов и положения христианской религии. Причем, недоверие к бывшим членам Академии, видимо, существовало изначально, и, со временем, только усиливалось. Достаточно вспомнить замечание монаха на смерть Джованни Пико дела Мирандолы: «Он медлил с приходом к вере,...и поэтому пребывает в Чистилище» [10, р. 104]. Отсюда, цель и итог рассуждений монаха-реформатора очевидны и вполне традиционны: «Прими лишь веру и просто в это поверь» [4, р. 74].

Литература

1. D'Amato A. *Formazione religiosa e dottrinale di fra Girolamo Savonarola // Il ferrarese Savonarola. Atti del Convegno, Ferrara 25 ottobre 1997 / a cura di Giuseppe Cenacchi. – Ferrara, 1998.*
2. *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. – Firenze, 1937. – XXIII p.*
3. Savonarola G. *Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri. – Roma, 1971. – Vol. 1.*
4. Savonarola G. *Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri. – Roma, 1971. – Vol. 2.*
5. Savonarola G. *Prediche sopra Ezechiele / a cura di Roberto Ridolfi. – Roma, 1955. – Vol. 1.*
6. Savonarola G. *Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. – Roma: 1969. – Vol. 1.*
7. Savonarola G. *Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. – Roma: 1974. – Vol. 2.*
8. Savonarola G. *Prediche sopra l'Esodo / a cura di Pier Giorgio Ricci. – Roma, 1955. – Vol. 1.*
9. Savonarola G. *Prediche sopra Ruth e Michea. / a cura di Vincenzo Romano. – Roma, 1962. – Vol. 1.*
10. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo. – Roma, 1965.*
11. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi. – Roma, 1957. – Vol. 1.*
12. Tromboni L. *Uno strumento per il predicatore: il compendio di filosofia aristotelica di Girolamo Savonarola // L'antichità classica nel pensiero medievale. Atti del XIX Convegno internazionale di studi della SISPM (Società Italiana per lo Studio del Pensiero Medievale). Trento, 27 – 29 settembre, 2010. – Porto, 2011.*
13. Verde A.F. *La presenza della cultura scolastica nelle opere di fra Girolamo // Girolamo Savonarola, l'uomo e il frate: atti del XXXV Convegno storico internazionale, Todi, 11 – 14 ottobre 1998. – Spoleto, 1999.*
14. Ченти Т.С. *Джиrolамо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джиrolамо Савонарола. Молитвы из темницы. – М., 1998.*

УДК 94(47).083(470.6)

Е. В. Шандулин**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ «КАВКАЗСКОГО ВОПРОСА» В РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ I-III ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

Статья посвящена формированию «кавказского вопроса» в России в начале XX века. Рассматривается круг проблем, связанных с выступлениями депутатов первых трех государственных Дум от Кавказа, а так же продвижение кавказской

тематики в рамках работы российского парламента.

Ключевые слова: кавказский вопрос, кавказский запрос, государственная Дума Российской империи.

E. V. Shandulin**TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE «CAUCASIAN ISSUE» IN RUSSIA
(ON MATERIALS OF THE I – III STATE DUMAS OF THE RUSSIAN EMPIRE).**

The article is devoted to the formation of the «Caucasian issue» in Russia in the early twentieth century. The author discusses a range of issues related to the speeches of the deputies of the first three state Dumas who represented the Cauca-

sus, as well as the promotion of Caucasian subjects in the framework of the Russian Parliament.

Key words: the Caucasian issue, the Caucasian request, the state Duma of the Russian Empire.

Широко используемые в современной науке и публицистике понятие «кавказский вопрос» в настоящее время является, отчасти, синонимом легендарного неразрешимого «гордиева узла» и традиционно выступает трудной для масштабного осмысления темой. Большое количество наслоившихся социальных проблем подталкивает к пониманию этого понятия как сложной системы разнообразных вопросов, смысл которых достаточно широк и разнообразен. Однако системное видение требует определения хронологических рамок формирования данного понятия и условий его кристаллизации в российском общественном и политическом пространстве.

политический оттенок и их происхождение уходит в область формировавшегося публично-политического пространства России начала XX века. В этом ряду можно указать и «кавказский вопрос», который в рамках работы первых трех Государственных Дум Российской империи вырос из публичного противостояния правых и левых депутатов в Думе и получил колоссальный резонанс в виде сформированного правыми депутатами в третьей Думе «кавказского запроса», обсуждавшегося на протяжении нескольких сессий.

Историческим «коконом», давшим жизнь многим российским системным вопросам стал период начала XX века. Именно первая российская революция вызвала к жизни целый ряд тяжелых проблем: «национальный вопрос», «рабочий вопрос», «украинский вопрос» и т.д., ставших расхожими понятиями в публицистике того времени и вошедших впоследствии в научную литературу. Данные понятия носят выраженный

При анализе «кавказского вопроса» наиболее продуктивным видится подход к комплексным региональным проблемам, как отражению собственно общероссийских сценариев. С одной стороны, Дума стала «рупором» кавказских проблем, где различные политические силы использовали проблемы региона для продвижения своих политических программ. С другой, приспособление представителей сообществ южных окраин Российской империи начала XX века к новым реалиям времени проходило под влиянием общероссийских трудностей

и нарастающей революционной ситуации. Депутаты региона старались использовать политические общероссийские платформы для отстаивания своих традиционных стремлений. Таким образом, Кавказский вопрос в некотором смысле зеркально отразил некоторые общественные сценарии страны в целом.

Говоря о комплексе проблем российского общества, отраженных в «кавказском зеркале» в рамках работы Государственной Думы, следует указать, что формирование самостоятельного «кавказского вопроса» как политически устоявшегося выражения происходило поэтапно.

Включение территорий Кавказа в орбиту влияния Российской империи в XVIII–XIX веках был первым шагом на этом пути, и представляло собой сочетание различных социальных механизмов [17, с. 29, 31–32] – как экономического, так и политико-административного характера. Административное управление Кавказом через институт наместничества было не просто техническим инструментом, где наместник имел широчайшие полномочия, но и формой частичной изоляции проблем Кавказа от общероссийских вопросов. Проблемы Кавказа до начала XX века были в первую очередь проблемами наместничества, а не всей страны, так как этот регион имел особый административный статус, где наместник был подотчетен только перед императором [1, с. 17–18]. Наместники обладали настолько широкими полномочиями, что по остроумному замечанию М. Сперанского, были похожи на «министров на местах» [17, с. 56]. Таким образом, управление на Кавказе до начала XX века сильно отличалось от управления в центральных регионах страны и не имело единого правового и социального поля для обсуждения своих проблем.

Превращение проблем Кавказа в комплексное явление для самой России произошло в момент включения Кавказа в общероссийское поле взаимодействия не только территориально, но и политически. Это началось вместе с постепенным уравни-

ванием этого региона в правовом статусе с другими территориями во второй половине XIX века и завершилось с началом работы в России парламентских органов управления в 1906 году. Наместник Кавказа с этого времени был обязан держать в Думе своего представителя и отвечать на публичные запросы депутатов. Именно работа Государственной Думы, публичные политические баталии, опубликованные в печати выписки из выступлений стали тем «коконом», из которого и вырос в итоге сложный и многоликий «кавказский вопрос».

Кавказский вопрос появляется в российском политическом лексиконе в рамках работы Государственной Думы вместе с дискуссиями по депутатским запросам в отношении министерства начиная с её первого созыва. Говоря о периоде рубежа XIX–XX веков, следует оговорить, что использование словосочетания «кавказский вопрос» было вполне в духе того времени. Системное двусоставное определение проблемных тематик работы парламента встречается в первом же предметном указателе по стенограммам Государственной Думы [14, с. 143–237] сразу в нескольких формах: аграрный вопрос, крестьянский вопрос, национальный вопрос, рабочий вопрос [14, с. 144, 177, 183, 213]. Это деление в некотором смысле было условным, однако точно отражало наиболее актуальные для того времени системные кризисы в некоторых ключевых областях жизни общества, требовавших немедленного решения. Рождение «кавказского вопроса» произошло из понятия «кавказский запрос», ставшего одним из ярких сюжетов думской истории начала XX века.

Технически понятие «запрос» связано с регламентом парламентского органа и относится к процедуре подачи документов на рассмотрение Думы, по итогам которой соответствующее профильное министерство должно ответить на запрос депутатов. Надо отметить, что депутаты этим правом активно пользовались. От Кавказа в первую Думу попало почти 30 депутатов, большинство из которых относились либо к элите

местных народов либо были выходцами из русских или казачьих воинских сословий [3, с. 3–17]. В данном случае, если подразумевать Кавказский край как административную [18, с. 818–820], а не историко-культурную область, то под депутатами от Кавказа, активно участвовавшими в обсуждении Кавказских проблем можно называть представителей Северного Кавказа: Кубанской области и Черноморской губернии (Черноморский округ), Терской области, Ставропольской губернии; а также Закавказья: Батумской области, Елисаветпольской губернии, Кутаисской губернии, Бакинской губернии, Карской области, Тифлисской губернии, Эриванской губернии, Закатальского округа, Дагестанской области. Однако следует признать, что представители казачества и русских областей региона, в отличие от национальных представителей, как правило, активного самостоятельного участия в осуждении кавказских проблем в первой Думе не принимали, что подтверждается перечнем их обращений и выступлений к думским стенограммам [11, с. 23–139].

Первый парламент отличался невероятным количеством срочных запросов, которыми депутаты, в том числе и от Кавказа, заваливали министерства при практически полном отсутствии принятых законопроектов в текущем порядке. За 72 дня работы первой Думы было рассмотрено более 300 запросов, что было невероятным достижением, но не могло служить доказательством эффективности парламента, так как большинство были мелкими и касались частных случаев нарушения закона. Запросы шли не только в комиссии для дальнейшего рассмотрения, а голосованием могли быть признаны срочными и немедленно передавались в правительство для ответа согласно статье № 40 Учреждения Государственной Думы, так как число подписавшихся под такими письмами, как правило, превышало 30 депутатов, что подтверждалось проектом Наказа Государственной Думы третьего созыва [15, с. 20–21]. Данный механизм оказался эффективным инструментом политической борьбы. Согласно ст. 58 учрежде-

ния Государственной Думы запросы могли голосованием признаваться «спешными» и тогда они немедленно обсуждались в Думе, что превращало иногда работу парламента в сплошной поток мнений и выступлений, перемежаемых критикой правительства.

Проблемы Кавказа проявились в стенограммах первых двух Дум как серия однотипных частных запросов депутатов от Кавказа на основании данных из региона и касались в основном действий казаков на Кавказе, прекращения беспорядков и незаконного насилия [16, с. 252–301]. Это были локальные проблемы, обнародование которых было скорее пробой механизма обращения к думской общественности. Из 28 запросов, в которых депутаты от Кавказа участвовали как подписанты или выступающие, только 7 тематически касались событий на Кавказе (218, 237, 238, 281, 303, 312, 326) [11, с. 23]. Наибольший резонанс получили запрос № 237 «о погромах в Батуми», № 281 «о предании военному суду 27 нижних чинов Мингрельского полка и общая забастовка вследствие этого в Тифлисе» по которым шла дискуссия между депутатами центра России, не видевшими в событиях ничего незаконного и требующего внимания Думы и представителями Кавказа, которые в этой цепи событий видели опасность грядущего массового погрома и требовали немедленного вмешательства думских представителей.

Депутат Жордания от Тифлисской губернии неоднократно выходил на трибуну с длинными выступлениями и экскурсами в историю Кавказа, требуя подать официальные запросы от Думы в войсковые части и лично Министру внутренних дел для расследования событий на Кавказе: «Меня удивляет рассуждение предыдущего оратора²³. Мы опасаемся того, чтобы там на днях не произошел всеобщий погром... вы не знаете что такое военные власти в Тифлисе! Тифлис с декабря месяца находится на военном положении. Солдаты и офицеры

²³ Депутат от Минской губернии Массониус в этом запросе не увидел ничего незаконного, и посчитал что думский запрос в внутривойсковых проблемах бесполезен

овладели почти всем городом, и они под главенством Тимофеева, местного губернатора, учиняют каждый день незаконные деяния...» [3, с. 1699]. Данная позиция в итоге нашла поддержку кадетских депутатов Набокова и Кокошкина, но встретила упорное сопротивление октябристов и лично одного из их лидеров – М. Стаховича, который требовал не вмешиваться в дела, к которым Дума не имеет компетенции. Стахович как известный юрист иронически заявил: «не смею оспаривать авторитет трех профессоров, мне возражавших... но я прошу, что бы разъяснили моему невежеству: в непосредственной связи с какими рассматриваемыми Государственной Думой делами возник такой запрос? (смех в зале)... я боюсь, что мы создадим министерству новый повод ответить нам, что мы не имеем права, не имеем оснований покуда эдаких запросов делать, и тогда в ответ мы можем проявить только раздражение. ... какое в этом запросе указывается неправильное действие? ... если признать за этим запросом срочность... то обставьте его, мотивируйте более сильно» [3, с.1701]. Таким образом, вопросы Кавказа с первых думских заседаний превращались в вопросы общероссийского характера, которые не приближали решения региональных проблем, но становились площадкой для политического межпартийного противостояния.

Достаточно типичной ситуацией был запрос № 182 депутатов от Тифлисской губернии «снаряжение карательной экспедиции Сванетию», касавшийся информации о возможных планах армии провести карательные действия в регионе. Депутат от Тифлисской губернии князь Баратов неоднократно ставил этот запрос важнее обсуждения в Думе вопроса о смертной казни: «Конечно, запрос о смертной казни спешный (запросы 233, 235, 244, 249, 246 курсив авт.), но я настаиваю на спешности запроса, в котором указывается, что в Сванении предполагается послать карательный отряд. Мне кажется, что этот запрос настолько спешный, что его надо сегодня же рассмотреть. Я, депутат Жорда-

ния и проф. Ковалевский (имеется в виду центрист проф. М. М. Ковалевский) получили телеграммы относительно этого...» [3, с. 1551–1552]. Лидеры российских политических партий эти вопросы неизбежно включали в свою работу. Вопросы о погромах и насилии на Кавказе упоминались и в других запросах, носивших уже общероссийский характер, например, в уже упомянутых вопросах применения смертной казни, которые получили также широкое участие путем голосования и выступлений депутатов социалистов от Кавказа. Это запросы № 233, 244, 249, 256, которые в итоге были поставлены председателем Думы князем С. А. Муромцевым в одну повышенную группу важности вместе с упомянутыми вопросами Кавказа [3, с. 1549].

Во второй Государственной Думе за существенно больший период работы Думы (102 дня) было рассмотрено всего 26 запросов, что говорило о заметном изменении тактики депутатов в отношении правительства [3, с. 1553–1554]. Однако, во второй Думе по кавказской тематике возобладала двоякая тенденция. С одной стороны, расширилась тематика общероссийских проблем, в которых звучали примеры с Кавказа. С другой, рассмотрение некоторых запросов превратилось в самые настоящие политические столкновения, в которые были вовлечены представители многих регионов страны от самых различных политических сил и происходившие уже достаточно долго, на протяжении 1 или даже 2 заседаний. Тенденции политизации кавказских проблем, намеченные в Думе первого созыва усилились и явно проявилось влияние на депутатов Кавказа левых политических взглядов.

При численном примерном равенстве числа депутатов от региона с составом в сравнении с первым созывом Думы, лидерство во второй Думе в Кавказских вопросах проявили представители Тифлисской и Кутаисской губерний, ставших представителями левых, в частности социал-демократической фракции: Джапаридзе А. Л., Ломтатидзе В. Б., Зурабов А. Г., Церетели И. Г. и др. Они отли-

чались активностью, настойчивостью, упорством и грамотностью в продавливании своих предложений, заметной политизированностью, постоянными стычками с председателем Думы второго собрания. В их выступлениях кавказский вопрос практически не звучал, а основная работа шла в рамках думской тактики РСДРП. В итоге представители левых оказались в числе 55 членов ГД, которых министерство Юстиции запросило лишить депутатской неприкосновенности в связи с уголовным преследованием [4, с. 1481–1568.], что в итоге сильно ударит по численности представителей Кавказа в третьей Думе.

Вторую по значимости группу депутатов второй Думы составили центристы или внепартийные депутаты, которые не вмешивались в политические дискуссии, но методично выступали с трибуны по разным проблемам российской истории, используя кавказскую тематику как основное наполнение своих выступлений. Именно эта, менее политизированная часть кавказских депутатов, продолжила инкорпорировать расширительную тематику Кавказа в работе государственной Думы и участвовать в работе думских комиссий. Например, член ГД от Бакинской губернии Зейналов З.Э. работая в аграрной думской комиссии, неоднократно выступал по аграрному вопросу, приводя в пример только свой регион, выясняя «разницу нашей Бакинской губернии с остальными» [7, с. 1955–1960]. Потом незаметно переходил к вопросу об образовании отмечая что «русских школ в губернии 420, армян 235, а мусульман всего 167...» [7, с. 1961] за что был прерван председателем Думы за разговоры не по делу. Говорил при думском обсуждении по рабочему вопросу, отмечая важность своего региона в масштабах страны и тяжелом положении рабочих в Баку [7, с. 581]. Член ГД от Терской области Караулов М. А., выступая трибуны отмечал: «Я являюсь представителем терского казачества. Вы господа много говорите о казаках, много слышали о них, но действительность вас вовсе не интересует, вы ничего про нас, про казаков не знаете,

и знать не хотите. Когда я в первый раз хотел с этой трибуны разъяснить казачий вопрос, мне это не было позволено. Но я сделаю это в другой раз...» [7, с. 1363]. Его выступления были насыщены данными по истории, укладу, экономике терских казаков и Кавказа в целом. Махмудов Мустафа от Бакинской губернии работал в комиссии «по помощи безработным» и «аграрной комиссии» [12, с. 104]. В своих выступлениях при обсуждении вопроса об образовании он поднимал вопрос об образовании и его доступности на Кавказе, вызвал смех в зале указав, что «мы, учителя мусульманские, стоим в глазах министерства народного просвещения ниже женщин» [4, с. 163–165]. Большой эффект вызвала только шутка депутата ГД от Елисаветпольской губернии Степана Христовича Тер-Аветикянца, который по поводу известного случая с потолком в начале работы второй Думы заметил: «потолок Таврического дворца не выдержал народных стонов и рухнул!» [7, с. 496–499.].

Наиболее масштабными и взвешенными выглядели выступления депутата ГД от Эриванской губернии Сагателян И. Я., который состоял в комиссиях по наказу ГД, местном суде и аграрной комиссии [12, с. 122]. Демонстрируя обширные знания по истории Европы и России, он грамотно вписывал историю Кавказа в этот контекст, не вызывая в свой адрес протестов левых или правых депутатов. Он отмечал, что «в России, как и на Кавказе, развито общинное землевладение...», указывал на характерное при этом «отсутствие понятия собственности...», говорил, что «...у России и Кавказа в этом отношении совпала историческая стадия... в Закавказье община сохранила землю, не допустив бед Европы...» [6, с. 1124]. Очевидно, что он принадлежал к трудовой группе ГД, стараясь выдерживать грамотную позицию в аграрном вопросе, [2, л. 81–84] блестяще превратив кавказскую тематику в инструмент для объяснения общероссийских и мировых проблем в аграрном секторе, сравнивая исторический опыт различных регионов.

Третья Дума отличалась от первых двух целым рядом параметров. Она не только проработала весь положенный срок при новом избирательном законе, но и изменила структуру своей работы. В рамках работы второй сессии третьей Думы будет проведено обсуждение Наказа Государственной Думы (регламента), где работа комиссий и регламент были усовершенствованы, [15, с. 45–56] что дало возможность более внимательно и последовательно обсуждать проблемы и избегать мелких запросов. Общее число запросов, касавшихся Кавказа, в III Думе от сессии к сессии падало, а к четвертой их уже не осталось ни одного.

Изменился политический характер Думы, в которой в дополнение к левому крылу, появились сильные группы правых депутатов. Именно правые сыграли ключевую роль в раздувании политического конфликта по кавказским проблемам. Так же следует отметить, что в Думе третьего созыва активно работал заменявший в парламенте заместителя на Кавказе статс-секретарь барон Имануил Юльевич Нольде, к которому и шли обращения и запросы по Кавказу.

Так же следует отметить, что изменилось число депутатов от Кавказского края, которых при новой структуре избирательных округов после объединения, осталось всего 13 человек [9, с. 235]. Елисаветпольская, Бакинская, Эриванская губернии лишились права иметь собственных представителей и были слиты в один избирательный округ, а по другим округам были снижены квоты. Несмотря на снижение представительства Кавказа и Закавказья в парламенте, третий созыв Думы стал пиком обсуждения тематики Кавказа в Думе с участием всех политических сил страны. «Кавказский запрос», официально поданный единственным правым депутатом от русского населения Закавказья Тимошкиным Ф. Ф., [10, с. 169] был зарегистрирован в реестре запросов Думы под номером 16 и стал пиковой точкой политизации кавказских проблем на общегосударственном уровне. Именно обсуждение этого запроса стало ключевым в развитии проблематики Кавказа в общероссийском ракурсе.

В издании речей депутатов по «кавказскому запросу», предпринятом Д. И. Исмаил-Заде в 2008 году на основе изданий начала XX века [10, с. 113–317] при всей широте охвата материала данный запрос не рассматривается как процедурное понятие. В издании опубликована только та часть запроса, которая относится к прениям, начиная с заседания второй сессии третьей Думы № 30 от 10 декабря 1908 года. Непосредственно текст запроса (первая сессия Думы, заседание № 49) и его краткое обсуждение, а так же первичный ответ на него представителя заместителя на Кавказе (вторая сессия Думы, заседание № 26 от 3 декабря 1908 года) остались за пределами внимания издателей.

Фактическая подача «кавказского запроса» была проведена Ф. Ф. Тимошкиным на первой сессии работы Думы третьего созыва на заседании № 49 от 4 апреля 1908 года, под которым стояло 38 подписей, что автоматически делало возможным срочное обсуждение запроса. Полное название этого запроса выглядело достаточно громоздко: «Террористические акты на Северном Кавказе», поэтому в выступлениях при обсуждении и в печати использовалось краткое понятие «Кавказский запрос». В числе подписантов был и лидер правых В. М. Пуришкевич, который сыграл в обсуждении этого запроса ключевую роль. В тексте запроса правые депутаты «спрашивают председателя совета министров по поводу того, какие меры будут приняты им в ограждение спокойствия мирных русских обывателей от злодеяний революционного элемента на Кавказе?» [8, с. 1839].

Такая постановка вопроса сама по себе выглядела как некоторая политическая провокация, которая была использована В. Пуришкевичем для столкновения с революционными силами. Лидер правых за одну сессию получил более ста (!) взысканий и замечаний от председателя парламента за нарушение порядка, выкрики с места и оскорбления депутатов левого крыла [13, с. 233]. Закономерным итогом работы на «Кавказским запросом»

на протяжении двух сессий Думы с апреля 1908 по февраль 1909 года стало все большее удаление выступающих от проблем Кавказа к выяснению политических и национальных отношений, что вынудило одного из лидера правых графа Бобринского 2-го сделать заявление, поднявшее это обсуждение на иной уровень понимания: «хотя я совершенно не одобряю того одностороннего характера, который носило обсуждение, но считаю, что кавказским вопросом нам придется еще заняться впредь не в форме запроса, а в виде самого серьезного законодательства, для того, что бы действительно упорядочить этот заброшенный, но богатый наш край» [10, с. 264]. Именно в рамках обсуждения «кавказского запроса» депутаты начали в своих выступлениях говорить о Кавказском «вопросе» как сложном системном факторе российской жизни. Нельзя сказать, что только этим запросом ограничен был круг обсуждения вопросов по Кавказу в третьей Думе, так как депутаты по прежнему старались упоминать Кавказ в числе вопросов по образованию, язы-

ковой политике и др., но именно это обсуждение стало знаковым и окрашенным в общероссийские политические цвета.

Кавказский вопрос в Государственной Думе оказался важен как своего рода барометр общественного настроения в России начала XX века. Российские общественные движения и политические партии являлись наиболее ярким проводником общественного «температурного режима», изучение которого дает представление об общем ходе кристаллизации кавказского проблемного узла и составляющих его развития. Именно политические партии в Думе стали базовым двигателем процесса формирования представлений Кавказа о себе, и российского общества о Кавказе. Эти два разных по сути видения реальности встретились в залах Государственной Думы лицом к лицу. Именно это столкновение двух разнообразных представлений об одних и тех же проблемах дало тот потрясающий по накалу симбиоз идей и выступлений, который имел место в залах Государственной Думы в 1906–1914 годах и породивший системный «кавказский вопрос».

Литература

1. Высочайше утвержденные правила об отношениях Кавказского наместника // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание II. – Т. XXI. Отделение I. 1846. – СПб., 1847.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.522 Оп.1. Д.2. (Деятельность фракции трудовиков в II Государственной Думе).
3. Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. ТТ.1 – 2, – СПб., 1906. (Список Членов Государственной Думы по избирательным округам).
4. Государственная Дума созыв 2. Сессия 2. Полный стенографический отчет. 1907 год. заседания 1 – 53 (20 февраля 1907 – 2 июня 1907). ТТ. 1 – 2. – СПб., 1907. Т. 2. 52 закрытое заседание ГД, не подлежащее оглашению в печати (на основании статей 44–46 учреждения ГД (свода законов Российской империи Т.1. ч. 2. изд. 1906г.).
5. Государственная Дума. Созыв 1. сессия 1. Полный стенографический отчет. ТТ. 1 – 2. – СПб., 1906. – Т. 1.
6. Государственная Дума. Созыв 2. Сессия 1. Полный стенографический отчет. 1907 г. ТТ 1 – 2. – СПб., 1907. –Т. 1.
7. Государственная Дума. Созыв 2. Сессия 2. Полный стенографический отчет. – ТТ. 1 – 2. – СПб, 1907 г. – Т. 1.
8. Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 1. Полный стенографический отчет. – ТТ. 1 – 2. – СПб., 1908. – Т. 2.
9. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части 1–3). Созыв 3. Сессия 1. 1907 – 1908 гг. Заседания 1 – 98 (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). – СПб., 1908.
10. Кавказский запрос в Государственной Думе. Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам // Исмаил-Заде Д.И. И.И.Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – СПб., 2008.

11. Личный алфавитный указатель к стенограммам Государственной Думы. Сессия 1. Заседания 1 – 38. 27 апреля – 4 июля 1906 г. // Государственная Дума. Созыв 1. Сессия 1. Полный стенографический отчет. ТТ 1-2. – СПб., 1906.
12. Личный алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственной Думы. Второй созыв. Заседания 1 – 53 (20 февраля 1907 – 2 июня 1907) // Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв, 1907 год заседания 1 – 53. (20 февраля 1907 – 2 июня 1907) – СПб., 1907.
13. Личный алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственной Думы (части I – III). Созыв 3. Сессия 1. 1907 – 1908. Заседания 1 – 98. (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). – СПб., 1908.
14. Предметный алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственной Думы. Сессия 1. Заседания 1 – 38. (27 апреля 1906г. – 4 июля 1906г.) – СПб. 1906 г. // Государственная Дума. Созыв 1. сессия 1. Полный стенографический отчет. – ТТ. 1 – 2. – СПб., 1906 – Т.1.
15. Приложение №13. Доклад комиссии по Наказу. Проект Наказа Государственной Думы. Докладчик. В.А.Маклаков // Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия II. 1908 – 1909 гг. –Т. I.– СПб. 1909 г.
16. Список заявлений о запросах, внесенных в ГД. Сессия 1. заседания 1-38. 27 апреля – 4 июля 1906 г. // Государственная Дума. Созыв 1. сессия 1. полный стенографический отчет. ТТ. 1 – 2. – СПб., 1906. – Т. 1.
17. Хлынина Т.П. Кринко Е.Ф. Упушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов-на/Д., 2012.
18. Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб., 1894. – Т.13 (26)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.485

З. В. Бочкарева

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В статье приводится анализ современных педагогических технологий правового воспитания школьников. Автор даёт анализ практического применения идей превентивности, предупреждения девиаций и делинквентности.

Ключевые слова: личность, школьник, девиация, делинквентность, правовое воспитание, педагогические технологии.

Z. V. Bochkareva

MODERN TECHNOLOGIES OF LEGAL EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN

The article provides the analysis of modern pedagogical technologies of legal education of schoolchildren. The author analyses practical application of ideas of deviations and delinquency prevention.

Key words: personality, a student, deviation, delinquency, legal education, educational technology.

Существует много довольно интересных педагогических технологий и педагогических новаций, основательных и едва только обозначенных методик и новейших подходов, связанных с оптимизацией правового воспитания и профилактикой девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних.

Интересный опыт получен в Центре психологической службы комитета по образованию при администрации Тракторозаводского района Волгограда. Руководитель исследовательской группы И.В. Чумаков. Под его руководством там была «разработана и рекомендована к использованию педагогами-психологами «Психологическая карта учащегося группы риска». Карта эта предназначалась к анализу всего континуума факторов, слагающих девиантное поведение подростка и к выявлению среди них факторов основных, доминантных в том или ином конкретном виде отклоняющегося поведения.

И это не просто опыт, оставшийся на бумаге. С началом учебного 2000-го года её ввели в качестве формы отчётной документации для всех школьных педагогов-психологов в районе и результаты её апробации через год уже представлялись в Москве на Всероссийской конференции «Социальное здоровье детей и молодёжи как национальная идея современной России».

Ключевые идеи создания психологической карты учащегося группы риска:

- прежде всего, это идея превентивности, то есть, предупреждения девиаций и делинквентности;
- второй идеей стало психолого-педагогическое сопровождение в процессе всего развития подростка;
- и, наконец, третьей стала реализация в процессе практической работы, экзистенциально-гуманистической направленности. Суть её состояла в том, что эту «направленность» должен был

осуществлять компетентный взрослый, но один и над одним подростком, а не всем классом или школой [9].

Своеобразное «экзистенциальное шефство» призвано было научить самой жизни. Известная трудность, безусловно, тут заключалась в подборе таких шефов, поскольку доверие подростка слишком тонкая и хрупкая вещь, чтобы им так легко было овладеть. Кроме того, и при рекрутировании взрослых на столь важное дело также наблюдались, вероятно, серьёзные трудности (занятость, недостаточная мотивированность, отсутствие свободного времени, недостаток профессиональных знаний и т. д.). Впрочем, «новые русские» уже ввели для себя именно такого рода услугу – коучинг-тренинг. И специально подобранные высококлассные специалисты учат сегодняшних нуворишей и особенно их отпрысков как правильно жить и гарантированно справляться с жизненными невзгодами. Хотя, в принципе, речь всегда шла о совершенно очевидных правилах жизни. К примеру, ещё Иисус велел своим ученикам (и это нашло отражение у всех евангелистов): «Положите видение своё на скрижали. И даже если отложится – оно всё равно сбудется». Так Христос выразил главное условие верной жизни, к осознанию которого рано или поздно приходит всякий здравомыслящий человек: необходимость обязательного формулирования своей жизненной цели, её вербализации и визуализации. Жизнь планировать и загадывать вперёд нужно всегда – но методично и скрупулёзно, всё просчитывая! Или ещё одна вещь, которую должен уяснить себе любой человек, желающий найти своё призвание, оправдать своё появление на свет. Она также отражена во всех религиях мира, но, наверное, наиболее ясно её выразил русский философ Лев Шестов: человеку «отмерено известное, ограниченное время: если он не успеет спеть свою песню, она так и останется недопетой. Судьба не прибавит ему ни одной минуты для неисполненных тактов» [16].

Тут очень важно формировать у подростков «чувство успешности». Это очень сильный современный технологический приём в правовом и прочем воспитании. О. Н. Усанова в «Специальной психологии» (2008 г.) пишет: «Успешность, а, следовательно, и удовлетворённость современного человека зависят от его способностей и умения достойно представить себя в бытовом общении, на рынке труда, на рабочем месте. Успех сопутствует, как правило, людям с высокой самооценкой, навыками самопрезентации, адекватностью социального поведения, т.е. управляющим своим поведением в соответствии с социально-психологическими закономерностями. С другой стороны, становление названных свойств во многом определяется восприятием человека окружающими, их отношением и оценками».

«Современной наукой доказано, что для полноценного созревания мозга необходимо своевременное востребование его функций. Если перед ребёнком своевременно не ставятся социально значимые задачи, т.е. имеет место «социальная депривация», то функции его мозга оказываются невостребованными и биологическое развитие ребёнка замедляется» [12].

Формально разработанная в Волгограде карта учащегося группы риска учитывает и использует все эти приёмы и представляет собой единство трёх блоков информации о подростке. Первый блок двухчастен. Сначала излагаются сведения о внешней событийной канве жизни ребёнка, буквально по годам и месяцам, когда что случилось или назревало случиться. Затем подытоживались факты и анализ непосредственных проявлений дезадаптации и девиантности подростка, вплоть до подборки фактов агрессивного поведения или просто неадекватных поступков, или даже появлений каких-либо фобий и искажённого восприятия.

Второй информационный блок психологической карты несовершеннолетнего группы риска включает в себя «данные о конституционально-психологических особенностях ребёнка», а именно – «сведения об особен-

ностях нервной системы и характера учащегося, его познавательных, эмоционально-волевых и регуляторных возможностях».

Третий блок своеобразного паспорта растущего «девианта» вбирает в себя «результаты изучения социально-психологических факторов: положения среди сверстников и взрослых в формальных и неформальных группах, особенности общения с ними и другие» [9].

В целом, составление таких карт, безусловно, полезно, так как позволяет видеть динамику развития группы риска в том или ином коллективе, предупреждать возможные тенденции этой эволюции, заблаговременно принимать предупредительные меры. Так что практическая результативность такой новации в области правового воспитания несовершеннолетних несомненна.

Немалый интерес представляет также исследование Т.Н. Розовой «Технология воспитания самореализующейся личности: организация и управление» (2001 г.). Автор разработала педагогическую технологию воспитания самореализующейся личности школьника, которая относится к разряду «личностно-развивающих политехнологий, так как интегрирует в себе комплекс различных технологий: личностно-стимулирующую, рефлексивную и технологию, ориентированную на возвращение «Я – концепции».

Одной из главных особенностей воспитания самореализующейся личности школьника является смещение акцентов с «установки на развитие» к педагогической ценности саморазвития, с формирования заранее запланированных качеств на воспитание целостной совокупности качеств личности, имеющей свою уникальность, неповторимость, своеобразие. Цель воспитания сводится нами к оказанию помощи учащемуся в самораскрытии своих внутренних потенциалов и реализации себя как личности» [10].

Но в принципе, это взгляд на ребёнка не как на объект, а субъект воспитательного процесса. И нужно не только на него воздействовать, но и уметь предоставлять самому себе. Его покой во многом есть

условие адекватного саморазвития. А для этого нужна и мудрость, и такт, и осторожность. Об этом давно писали русские педагоги [8].

То есть, саморазвитие у ребёнка есть. И не стоит про него забывать. И мешать ему.

Этот подход получил развитие и в работе В. А. Караковского, Л. И. Новиковой и Н. Л. Селивановой «Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем» (1996 г.). Эти авторы также выдвигали в качестве новой педагогической технологии так называемое «субъектное воспитание» – то есть, методики оказания большего воздействия на индивидуальный внутренний мир детей и подростков.

Вот высказывания авторов в этом ключе: «...Да, ребёнок – цель любой воспитательной системы гуманистического типа, иначе она не была бы гуманистической. Но это значит, что личность ребёнка является и результатом её функционирования, и показателем эффективности».

«Естественно, что коллективизм не воспитать призывами типа «Ребята, давайте жить дружно». Необходимо включить их в коллективистические отношения, порождаемые коллективной организацией совместной деятельности». «Несомненно, ребёнок не только объект педагогических воздействий, но и субъект собственного развития. А для того чтобы это развитие не шло вразрез с поставленными каждым целями, школьника необходимо включить в процесс целенаправленного воспитания в субъектной позиции. Технология такого включения разработана значительно слабее, чем «объектная технология» [6].

Это так сказать «индивидуалистический» подход, выделяющий «субъектную» сторону воспитательного процесса. К авторам, его разделяющим, можно отнести и В. И. Журавлёва. В своём учебнике «Основы педагогической конфликтологии» (1995 г.) он доказывает, что упования на один лишь коллективизм не слишком обоснованы. Поскольку существует по меньшей мере 3 разновидности подростковой общительности, и

нет достоверных данных в каких условиях, когда, какой разновидности проявляется больше:

- школьник-отшельник, склонный к одиночеству. Его утомляют контакты с ровесниками. Он испытывает дискомфорт, оставшись наедине с собой, с собакой, кошкой или с предметами, делами, которые лучше делаются в одиночку;
- школьник, склонный к парному типу общительности. У него должен быть надёжный друг (подруга). Без подруги, друга нет ощущения полноценной жизни. Нередко дружба имеет далеко не положительные результаты как источник формирования негативных видов социального опыта, и наоборот;
- школьники, склонные к групповой общительности. Из них формируются стихийные подростковые объединения по месту жительства как со здоровыми, так и с предосудительными программами взаимодействия.

Если первый тип в условиях конфликта переживает нервные потрясения один, сам с собой, то у вторых и особенно третьих по типу общительности подростков находятся естественные внешние защитные средства» [4].

А вот М. В. Шакурова вновь предлагает опираться в воспитании исключительно на силы и возможности коллектива (теперь уже демократического). Однако для такой технологии автору пришлось несколько «подкорректировать» понятие «коллектив». Теперь оно звучит так: «Объединение людей, органично сочетающее в себе и признаки организации, и признаки общности принято называть коллективом. К основным признакам коллектива относят:

- приоритет дела, результата;
- просоциальный (общественно-полезный) характер деятельности;
- наличие коллективных связей;
- демократию;
- ситуативный характер лидерства (в разных видах деятельности разные лидеры).

Влияние коллектива на человека многоаспектно: за счёт одних свойств он может порождать процессы нивелирования личности, её усреднение; за счёт других – развивать индивидуальность человека, его творческий потенциал» [15].

Есть также и другие приверженцы коллективистского подхода в его современном варианте. И тут появляется ещё одна особенность такого рода методик – с упованием на всемогущую, а значит и силовую роль коллектива. Это говорит о том, что иногда создание новых технологий и методик воспитания детей и подростков словно топчется вокруг каких-либо очевидных препятствий, не в силах перешагнуть некий барьер. Авторы словно бы гипнотизируются такими пугающими словами как «несовершеннолетний экстремист» или «террорист» – и поэтому в своих предложениях (при всей их новизне и словно бы оригинальности) скатываются по сути к традиционному варианту силового подавления «субъектности» личности, её индивидуального (анти-коллективистического) начала. Таким образом, речь вновь заходит о «силовом варианте» правового воспитания.

Что же касается непосредственной мотивации несовершеннолетних, приводящей их к экстремистской деятельности, то и здесь авторы учебных пособий по правовому воспитанию подрастающего поколения, как правило, ограничиваются перечислением одних и тех же психологических особенностей несовершеннолетних, разве что у некоторых воспитателей-практиков в силу их практического опыта это получается всё-таки убедительнее. И кое-что проясняет в тяге молодых к экстремальному поведению. Как, например, в известном пособии Н.Ф. Дика, приверженца коллективистского метода воспитания в его современном варианте.

«Взрослым необходимо помнить, что подросток неосознанно, но постоянно определяет – что можно, а что нельзя. Только среда и определённая ситуация дают ему сигнал – что можно, а где предел. Ещё более важен рефлекс, которому даже трудно подобрать название, но который, бесспорно, существует, – это возрастное стремле-

ние к авантюре, к «социальному эксперименту» («Авось, пронесёт», «Интересно, что будет?»). Например, подросток знает, что бросать камни в окна электрички нельзя, но бросает. Часто в таком поведении подростков наблюдается не только хулиганство, но и стремление испытать приключение. Если среда не ответила быстрым возмездием, то установка «искать приключения» подобным образом закрепится» [3].

Вывод однозначен – главный метод коррекции подросткового поведения – «немедленное возмездие среды», то есть, именно коллектива.

Автор присоединяется к мнению Л.В. Савченко что для «трудных» подростков является в личностном плане наиболее общим, характерным: это стойкая изоляция от учебного коллектива (и он «вытаскивается» на улицу, в подворотню) и примитивизм интересов и потребностей (который неотвратимо ведёт к их убыстряющейся негативизации и криминализации). При этом предполагается со всей очевидностью, что любое выталкивание или выдавливание из коллектива всегда очень плохо и по сути дела и есть кара, есть наказание, есть возмездие [3]. Таким специалистам до сих пор невдомёк, что для всё большей части современных подростков удалить их из коллектива, это всё равно, что напугать козла капустой. Они сами рвутся из него. Но это не всегда есть критерий их трудновоспитуемости.

А. Ю. Мордовцев и Т. В. Янченко предлагают модернизировать современное правовое воспитание, базируясь на следующих, совершенно иных основаниях, не связанных с противопоставлением «объектно-субъектного» начала: «пора отказаться от «симптоматично-синдромального» реагирования на деформации в правовой системе, когда (подобно отечественным врачам) вместо того чтобы заняться оздоровлением всего социально-правового организма, «лечат» только «больное место» (например, борются с несовершеннолетней преступностью, наркоманией и т.п.).

Правовое воспитание не может быть изолировано от основных элементов на-

ционального юридического менталитета (устойчивость которого очень часто недооценивается): правовой парадигмы, стиля правового мышления, предправового «кодекса» поведения; наиболее эффективно работа в области правового «оздоровления» молодёжи, скорее всего, может вестись... только в тесном взаимодействии с высшими, и прежде всего соответствующего профиля, учебными заведениями, а также средствами массовой информации. Вузы, как правило, располагают соответствующей кадровой, материально-технической базой и являются более мобильными в плане тех или иных новаций...; несомненно и то, что правовое воспитание должно иметь региональную привязку, соотноситься с устоявшимися регулятивными началами определённой местности (например, нельзя сбрасывать со счетов обычное право народов Северного Кавказа или деловые обыкновения казаков и т.д.)» [7].

Среди новейших педагогических методик и воспитательных технологий, разрабатываемых не без влияния достижений науки из западных стран, заслуживают внимания и те из них, которые способствуют возрастанию социальной приспособленности российской молодёжи, социальной адаптации малолетних детей и подростков. Принципиально новым для отечественной науки выглядит даже, в общем-то, далеко не новое понятие детской «жизнеспособности», которая вообще-то, если задуматься о сущности и задачах воспитания, и должна быть главной в этом самом воспитании. Мы должны воспитать таких детей, которые бы не умерли при столкновении с жестокой реальностью, а, напротив, смогли бы к ней приспособиться. То есть, полноценно жизнедеятельных.

Е. А. Рыльская в исследовании «Воспитание жизнеспособности школьников» (2008г.) пишет: «Введение понятия «жизнеспособность личности» в педагогику объясняется насущными запросами практики. Педагогов не может не тревожить тот факт, что часть молодёжи характеризует не свойственный данному возрасту здоровый оптимизм и романтика, а склонность к асоци-

альному, виртуальному, экстремистскому образу жизни. В этой связи сохранение и укрепление физического, психического и духовно-нравственного здоровья человека является актуальной проблемой гражданского общества. В стратегической цели – воспитание разносторонне развитой, социально адаптированной личности – смысловым ядром следует считать именно жизнеспособность как интегральное личностное свойство, определяющее полноценность жизнедеятельности, способность к самоактуализации и развитию».

С позиций педагогики воспитать жизнеспособность означает научить «жить, выживать и развиваться». Правовое воспитание с этой точки зрения выглядит ключевым. Можно пройти по всем этим трём ключевым признакам жизнеспособности – «жить, выживать и развиваться» – и понять, что они означают. Е.А. Рыльская пишет об этом так: «Выживать означает быть готовым психологически и практически к преодолению жизненных трудностей и невзгод, обладать стрессоустойчивостью, упорством и толерантностью, иммунитетом к «свинцовым мерзостям жизни» (А.М. Горький). Развиваться – значит формировать смысло-жизненные установки, самоутверждаться, искать себя, быть ориентированным на успешную деятельность», (как в Америке – хотя бы на карьере). Ну а «жить – значит быть архитектором, творцом собственной жизни, обладать способностью к реализации личностного потенциала». Поскольку современное подрастающее поколение не отвечает ни одному из трёх критериев жизнеспособности, поэтому автор и ратует за «возрождение системы социального воспитания, разрушенной в 90-е годы прошлого века». В то же время Е. А. Рыльская, подобно множеству отечественных авторов, видит также воспитательный потенциал не только в содержании школьных предметов, но и в используемых педагогами технологиях обучения и воспитания» [11]. В общем, мы опять возвращаемся к прозорливости С. Я. Маршака: «Существовала некогда поговорка, что дети не живут, а жить готовятся. Но вряд ли в жизни пригодится тот, кто, жить готовясь, в детстве не живёт!». Ну а кто раз-

работает такую «технология» – уметь просто жить?! И поставит на конвейер в детских садах и школах?! Всех Нобелевских премий мира ему не хватит за такое достижение... А тут ещё и выживать и развиваться надо! Ну какая тут может быть реальная методика или тем более технология?!».

Иногда, даже просто жить представляет делом довольно затруднительным, в частности, для особых детей, для которых и малая интеграция в общество сама по себе уже может являться делом непреодолимой сложности. Из этой проблемы в настоящее время родилась методика интеграции в общество подобных детей, а также и детей «трудновоспитуемых».

Т. В. Фуряева в исследовании «Интеграция особых детей в общество» (2006 г.) как раз и касается проблемы создания подобной методики. «Рассматривая интеграцию как процесс, средство и результат сопровождения необычных детей и подростков в их социализации и индивидуально самореализации, необходимо учитывать российский контекст – отставание в положительной эволюции отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии, а также специфические социально-экономические и политические условия».

Т. В. Фуряева полагает, что сейчас усилиями таких известных авторов, как Н. Н. Малофеева, Е. А. Стребелева, Н. Д. Шматко, Л. М. Шипицына (и др.) в качестве главного направления такой интеграции рассматривается «сближение систем общего и специального образования на всех его ступенях (дошкольная, общая и профессиональная школы). Интегрированное обучение выступает как одна из форм альтернативного обучения, базовыми принципами которого является: ранняя коррекция, обязательная коррекционная помощь каждому ребёнку, обоснованный отбор детей для интегрированного обучения, наличие положительной системы отношений со стороны социума (а вот с этим как всегда сложнее всего – З. Б.) и др.». Ребёнок сам должен выбирать форму своей интеграции в общество, как ему легче и удобнее.

Со ссылкой на немецкого учёного О. Шпека, Т. В. Фуряева подчёркивает зна-

чение социальной интеграции – то есть включения особого подростка в социальную структуру, в ролевую систему, в формирование у него чувства социальной и групповой принадлежности. Это крайне важно и необходимо: «развитие социальных умений и навыков; формирование группового опыта и чувства принадлежности (подчеркнуто мною – З.Б.); овладение социальными ролями; приобретение конкретных игровых, учебных, трудовых умений в группе; включение в профессиональную трудовую деятельность и осознание её необходимости и пользы для себя и окружающих».

Автор объясняет новый (пришедший из Германии) термин «инклюзия», который обозначает придание интеграции особого подростка в общество конкретного социально-педагогического смысла. О. Шпек, в передаче Т.В. Фуряевой, выделяет 5 условий успешной инклюзии:

- взаимные усилия со стороны особого ребёнка и группы по обоюдному изменению и сближению;
- особые требования к среде пребывания ребёнка: «к пространственно-временной общности;

- образовательно-воспитательное учреждение для особых и «трудных» детей должно быть особым – в том числе, в организации условий интеграции – досуговых, правовых, образовательных;
- способность особого учреждения для особых детей «выстроить соответствующую социальную сеть, включающую более крупные общности в разных местах пребывания и жизни особого ребёнка», к примеру, организация пар-Олимпийских игр;
- не пренебрегать индивидуальными особенностями детей. Крайне важно «сохранение своеобразия, уникальности каждого [14].

Таким образом, если подытожить всё сказанное о современных новациях в области воспитания, в области разработки и внедрения новейших педагогических технологий, то следует сказать, что при всём их изобилии зачастую на практике получается так, что не всякая технология заведомо может работать. Оказывается, что и не всякую технологию необходимо широко внедрять, тем более только потому, что она уже разработана и дала какие-то результаты.

Литература

1. Айрапетова В.В. Актуальные проблемы воспитания // Педагогика. – 2008. – № 5.
2. Андреева О. Мир фантазии в жизни детей // Воспитание и обучение. – 1907. – № 4.
3. Дик Н.Ф. Воспитательная работа со старшеклассниками. – Ростов-н/Д; Феникс, 2007.
4. Журавлёв В.И. Основы педагогической конфликтологии: учебник. – М., 1995.
5. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1993.
6. Караковский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Н.Л. Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем. – М., 1996.
7. Мордовцев А.Ю., Янченко Т.В. Современное правовое воспитание: место и роль дополнительного образования в гражданском становлении личности ребёнка // Проблемы правового образования в контексте модернизации общего образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2002.
8. Папер Я. Нарушение детского покоя // Воспитание и обучение –1904. – № 1.
9. Психологическая карта учащегося группы риска: диагностика и сопровождение / сост. И. В.Чумаков. – Волгоград, 2008.
10. Розова Т. Н. Технология воспитания самореализующейся личности: организация и управление. – Ставрополь, 2001.
11. Рыльская Е. А. Воспитание жизнеспособности школьников // Педагогика – 2008. – № 3.
12. Усанова О. Н. Специальная психология. – СПб., 2008.
13. Факторович А. А. Сущность педагогической технологии// Педагогика – 2008. – № 2.
14. Фуряева Т.В. Интеграция особых детей в общество // Педагогика – 2006. – № 7.
15. Шакурова М.В. Социальное воспитание в школе: учеб.пособие для студ. высш.учеб.заведений / под ред. А. В.Мудрика. – М., 2004.
16. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. – Л., 1991.

УДК 343.119.3

И. М. Денека

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНСТИТУТА ОСОБОГО МНЕНИЯ

В статье рассматривается понятие особого мнения, а также развитие института особого мнения на примере англо-саксонского права.

Ключевые слова: особое мнение, принцип независимости судей, принцип коллегиальности, *seriatim*.

I. M. Deneka

DISSENTING OPINIONS: SOME PECULIARITIES

The article deals with dissenting opinions in the courts of common law, history of dissenting, pros and cons of dissents.

Key words: dissents, authority of the court, principle of judicial independence, principle of collegiality, *seriatim*.

Особое мнение – это письменно выраженное несогласие отдельного судьи (или судей) с позицией большинства при принятии решения коллегиальным составом суда.

Особое мнение судьи в деле всегда привлекает к себе внимание и может оставлять у лиц, участвующих в деле, впечатление не до конца разрешенного спора, так как при его рассмотрении судьи не достигают единства позиции. Несмотря на наличие особого мнения по принятому решению само решение не теряет своей юридической силы, и не перестает быть обязательным к исполнению.

Институт особого мнения остается одним из самых неоднозначных институтов, как в системе англо-саксонского права, так и в системе континентального права. Ни в зарубежной, ни в российской правовой литературе не существует единой позиции по поводу пользы или вреда особых мнений.

Один из основоположников философии англо-саксонского права Г. Харт писал, что последнее слово о том, что такое закон, остается за высшей судебной инстанцией. И когда это слово произнесено, любые попытки сказать, что суд ошибся, не имеют никаких правовых последствий – это не изменит прав и обязанностей сторон по принятому решению [1, с. 141].

Исходя из этого постулата, некоторые юристы общего права соглашаются, что особое мнение – это бесполезное занятие и, что хуже, «тень, брошенная на решение большинства, подрывающая его легитимность и престиж института, его принявшего» [2, с. 673]. По другому высказыванию, особое мнение подрывает монолит солидарности, от которого в огромной степени зависит авторитет коллегии судей [3, с.72]. Некоторые судьи считают особые мнения попросту бесполезными или даже называют их «подрывной литературой» [4, с. 284–285].

Председатель Верховного суда США и бывший президент Уильям Говард Тафт, сторонник осторожного использования института особого мнения, писал в письме судье Уиллису Ван Девантеру, что особые мнения ослабляют авторитет суда. Гораздо важнее то, что думает суд, чем то, что думает кто-либо другой [5, с. 1311].

Судья Верховного суда США Луис Брэндейс в 30-х годах XX века в деле Барнета высказал мысль, ставшую знаменитой: «...важнее, чтобы подлежащая применению норма права была выработана, чем то, чтобы эта норма была выработана правильно» [6].

Американские правоведы, изучая историю вопроса, приходят к выводу, что наличие или отсутствие большого количе-

ства особых мнений в Верховном суде США в тот или иной исторический период времени свидетельствует, насколько единодушие суда способствовало усилению авторитета судебной власти [4, с. 343–344].

Институт особого мнения имеет английские корни. Именно в Англии существовала почти тысячелетняя традиция принимать решение не большинством голосов, а высказыванием позиций всех судей устно, по очереди (*seriatim*), без каких-либо предварительных консультаций между судьями, после чего позиции обобщались, и выносилось решение с учетом позиции большинства. Эта традиция была естественным образом воспринята английскими колониями на Американском континенте и продолжала оставаться и во времена основания США.

Нужно при этом отметить, что Тайный Совет Палаты лордов, в отличие от других коллегиальных судов, являясь высшей судебной инстанцией Англии и ее колоний, при рассмотрении апелляций не использовал института особого мнения. Решение принималось большинством голосов и мнения отдельных судей не подлежали огласке. Более того, регламентом Тайного Совета в 1627 году было запрещено предавать огласке, как проходило обсуждение, как распределялись голоса при принятии решения. Такой порядок принятия решения объясняется тем, что наряду с судебными функциями Тайный совет вырабатывал рекомендации для короля, что требовало единодушия Совета. С другой стороны, приказы и распоряжения Тайного Совета утверждались королем, что означало, что они изданы от имени Короны, и король соответственно не мог одновременно выражать противоположные точки зрения [7, с. 188].

Тем не менее традиция принятия решения *seriatim* в других судах Англии оставалась неизменной.

Англичане первыми же и предприняли попытку сломать эту традицию и ввели практику принятия анонимного и единогласного решения, когда место Лорда – Главного судьи Королевской Скамьи (*Lord Chief Justice of the King's Bench*) в 1756 году занял

Уильям Мёррей, лорд Мэнсфилд. Судьи собирались коллегиально, обеспечивая тайну совещания, обсуждали различия в позициях и вырабатывали единое компромиссное решение. Кардинальным образом меняя стиль приятия решения, Мэнсфилд предпринял попытку внести корректировку в ряд правовых норм, регулирующих английское коммерческое право, обобщив нормы и традиции, существующие в торговом праве других стран и английские торговые обычаи. И в этом он преуспел, так как выработанные в консенсусе решения суда того периода установили базовые принципы, которые продолжают лежать в основе английского и американского торгового права до настоящего времени [4, с. 294].

Британские переселенцы привезли на американский континент английское общее право, английские традиции и институты, и, соответственно, традицию принятия решений суда посредством *seriatim*. Поэтому суды колоний и Верховный суд США в первые годы своей работы принимали решения при оглашении позиций всех судей *seriatim*.

Но некоторые суды штатов, например, Верховный суд штата Вергиния, оценив опыт Лорда Мэнсфилда, предприняли попытку перенести опыт суда Королевской Скамьи Англии в свои процессуальные регламенты. Однако они встретили жесткую критику со стороны будущего президента США Томаса Джефферсона и других республиканцев, которые считали, что такая процедура нарушает принцип прозрачности процесса принятия решения. Решение должно приниматься не только с учетом различной мотивировки. В итоге оно демонстрирует, были ли разногласия у судей при его принятии и соответственно какой вес оно будет иметь в будущем в качестве прецедента [8].

Неудивительно, что республиканцы отстаивали такую модель принятия судебных решений. Республиканцы опасались усиления федеральной власти и Верховного суда США. А такой способ принятия решений всегда был прозрачен, позволяя ставить под сомнение позицию большин-

ства при наличии иных мнений по делу для определения прецедентной силы принятого решения и тем самым ослаблял позицию самого суда.

В 1800 году президент-федералист Джон Адамс, проиграв выборы республиканцу Томасу Джефферсону, успевает назначить председателем Верховного суда США Джона Маршалла и провести через Конгресс Акт о судебной реформе 1801 года (Judiciary Act, 1801).

Джон Маршалл, пользуясь своим личным авторитетом, по примеру Лорда Мэнсфилда в Англии отказывается от традиции принятия решений *seriatim* и вводит «единое мнение суда». Судьи в закрытом совещании обсуждали свои позиции и выносили общее компромиссное решение, которое подписывалось от имени суда председателем суда Джоном Маршаллом. Во время председательства Джона Маршалла с 1801 по 1835 годы около девяноста процентов судебных решений было подписано председателем суда. Такие перемены были восприняты как акт смелости и усиления судебной власти.

Это не означает, что судьи не могли высказать отличную позицию, хотя такое происходило крайне редко. Сам председатель, участвуя в рассмотрении 1187 дел, за 35 лет написал только три особых мнения, а в среднем на двадцать пять решений суда приходилось только одно особое мнение (четыре процента дел) – самый низкий показатель в истории Верховного суда США. При этом суд в этот период своими решениями установил фундаментальные правовые принципы: верховенство федерального закона, полномочия суда в толковании конституции, компетенцию Верховного суда пересматривать решения верховных судов штатов по вопросам применения федерального законодательства, компетенцию федеральной власти в регулировании экономических связей между штатами. Таким образом, эффективность работы суда была очень высокой.

Верховный суд придерживался выработанной практики единого принятия решений при минимальном количестве особых мнений еще в течение ста лет. Но постепен-

но ситуация с особыми мнениями менялась. Пик вынесения особых мнений пришелся на вторую половину XX века, когда процент особых мнений, выносимых судьями, составлял 50 процентов и выше. Исключение не составляли и председатели суда. Так, председателем Верховного суда 1953–1968 годов Эрлом Уорреном вынесено 215 особых мнений по 1772 делам, а председателем Верховного суда 1986–2005 годов Уильямом Ренквистом при участии в рассмотрении 2 131 дела вынесены особые мнения в 182 делах [4, с. 316–318].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в определенные периоды времени экономическая и политическая обстановка требовала от судебных органов США и Англии особой концентрации и единодушия для установления правовых принципов, регулирующих наиболее важные сферы деятельности государства и экономики.

Особое мнение характеризуется не только разным подходом к решению правового вопроса. Одним из самых сложных аспектов особого мнения является, как правило, его эмоциональная окрашенность, так как нередко недостижение общего согласия приводит к возникновению напряженных отношений между судьями. Поэтому многие судьи пытаются сглаживать возникающие противоречия.

Судья Верховного суда США Уильям Бреннан в своей лекции приводил знаменитую юмористическую историю из судейской практики Англии, когда известный Глава судебных архивов (Master of Rolls – звание второго по старшинству должностей после Лорда – Главного Судьи (Lord Chief Justice) судьи в Англии и по должности главы апелляционной инстанции), председательствующий в тройке судей, после получасового заслушивания позиции стороны повернулся к своему коллеге справа и сказал: «Джон, мы услышали достаточно, чтобы убедиться, что им необходимо предоставить право на подачу апелляции». – «О нет, Председатель! При всем своем желании я не могу за это проголосовать!» – «Я думаю, Вы ошибаетесь, Джон!» Затем председательствующий повернулся к коллеге слева. «Том, Вы,

конечно же, согласны со мной, что право апелляции должно быть предоставлено!» – «Нет, Председатель, я полностью согласен с Джоном». «Ну, тогда, – сказал председательствующий, – апелляция разрешается! А вы, двое, решите между собой, кто из вас напишет особое мнение!» [2, с. 673].

Но сторонники особого мнения приводят свои веские аргументы в защиту этого института. Председатель Верховного суда США Арлан Стоун и судья Уильям Бреннан признавали, что это здоровая практика, которая повышает качество принятого решения в силу всестороннего охвата позиций. Поэтому коллегиально выработанная позиция по спору более качественна, если она принята при наличии особого мнения, чем без него.

Сама же противоположная большинству позиция основывается на двух аспектах: она доносит иную аргументацию до других судей, юристов, политиков, нижестоящих судов и иногда, со временем, побеждает позицию большинства. Другой аспект – это сигнал обществу, что принцип независимости судей действует [4, с. 284–285].

Расхождение позиций по поводу особого мнения также высказывается и в российской правовой литературе. С одной стороны, существуют опасения, что реализация принципа независимости судей в виде права на особое мнение может оборачиваться на деле популяризацией своей позиции в ущерб коллегиальному решению. С другой стороны, признается, что слепое следование мнению большинства, конформизм деформируют судейское правосознание [9, с.2].

Особое мнение, как уже сказано, – это институт, вышедший из англо-саксонского (а до этого – средневекового английского) права. В то же время этот институт в той или иной форме достаточно давно известен и странам континентального права.

При этом нужно отметить, что особые мнения в судебных инстанциях континентального права встречаются гораздо реже, чем в странах общего права. Исследователи приводят статистику, согласно которой до 1928 года количество особых мнений в Верховном суде США составляло 15%. С 1930 года по 1957 год количество особых мнений

выросло до 42%. В 1992 году особые мнения имели место в 71% дел [10, с. 316].

Это можно объяснить отсутствием законодательно закрепленных норм, когда суды сами занимаются законотворчеством и определяют правовые подходы, придерживаясь доктрины прецедента. Может вызывать дискуссии также вопрос, какой прецедент в данном случае подлежит применению или, наоборот, не подлежит, и по каким основаниям. Соответственно, при принятии решений правовые подходы отдельных судей могут не совпадать.

При наличии кодифицированного законодательства суды занимаются применением существующего права, а не его выработкой, и разногласия возникают по поводу применения уже имеющейся нормы права. Соответственно, возникновение разногласий возможно гораздо реже.

Подводя итоги вышеприведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

- особое мнение представляет собой письменно выраженное несогласие судьи (нескольких судей) с принятым решением, при этом оно не влечет правовых последствий и не делает принятое решение юридически менее значимым;
- мнение отдельного судьи, отличное от большинства, позволяет наиболее полно и всесторонне проанализировать правовую проблему, повышает качество принятого судебного акта, является выражением принципа независимости судей;
- распространенность института особого мнения в странах англо-саксонского права обусловлена правотворческой деятельностью судов и огромным количеством правовых подходов, сложившихся в результате применения доктрины прецедента;
- в отдельные исторические периоды достижение единодушия при принятии решений судебными органами в странах англо-саксонского права обуславливалось необходимостью установления наиболее важных правовых принципов и норм.

Литература

1. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. – Oxford, 1997.
2. Brennan W.J., Jr. *In Defence of Dissents* // *Hastings Law Journal*. – Vol.50, 1999. [Electronic resource]. URL: [http://heinonline.org/ Hand L. The Bill of Rights](http://heinonline.org/HandL/TheBillofRights). Harvard University Press, 1958. (Accessed: 08.06.2014).
3. Henderson M.T. *From Seriatim to Consensus and Back Again: A Theory of Dissent* // *The Supreme Court Review*. – 2007. [Electronic resource]. URL: <http://heinonline.org/> (Accessed: 08.06.2014).
4. Post R. *The Supreme Court Opinion as Institutional Practice: Dissent, Legal Scholarship, and Decisionmaking in the Taft Court* // *Minnesota Law Review*. – Vol. – 2001. – 85. [Electronic resource] URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/186 (Accessed: 08.06.2014).
5. Дело: Burnet, Commissioner of Internal Revenue, v Coronado Oil & Gas Co., 285 US 393, 406 (1932) (Brandeis, J, dissenting) [Electronic resource]. URL: <http://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/285/393/> (Accessed: 08.06.2014).
6. ZoBell K.M. *Division of Opinion in the Supreme Court: A History of Judicial Disintegration* // *Cornell Law Quarterly*. Vol.44, 1959. [Electronic resource] URL: <http://heinonline.org/> (Accessed: 08.06.2014).
7. Letter from Thomas Jefferson to Justice William Johnson Monticello (Oct. 27, 1822) [Electronic resource] URL: <http://let.rug.nl/usa/presidents/thomas-jefferson/letters-of-thomas-jefferson/jef1269.php> (Accessed: 08.06.2014).
8. Кононов А.Л. *Право на особое мнение* // *Закон*. – 2006. – № 11.
9. Lipez K.V. *Some Reflections on Dissenting* // *Maine Law Review*. – 2005. – Vol. 57. [Electronic resource]. URL: <http://heinonline.org/> (Accessed: 08.06.2014).

УДК 34.4414

Р. А. Мерзликина, Э. В. Молчанова

 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД,
 ПРИЧИНЕННЫЙ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ

Статья посвящена актуальной и непростой проблеме: привлечение к ответственности публично-правовых образований за причиненный вред.

Ключевые слова: деликтная ответственность, вред, публично-правовое образование, властный акт, противоправность.

R. A. Merzlikina, E. V. Molchanova

LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY PUBLIC LEGAL INSTITUTIONS

The article is devoted to such an urgent and controversial problem as bringing public legal institutions to account for damage.

Key words: tortious liability, damage, public legal institution, law act, illegality.

В соответствии со статьей 53 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Указанное конституционное положение детализируется правилами статей 16, 1069 Гражданского кодекса

РФ, в соответствии с которыми вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта госу-

дарственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Федерации или казны муниципального образования.

Следует отметить, что обязательства вследствие причинения вреда (деликтные обязательства) – обширный институт гражданского права. Но необходимо выделить общие принципы и особенности деликтных обязательств. Это в первую очередь то, что ответственность всегда полная, т.е. должен быть возмещен весь причиненный вред; то, что субъект ответственности отвечает только за свою вину; то, что судебная защита нарушенных прав осуществляется на основании иска о взыскании убытков [1].

В суде от имени Российской Федерации, субъекта Федерации, муниципального образования по искам о возмещении вреда, причиненного незаконными решениями и действиями (бездействием) государственных органов (органов местного самоуправления) либо должностных лиц этих органов выступает соответствующий главный распорядитель бюджетных средств (ст. 158 Бюджетного кодекса РФ).

Таким образом, «действующее законодательство предусматривает возмещение вреда, причиненного не только в области «управления», то есть деятельности исполнительной власти, а в сфере деятельности государственной власти вообще, в сфере властвования, независимо от того, незаконной деятельностью какой власти причинен вред – законодательной, исполнительной или судебной» [2, с. 41–45].

В науке гражданского права правила о возмещении вреда, причиненного публично-правовыми образованиями, традиционно рассматриваются в качестве специального деликта. Как указано в одном из определений Конституционного Суда РФ, по своей юридической природе обязательства, возникающие в силу применения норм гражданско-правового института возмещения вреда, причиненного актами органов власти или их должностных лиц,

представляют собой правовую форму реализации гражданско-правовой ответственности, к которой привлекается в соответствии с предписанием закона причинитель вреда (ст. 1064 ГК РФ). В частности, статья 1069 ГК РФ содержит конкретную норму об ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. Применение данной нормы предполагает наличие как общих условий деликтной (т.е. внедоговорной) ответственности (наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя), так и специальных условий такой ответственности, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий [6]. Такие специальные условия ответственности публично-правовых образований, как условия, относящиеся к правовому статусу причинителя вреда и к характеру его деятельности, традиционно выделяются и в науке гражданского права [9, с. 253].

Ответственность публично-правовых образований будет наступать только в том случае, если вред был причинен при осуществлении властной деятельности, реализации публичных функций, иначе данные образования отвечали бы вообще за любые действия государственных органов и должностных лиц. Согласно указанной норме властные действия могут выражаться как в форме издания властного акта, так и путем совершения фактических действий органами и их должностными лицами.

Как верно указывает А.Л. Маковский, применение ответственности по правилам статьи 1069 ГК РФ зависит не от наименования соответствующего образования и не от его организационно-правовой формы, а от наличия или отсутствия у него (даже если это не вполне соответствует природе соответствующего образования) функций публичной власти [2, с. 41–45]. Действительно, имеются случаи делегирования публичных, властных функций лицам, формально не отвечающим признакам орга-

нов государственной власти. Например, законодатель наделил некоторыми властными полномочиями государственные корпорации (некоммерческие организации). Применение специального условия ответственности – характер деятельности субъекта, позволит привлекать к ответственности публично-правовые образования в случае реализации «нетипичными» субъектами (в частности, госкорпорациями) делегированных властных функций.

По мнению ряда ученых, особенность исследуемого деликта заключается не только в наличии специальных условий ответственности, но и в том, что в указанной сфере не применяется элемент принципа генерального деликта – презумпция противоправности причинения вреда, т.е. «всякая властная деятельность предполагается правомерной» [10, с. 658]. Поэтому именно на потерпевших должно возлагаться бремя доказывания незаконности действий государственных (муниципальных) органов и должностных лиц.

Данная позиция, к сожалению, прочно укоренившаяся в правоприменительной практике и повторяемая многими учеными, является «наследием», доставшимся нам от советской эпохи и основывается на работах 30–40-летней давности [5, с. 108–120]. Следует отметить: непосредственно в действующем гражданском законодательстве нет указаний на то, что бремя доказывания противоправности должно возлагаться на потерпевших.

Другие авторы утверждают, что с принятием новых Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ положение дел изменилось, поскольку согласно статье 249 ГПК РФ и статье 200 АПК РФ обязанности по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия нормативного правового акта, его законности, а также законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц, возлагаются на орган, принявший нормативный правовой акт, орга-

ны и лиц, которые приняли оспариваемые решения или совершили оспариваемые действия (бездействие). Таким образом, презумпция противоправности причинения вреда распространена и на случаи причинения вреда актами власти [4, с. 26].

Необходимо учитывать следующее: при причинении вреда властной деятельностью наиболее рельефно проявляется то, что слабой стороной в деликтных отношениях является потерпевший. Поэтому исходя из требований принципа справедливости необходимо возлагать бремя доказывания на то лицо, которому легче его вынести, т.е. на публично-правовое образование.

В связи с этим вызывает интерес пункт 5 информационного письма Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами», где отмечается, что, требуя возмещения вреда, истец обязан представить доказательства, обосновывающие противоправность акта, решения или действий (бездействия) органа (должностного лица), которыми истцу причинен вред. При этом бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого акта или решения либо для совершения таких действий (бездействия), лежит на ответчике. Из анализа данного пункта документа видно, что происходит некоторое перераспределение бремени доказывания противоправности причинения вреда в пользу потерпевшего как слабой стороны отношения, поскольку, несмотря на обязанность потерпевшего представить доказательства противоправности действия (бездействия) властных органов или должностных лиц, суд будет оценивать их противоправность с учетом обстоятельств, послуживших основанием для таких действий (бездействия), обязанность доказывания которых в силу части 1 ст. 65 АПК РФ лежит на ответчике.

Анализ судебной практики также показывает, что в большинстве случаев суды ос-

новываются на традиционной доктринальной установке, что незаконность действий публичной власти должна быть установлена вступившим в силу судебным актом. При этом такой судебный акт должен иметь преюдициальное значение в соответствии с положениями статьи 69 АПК РФ [6].

Однако есть и другие суждения по данному вопросу. Как справедливо отмечает К. Нам, согласно существующему законодательству и правовой логике отсутствуют препятствия для взыскания с государства убытков, причиненных незаконными действиями субъектов власти, без предварительного судебного признания таких действий незаконными [7].

Существенной спецификой отличается порядок возмещения вреда, причиненного нормативным правовым актом, под которым, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, понимается акт, изданный в установленном порядке управомоченным на то

органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц и рассчитанные на неоднократное применение, действующий независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом [9].

Так, в связи с этим представляет интерес пункт 6 рассматриваемого информационного письма, согласно которому требование о возмещении вреда, причиненного в результате издания нормативного правового акта государственного органа или органа местного самоуправления, не соответствующего закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, может быть удовлетворено в случае, если такой нормативный правовой акт признан недействующим по решению суда общей юрисдикции, арбитражного суда.

Литература

1. Андреев Ю. Н. *Участие государства в гражданско-правовых отношениях*. – СПб., 2005.
2. Богданов, Д. Е. Особенности ответственности за вред, причиненный публично-правовыми образованиями // *Адвокат*. – 2012. – № 3
3. *Гражданское право: в 2 т.* / Под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд. Т. 2: *Обязательственное право*. – М., 2011.
4. *Гражданское право: Учебник: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп.* / под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. – Т. 3. – М., 2004.
5. Голубцов, В. Г. *Гражданско-правовая ответственность государства за властные действия* // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2008. – № 6.
6. Киличенкова М.А. *Обобщение судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного в результате неправомерных действий государственных органов и их должностных лиц* // *Арбитражные споры*. – 2008. – № 3.
7. Нам К. *Через тернии к государству за убытками* // *ЭЖ-Юрист*. – 2008. – № 40.
8. Нешатаева, Т. Н. *Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: проблемы судебной практики* // *Закон* – 2009. – № 11.
9. *О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2* // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2003. – № 3.
10. Рипинский С.Ю. *Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям*. – СПб., 2002.
11. Тактаев И. А. *Отдельные виды ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный их органами и должностными лицами* // *Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 7* / под ред. О.Ю. Шилохвоста. – М., 2003.

УДК 341.123

О. Н. Новикова**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ**

В статье рассматривается правовая основа деятельности и компетенция Международного Суда ООН, анализируется проблематика и содержание основных рассматриваемых судом межгосударственных споров, а также итоги деятельности суда по отдельным вопросам (вынесение решений или консультативных заключений).

Ключевые слова: Международный суд ООН, консультативные заключения, Дело о храме Преах-Виhear, Дело об убежище (Виктору Раулю Айяде ла Торре), Статут Международного Суда, Устав Организации Объединенных Наций, проблемы Югославии.

O. N. Novikova**THE ROLE OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE IN THE MODERN WORLD ORDER**

This article examines the legal framework and the competence of the UN International Court of Justice. It also analyzes the issues and contents of interstate disputes which are brought to this court, as well as the results of the court's activities on specific issues (making decisions or advisory opinions).

Key words: the UN International Court of Justice, advisory opinion, a Case concerning the temple of Preah-Vihear, Case on asylum (Victor Raul Aya de La Torre), the Statute of the International Court of Justice, the Charter of the United Nations, the problems of Yugoslavia.

Современный мир немислим без взаимодействия международных организаций, государств и физических лиц во всех областях жизни общества (политической, экономической, культурной и др.). Заметно укрепляются и позиции международных судебных организаций в решении межгосударственных споров, урегулировании серьезных конфликтов и определении ответственных за нарушения норм международного права. Участие международных судов в названных процессах определяет их высокий международный статус, что придает особую актуальность определения правомерности деятельности этих международных судебных организаций.

ций требованиям международно-правовых норм. При этом юридический баланс права и справедливости обеспечивается только при условии добросовестного соблюдения всеми участниками отношений своих международных обязательств независимо от источника их возникновения [5, с. 63].

Международный суд – главный судебный орган ООН – является юридически обустроенным институтом мирового сообщества, созданным для обеспечения верховенства права в международных отношениях. Основной задачей Международного суда в этой связи становится перевод ситуации конфликта интересов в режим, отвечаю-

С момента своего первого заседания, состоявшегося весной 1946 г., в общей сложности Международному суду было передано около 150 дел [11, с. 3]. При этом число дел, переданных на рассмотрение в конце 1990-х и по настоящее время значительно увеличилось. Так, если за первые пятьдесят лет своей деятельности (с 1946 по 1996 гг.) судом было рассмотрено 97 дел (75 из них были посвящены разбирательствам споров между государствами, а 22 – вынесению консультативных заключений) [5, с. 63], то за последующие семнадцать лет (с 1997 по 2013 гг.) – около 30 дел. Незначительные количественные показатели рассмотренных Судом дел объясняются, прежде всего, малым числом потенциальных сторон

рассмотрения дел в Международном суде (страны-участники Статута (п. 1, ст. 35 Статута), ряд других государств, определяемых Советом Безопасности ООН (п. 2, ст. 35), а также основные органы и специализированные учреждения системы ООН (ст. 96 Устава ООН и ст. 65 Статута Суда).

По предмету рассматриваемых в суде межгосударственных споров или проблематики запрашиваемых консультативных заключений все дела могут быть условно разделены на несколько категорий. Согласно официальным данным Международного суда ООН, более половины принятых к рассмотрению дел касаются возникших конфликтов интересов между государствами по территориальным и пограничным вопросам. Второй по количеству решаемых в Суде споров и выносимых им консультативных заключений является группа вопросов, находящихся в сфере международного морского права. Часть судебных дел (находившихся и находящихся еще в производстве) связана с проблемами государственной юрисдикции и дипломатического и консульского права. Немногочисленными, но наиболее важными для сохранения миропорядка являются споры о незаконном применении силы. Реже всего к Суду обращаются с просьбами о вынесении решений по претензиям коммерческого или частно-правового характера к одному государству, которое поддерживает другое государство. Такие дела в общем объеме принятых к разбирательству занимают незначительное место.

Итогами деятельности суда по отдельным вопросам (вынесение решений или консультативных заключений) стал серьезный вклад в развитие комплекса правовых принципов, находящихся в основе поддержания миропорядка.

Практика решения вопросов по территориальным и пограничным спорам достаточно обширна. В ее активе – ряд сложнейших проблем, решение которых Международным судом прекратило существовавшее на момент рассмотрения дела международное противостояние и предотвратило дальнейшее развитие конфликта.

Примерами этого может послужить ряд решений, принятых Судом и исполненных сторонами. Так, одним из первых вынесенных решений по существу территориального спора стало Дело о храме Преах-Вихеар, в котором определялся конфликт интересов Таиланда и Камбоджи.

Решением Суда от 15 июня 1962 г. было установлено, что названный храм (Преах-Вихеар – место религиозного паломничества и богослужения кхмеров – основного народа Камбоджи), с 1954 г. находящийся под контролем Таиланда, находится на территории Камбоджи. Из этого вытекает, собственно и решение Международного суда: вывод Таиландом своих полицейских и вооруженных сил, а также возврат Камбодже всех предметов, извлеченных из-под руин [3].

Признавая юрисдикцию Международного суда, Таиланд выполнил решение Суда и вывел свои вооруженные силы и полицию из обозначенной территории. Вместе с тем необходимо отметить, что названный спор решением Международного суда был завершен, к сожалению, лишь на несколько десятилетий. В 2008 г. (в связи с закреплением ЮНЕСКО храмового комплекса Преах-Вихеар за Камбоджей) двустороннее противостояние Таиланда и Камбоджи возобновилось, а в 2011 г. его эскалация привела к вооруженным приграничным столкновениям с применением артиллерии и автоматического оружия [8].

Особое место в общем объеме рассматриваемых дел принадлежит решению споров, связанных с юрисдикцией государств. Такие дела посвящены вопросам осуществления государственной власти в отношении иностранных граждан на своей территории или над своими гражданами в других странах. Как правило, это вопросы иммунитета, гражданства или права на убежище.

Ярким примером, демонстрирующим всю сложность решения названных проблем, является громкое дело 1950-х гг. – «Дело об убежище» [4] – разгоревшийся политический скандал между Перу и Колумбией. В решении Суда от 20 ноября 1950 г., завершившем рассмотрение дела по суще-

ству, Суд установил, что действия Колумбии как государства, предоставившего убежище в посольстве Колумбии в Лиме перуанскому политику Виктору Раулю Айяде ла Торре, обвиняемому в организации заговора в целях осуществления военного государственного переворота, неправомерны, так как ни одна страна не должна заниматься квалификацией преступления (политического или общеуголовного), совершенного беженцем. В связи с этим Суд пришел к выводу о том, что предоставление убежища являлось незаконным действием со стороны властей Колумбии.

После вынесения решения международного суда Перу потребовало от Колумбии его выполнения и призвало ее прекратить неправомерно предоставляемую защиту Виктору Раулю Айяде ла Торре путем выдачи беженца. Ссылаясь на отсутствие в решении Суда постановляющей части относительно выдачи беженца Колумбия повторно обратилась в Международный суд с просьбой определить форму исполнения первого решения и ходатайствовала о принятии дополнительного решения, не обязывающего Колумбию осуществлять выдачу беженца перуанской стороне.

В последующем решении суда (от 13 июня 1951 г.) Суд удовлетворил просьбу Колумбии об определении отсутствия обязательств выдачи Виктора Рауля Айяде ла Торре властям Перу и подтвердил ранее принятое решение о прекращении предоставления убежища с момента вынесения решения суда от 20 ноября 1950 г. В конечном итоге, международный спор был урегулирован путем переговоров и г-н Айя де ла Торре, проведя пять лет в посольстве Колумбии, в 1953 г. смог выехать из Перу [2].

Повторное рассмотрение указанного дела не демонстрирует бессилие судебной системы ООН, а является доказательством авторитета Международного суда, признаваемого государствами – членами Статута суда, стремящимися выполнять выносимые Судом решения в рамках правового поля международного права.

Наибольший интерес мирового сообщества в целом вызывает отношение Международного суда к широко известным меж-

дународным конфликтам. Звучащая в адрес Суда критика о бездействии последнего в процессе урегулирования крупнейших международных противостояний по меньшей мере несправедлива. Причиной отсутствия судебных разбирательств является не позиция отрешенности Международного суда от участия в «громких делах», а отсутствие инициативы хотя бы одной из сторон конфликта к возбуждению дел в Суде.

В настоящее время особого внимания исследователей заслуживает консультативное заключение Международного суда от 22 июля 2010 г. «О соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово». Пристальный интерес к названному заключению Суда объясняется не только высокой степенью политизации вопроса, но и некоторыми действиями суда, позволяющими некоторым исследователям характеризовать их как неправомерные.

После одностороннего провозглашения 17 февраля 2008 г. временными властями местного самоуправления Косово независимости Края, Сербия объявила о непризнании ею такого статуса Косова и инициировала принятие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, содержащей запрос в Международный суд ООН для вынесения консультативного заключения по обозначенной проблеме. Формулировка вопроса была достаточно емкой: «Соответствует ли односторонне провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?» [1, с.68].

В соответствии с нормами Устава ООН и Статута, вопросом, предваряющим рассмотрение дела по существу, является определение юрисдикции Международного суда в отношении возбуждения процедуры рассмотрения дела или вынесения консультативного заключения. Этот вопрос в конкретном случае рассмотрения проблемы Косово приобретает принципиальное значение.

Вопрос Косово в рассматриваемое время находился преимущественно в юрисдикции Совета Безопасности ООН, а не юрисдикции Генеральной Ассамблеи.

Согласно п. 1 ст. 12 Устава ООН «когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом» [10, п. 1, ст. 12]. В этой связи суд объявил о том, что запрос на консультативное заключение по смыслу п. 1 ст. 12 Устава ООН не является «рекомендацией». Воспользовавшись положением п. 1 ст. 96 Устава ООН, по которому «Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу» [10, п. 1, ст. 96]. Суд решил, располагает компетенцией отвечать на поступивший запрос от Генеральной Ассамблеи [1, с. 69].

Анализируя степень правомерности действий Международного суда в определении своей юрисдикции, современные российский исследователи (А. Абашидзе, А. Солнцев) приходят к выводу о неправомерности вынесенного решения Суда. В доказательство своего мнения, ученые приводят существующее в системе взаимоотношений и взаимосвязи норм международного права правило преимущественной силы специальных норм по отношению к общим нормам. В отношении положений Устава ООН это правило означает, что ст. 10 Устава ООН («Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом, и за исключениями, предусмотренными статьей 12, делать рекомендации Членам Организации Объединенных Наций или Совету Безопасности или и Членам Организации и Совету Безопасности по любым таким вопросам или делам») [10, ст. 10] закрепляет общую норму, а ст. 12 (п. 1) Устава ООН – специальную. Поскольку на тот момент Косово как ситуация находилось в компетенции Совета Безопасности на основе ст. 12 Устава ООН. Генеральная Ассам-

блея не обладала правом предпринимать какие-либо действия по данному вопросу, в том числе и обращаться в Международный суд с запросом о вынесении консультативного заключения [1, с. 74–75].

Признав свою юрисдикцию в рассмотрении вопроса о Косово, Суд перешел к обсуждению содержания вопроса. На этом этапе, также некоторые действия Суда, вызвали озабоченность у ученых-юристов. Сославшись на существующую практику, Международный суд указал на то, что иногда корректирует формулировки запросов, в случае их неадекватности, нечеткости или слабого отражения правовой стороны вопроса. Такое заявление Суда является достаточно сомнительным, так как ни в Статуте Суда, ни в его Регламенте не отражено право суда изменять текст запроса. Напротив, п. 2 ст. 65 Статута определяет, что «вопросы, по которым испрашивается консультативное заключение Суда, представляются Суду в письменном заявлении, содержащем точное изложение вопроса, по которому требуется заключение...» [9, п. 2, ст. 65]. Следовательно, при неясности Судом запроса о консультативном заключении или некорректности формулировки запроса, Суд был вправе предложить уполномоченному от Генеральной Ассамблеи лицу внести изменения в содержание вопроса.

Не принимая во внимание норму п. 2 ст. 65, Суд исключил из поступившего запроса определение органа, провозгласившего независимость Косово (временные власти самоуправления Косово). Таким образом сузив формулировку вопроса, Суд уточнил, что будет анализировать вопрос о соответствии декларации о независимости международному праву [1, с. 70].

Особого внимания заслуживает определение Международным судом правомерности действий временных властей самоуправления Косово при учете Резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности ООН [7]. Названная резолюция была принята на основе Гл. VII Устава ООН (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии). В ней подчеркивается

значимость принципа территориальной целостности, а также важность процесса, направленного на «заключение временно-политического рамочного соглашения, предусматривающего значительную степень самоуправления Косово...» [7]. Анализ содержания резолюции позволил суду сделать заключение о том, что этот документ не содержит прямого запрета на провозглашение Косово.

Итогом деятельности суда по запросу Генеральной Ассамблеи ООН о вынесении консультативного заключения «О соответствии международному праву односторонне-провозглашения независимости Косово», суд постановил, что провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г. не нарушает норм международного права [1, с. 73].

Деятельность суда как главного судебного органа ООН в процессе рассмотрения вопроса и вынесения консультативного заключения, на наш взгляд, требует серьезного анализа и определения степени правомерности (хотя бы на научно-исследовательском уровне). В настоящее время стремление многих авторов определить степень и характер влияния итогового консультативного заключения Международного суда по Косово на развитие международного права и международных отношений, не позволяет авторам [6] объективно проанализировать соответствие действий Суда нормам правоустанавливающих документов (Устава ООН, Статута и Регламента Суда) и ряда международно-правовых актов.

Таким образом, деятельность Международного суда ООН является прямым отражением уровня развития международного права, отношения к нему мирового сообщества и степени влияния принципа уважения права на политические, экономические и социокультурные процессы, происходящие в обществе. Обладая минимальной юрисдикцией (судом рассматриваются споры, только если обе стороны дадут добровольное согласие на его юрисдикцию, обязательную силу решение приобретает также только в этом случае) Международный суд ООН тем не менее может разъяснять, толковать нормы международного права и выносить консультативные заключения. Стоит отметить, что эта на первый взгляд второстепенная функция Международного суда, по нашему мнению, является примером расширения юрисдикции суда за счет отсутствия необходимости получения согласия от заинтересованных сторон (запрос может исходить от Совета Безопасности ООН или, в отдельных случаях, от Генеральной Ассамблеи ООН). Вместе с тем необязательность юрисдикции Международного суда (только при согласии стороны о передаче дела в Суд) в ряде случаев не позволяет этому международному судебному органу по праву занять основное место в решении межгосударственных споров, оставляя его в стороне от участия в разбирательстве крупнейших международных конфликтов.

Литература

1. Абашидзе А., Солнцев А. Балканы – ахилесова пята евро-атлантической безопасности. Международный суд ООН и одностороннее провозглашение независимости Косово // *Обозреватель-Observer*. – 2010. – № 10.
2. Дело Аяя де ла Торе. Решение от 13 июня 1951 г. // *Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1948–1991*. – Нью-Йорк, 1993.
3. Дело о храме Преах-Вихеар (существо спора). Решение от 15 июня 1962 г. // *Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1948–1991*. – Нью-Йорк, 1993.
4. Дело об убежище. Решение от 20 ноября 1950 г. // *Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1948–1991*. – Нью-Йорк, 1993.
5. Каламкарян Р.А. Международный суд и современный миропорядок: позитив международно-правового опыта // *Государство и право*. – 2013. – № 1.

6. Караев Р. М. Консультативное заключение Международного суда ООН по Косово и международное право [Электронный Ресурс]. URL: <http://static.bsu.az/w8/Xeberler%20Jurnali/Sosial%202010%203/64-76.pdf> (Дата обращения: 15.07.2013).
7. Резолюция 1244 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4011-м заседании, состоявшемся 10 июня 1999 года // Официальный сайт Организации Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement> (Дата обращения: 15.07.2013 г.).
8. РИА Новости (07.02.2011): Россия обеспокоена перестрелкой на границе Таиланда и Камбоджи // Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20110207/331451717.html#13737554466914&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (Дата обращения: 15.05.2014 г.).
9. Статут Международного Суда (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. – Т. 1. – М., 1996.
10. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956.
11. Фещенко В. Судьям не до революций. Президент Международного суда ООН о традициях, менять которые нелегко // Российская газета. – 15.05.2013. – № 6077 (Спецвыпуск).

УДК 342.726

М. В. Шевченко

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ ПРИ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В данной статье раскрывается понятие усыновления (удочерения), рассматриваются проблемы защиты прав и интересов детей при усыновлении (удочерении) в Российской Федерации.

Ключевые слова: защита прав и интересов детей, усыновление (удочерение), тайна усыновления.

M. V. Shevchenko

PROTECTION OF CHILDREN RIGHTS IN CASE OF ADOPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY AND PRACTICE

The article deals with the concept of adoption and problems of protection of children rights and interests in case of adoption in the Russian Federation.

Key words: protection of children rights and interests, adoption, secret of adoption.

Защита прав ребёнка в современной России является одной из значимых проблем. Семейное законодательство закрепляет право ребёнка жить и воспитываться в семье как основополагающее (ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации). В п. 1 ст. 124 Семейного кодекса РФ это положение нашло своё развитие: усыновление (удочерение) является приоритет-

ной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Оно позволяет с максимальной эффективностью обеспечить как интересы ребёнка, так и взрослых людей, которые по тем или иным причинам не могут иметь своих детей. В нашей стране сложности обеспечения действительной защиты прав и интересов детей, которые остались без попечения родителей, являют-

ся одной из самых острых. Усыновление – сложный институт семейного права. Объектом усыновления являются интересы ребёнка, передаваемого на усыновление. От правильного выбора семьи, в которую передаётся ребёнок, зависит его судьба. Закон при усыновлении исходит из основного принципа семейного законодательства – обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей. Соблюдение интересов детей – обязательное условие любого усыновления. Под интересами ребёнка при усыновлении понимается, прежде всего, обеспечение необходимых условий для его полноценного физического, психического и духовного развития. Каждый ребёнок – это неповторимая личность, поэтому сугубо индивидуален каждый случай усыновления. Усыновление совершается в интересах детей тогда, когда в основе действий усыновителей лежат мотивы и идеи, направленные на предоставление усыновляемому ребёнку прав, гарантированных Конституцией, Семейным и Гражданским кодексами с целью воспитания и гармоничного развития его личности, а сами усыновители приобретают права и способны исполнять обязанности родителей. Интересы детей предполагают тщательный подход к выбору будущего усыновителя. К лицам, которые могут быть усыновителями, законодательство предъявляет многочисленные требования, которые регламентирует статья 127 Семейного кодекса РФ. Усыновление совершается в строгом соответствии с законодательством и ведёт к установлению правовых последствий, предусмотренных статьёй 137 Семейного кодекса РФ.

Несмотря на то, что произошло активное обновление отечественного семейного законодательства, в правовом регулировании усыновления детей существует немало проблем. Так, в соответствии со ст. 7 Конвенции о правах ребёнка, каждый ребёнок имеет право знать своих родителей, с оговоркой «насколько это возможно». Аналогичное положение закреплено в п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ. Речь, очевидно, идёт об объективной невозможности

знать своих родителей (нет никаких сведений об отце, матери, неизвестно где они находятся и т.д.). При этом в юридической литературе достаточно дискуссионным является вопрос о соответствии права ребёнка знать своих родителей и тайны усыновления либо биологического происхождения при применении методов искусственного оплодотворения. Ещё в КоБС 1969 г. появились нормы о тайне усыновления (удочерения) (ст. 110). Допускалось в целях обеспечения тайны усыновления (удочерения) изменение места и даты рождения (не более чем на 6 месяцев) усыновленного ребенка, предусматривался запрет без согласия усыновителей, а в случае их смерти без согласия органов опеки и попечительства сообщать какие-либо сведения об усыновлении либо выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых было бы видно, что усыновители не являются кровными родителями усыновленного. В ст. 105 закреплялась возможность изменения фамилии, имени, отчества усыновляемого. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21.05.1970 г. за разглашение тайны усыновления против воли усыновителя была внесена норма (ст. 124.1), согласно которой наказывалось данное преступление исправительными работами на срок до двух лет или штрафом до двух минимальных месячных размеров оплаты труда, либо общественным порицанием.

В настоящее время закон возлагает обязанность соблюдать тайну усыновления на судей, вынесших решение об усыновлении ребенка, должностных лиц, осуществивших государственную регистрацию усыновления, а также лиц, иным образом осведомленных об усыновлении (п. 1 ст. 139 Семейного кодекса РФ). Тайна усыновления охраняется нормами гражданского процессуального законодательства, поскольку дела об усыновлении рассматриваются в закрытом судебном заседании (ст. 273 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Участвующие в рассмотрении дела лица должны

быть предупреждены о необходимости сохранения в тайне ставших им известными сведений об усыновлении, а также возможности привлечения к уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления вопреки воле усыновителя в случаях, предусмотренных ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации, что отражается в протоколе судебного заседания и подтверждается подписями указанных лиц.

В настоящее время вопрос об отмене тайны усыновления встаёт часто. С целью сохранения тайны усыновления многие женщины имитируют беременность, а также факт выписки из родильного дома, поэтому о факте усыновления ребёнка не догадываются даже близкие родственники. Вместе с тем после достижения совершеннолетия, усыновлённые дети желают получить информацию о своих биологических родителях. Однако органы опеки и попечительства, ЗАГСа, другие лица, которые обязаны хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну в силу ст. 155 Уголовного кодекса РФ, не вправе предоставлять такую информацию. Усыновлённый ребенок может получить её только непосредственно от усыновителей. Другим, достаточно дискуссионным, является вопрос о том, могут ли усыновлённые дети, у которых сохранились отношения не с родителями и другими кровными родственниками, наследовать после них? В п. 3 ст. 1147 Гражданского кодекса РФ сказано: «В случае, когда в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации усыновлённый сохраняет по решению суда отношения с одним из родителей или другими родственниками по происхождению, усыновлённый и его потомство наследуют по закону после смерти этих родственников, а последние наследуют по закону после смерти усыновлённого и его потомства» [1]. Семейное законодательство предусматривает, что «при усыновлении ребёнка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены по желанию матери, если усыновитель – мужчина, или по желанию отца,

если усыновитель – женщина. Помимо этого, предусмотрено, что если один из родителей усыновлённого ребёнка умер, то по просьбе умершего родителя (дедушки или бабушки ребёнка) могут быть сохранены личные неимущественные и имущественные права и обязанности по отношению к родственникам умершего родителя, если этого требуют интересы ребёнка. О сохранении таких отношений указывается в решении суда об усыновлении ребёнка» [2, с. 40]. Суть спорных точек зрения ученых сводится к разрешению проблемы о том, сохраняются ли родственные отношения и, соответственно вытекающие из них наследственные права усыновлённого с любыми другими родственниками его умершего родителя (дядями, тетями, двоюродными братьями и сестрами и т.д.) либо нет. Присоединяюсь к мнению А. Л. Маковского, который названные выше нормы толкует буквально: «Поскольку сохранение родственных отношений усыновлённого с родственниками по происхождению из прежней семьи зависит от решения суда, такие отношения сохраняются с теми лицами, которые названы в решении суда» [3, с. 176]. Однако другими авторами трактуются расширительно положения п. 3 ст. 137 Семейного кодекса РФ. В частности, О. Ю. Шилохвост, считает, что «родственные и все другие, основанные на родстве связи ребёнок приобретает не непосредственно в отношении каждого кровного родственника, а через своего родителя, и в силу этого происхождения ребёнок приобретает связи с другими родственниками. Он пишет: «...санкционируя сохранение отношений усыновлённого с одним из своих родителей, суд тем самым санкционирует и сохранение всех тех родственных и семейных связей, участником которых данный усыновлённый являлся в качестве ребёнка своего родителя» [5, с. 65–66]. В действующем Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей», к сожалению, разъяснения по этому поводу не даются. Состав

преступления, предусмотренный ст. 155 Уголовного кодекса РФ, сформулирован следующим образом: «...разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений, наказывается штрафом в размере до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, либо обязательными работами на срок от 120 до 180 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо арестом на срок до 4 месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового» [4, с. 21]. Данное

деяние заключается в извещении любого лица в устной или письменной форме о факте усыновления кого-либо, а также в сообщении усыновленному ребенку о том, что его родители являются усыновителями.

Проведенный анализ норм семейного законодательства России позволяет сделать вывод, что положение, согласно которому возможно представление сведений об усыновлении с согласия усыновлённого лица, достигшего совершеннолетия, требует детальной разработки. Проблему о том, сохраняются ли родственные отношения и соответственно вытекающие из них наследственные права усыновленного с родственниками его умершего родителя (дядями, тетями, двоюродными братьями и сестрами и т.д.) либо нет, следует разъяснить в Постановлении Пленума Верховного суда РФ.

Литература

1. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002г. № 138-ФЗ (ред. от 14.06.2012 № 76-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации.*
2. *Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013 № 317-ФЗ).*
3. *Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. – М., 2002.*
4. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1966 г. № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996 года).*
5. *Шилов О.Ю. Спорные вопросы правового регулирования наследования усыновлённых // Журнал российского права. – 2006. – № 1.*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'373:32

Н. Н. Дюмон

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В данной статье рассмотрена лексико-тематическая группа (ЛТГ) в публицистических текстах, относящаяся к экономической сфере деятельности человека. Она включает в себя две многочисленные лексико-семантические группы (ЛСГ): ЛСГ «деньги» и ЛСГ слов, обозначающих реалии, процессы и явления финансово-экономической и банковской деятельности. Слова –

члены этих ЛСГ, в основной своей массе являются заимствованиями из итальянского и английского языков.

Ключевые слова: лексико-тематическая группа (ЛТГ), лексико-семантическая группа (ЛСГ), сема, полные и частичные заимствования, ассимиляция, субституции, полукалька.

N. N. Dymon

CHARACTERISTICS OF ECONOMIC LEXIS IN JOURNALISTIC TEXTS

The article is devoted to the analysis of lexical-thematic groups in journalistic texts in economic sphere. Two main lexical-thematic groups have been found out: «money» and the lexical-thematic group of words denoting processes and phenomena of financial, economic and bank activities. Words belonging

to these groups are mostly borrowed from the Italian and English languages.

Key words: lexical-thematic groups, lexical-semantic groups, seme, full and partly-borrowed words, assimilation, substitution, loan-translation.

Лингвистическая наука справедливо утверждает, что особенности состояния и развития французского языка на рубеже XX–XXI веков наиболее четко отражены в публицистике – «голосе» общества. В настоящее время можно говорить о процессе формирования новой языковой картины мира, характеризующейся высокой степенью оценочности; преобладанием отрицательных эмоций в их градации, реализуемых снижением и даже огрублением публичной речи, ее агрессивностью; повышенной экспрессией, создаваемой метафорическими и окказиональными образованиями; использованием фольклорно-значимых культурных символов, выражающих особую мифологию публицистических жанров посредством

приема интертекстуальности; увеличением массива публичной фактической речи, определяющего прием языковой игры.

При анализе группы слов, относящихся к экономической сфере деятельности человека, кажется правильным оперировать таким понятием как лексико-тематическая группа. Это обусловлено тем, что, лексико-тематическая группа (ЛТГ) включает в себя не одну лексико-семантическую группу (ЛСГ), а несколько, общей для которых является принадлежность к экономической сфере деятельности.

Назовем хотя бы две из них, наиболее многочисленные: ЛСГ «деньги» и ЛСГ слов, обозначающих реалии, процессы и явления финансово-экономической и банковской деятельности.

Тематические группы – это объединения лексических единиц, используемых при общении на определенную тему без учета особенностей и условий акта общения. Основой интеграции тематической группы служат связи предметов реального мира, являющихся денотатами словесных знаков, составляющих тематическую группу.

Лексико-семантическая группа, понимаемая как лексико-семантическая парадигма, вернее, частный случай лексико-семантической парадигмы, объединяет лексические единицы на основе признака инвариантности. «Парадигму нужно видеть там, где достаточно четко выражены варианты некоего инварианта». Инвариантные группы как форма существования единиц языка обнаруживаются на всех уровнях языковой структуры. Природа и характер лексико-семантической группы по сравнению с указанными выше группировками лексических единиц раскрываются именно в ее парадигматической организации. Единицы одной парадигмы, кроме отношений «инвариант – вариант», проецируют эти отношения в синтагматику и обладают свойством взаимозаменяемости в определенных контекстах. Лексико-семантическая группа в качестве парадигматической группировки лексических единиц может существовать только как совокупность единиц одной и той же части речи.

Семантика единиц определяет семантику их отношений, то есть определяет как внутрипарадигматические, так и межпарадигматические связи.

Объем и структура лексико-семантических парадигм задается наличием инвариантных и отличительных признаков (сем) в смысловых структурах составляющих их единиц.

Часто лексико-семантические группы представлены несколькими порядками парадигматических группировок более низкого уровня обобщенности, названным в настоящем исследовании лексико-семантическими подгруппами первого, второго и другого рангов.

ЛСГ «деньги». Методом сплошной выборки из лингвистических источников ото-

брано 128 слов, входящих в лексико-тематическую группу «финансы и банковское дело».

Значительная часть слов имеет в структуре своего значения сему «деньги», то есть обозначает некое платежное средство (всего 82 языковых единицы). Эта группа слов может быть проанализирована с разных точек зрения.

Во-первых, заметим, что основная масса слов – членов ЛГ «финансы и банковское дело» латинского происхождения, хотя есть и слова, происходящие из арабского, франкского, греческого языков, например:

арабские – *tariff* (тариф); греческие – *obole* (обол), *trésor* (сокровище);

франкские – *franc* (франка), *frais* (наличные деньги); португальские – *dom* (домцилирование).

Во-вторых, синонимический ряд с доминантой «*argent*» – «деньги» неоднороден с точки зрения языкового стиля. Так, слова: *pépètes*, *picaillon*, *galette*, *braise*, *tarif* относятся к разговорному стилю речи, слова *oseille*, *billet*, *flouse* имеют помету «прост.». Помету «pop.» имеют слова *pognon*, *aumône*, *perte*, *embargo*, *dette*, *marchand*, *cadeau*. Слова *pèze*, *grisbi*, *fric* помечены как слова из «арго».

В-третьих, вся ЛГ «финансы и банковское дело» может быть поделена на несколько синонимических рядов с разными доминантами, добавляющимися к первой доминанте «деньги»:

- 1) деньги – выплаты (*salaire* – зарплата, *avance* – аванс);
- 2) деньги – имение, владение (*domaine* – владение, *propriété* – собственность, *fisc* – казна, *maison* – дом);
- 3) деньги – доход, прибыль (*revenu* – доход, *produit* – выручка, *reçu* – квитанция, *boni* – бонус, *profit* – выгода, *rapport* – доход);
- 4) деньги – трата, ущерб (*dépense* – расходы, *frais* – издержки, *déboursement* – затрата).

ЛСГ слов, обозначающих финансовые и банковские понятия, процессы и реалии. К ЛСГ слов, обозначающих финансово-экономические и банковские понятия, процессы и реалии, можно отнести 112

отобранных слов. К этой группе слов следует отнести лексемы, обозначающие некие «вместилища» денег: *cassette*, *bourse*, *porte-monnaie*, *coffre-fort*.

Второй группой слов данной ЛСГ можно считать слова, называющие денежную единицу, монету: *monnaie*, *espèces*, *pèce*, *obole*, *franc*, *denier* и др.

В отдельную группу слов можно отнести и те, которые обозначают:

- 1) экономические и финансовые образования: *trust* (*траст*), *cartel* (*картель*);
- 2) банковских служащих и биржевых деятелей: *broker* (*брокер*), *manager* (*менеджер*), *dealer* (*дилер*), *sponsor* (*спонсор*);
- 3) товарно-денежные отношения: *solde* (*сальдо*), *leasing* (*лизинг*), *prêt* (*ссуда*), *avance* (*здаток*);
- 4) банковские термины: *escompte* (*дисконт*), *bilan* (*баланс*), *tariff* (*тариф*), *frais* (*расходы*), *clearing* (*безналичный расчет*), *marketing* (*маркетинг*) и др.

При анализе происхождения слов – членов этой ЛСГ обнаруживается, что в основной своей массе они являются заимствованиями из итальянского и английского языков. Данные заимствованные слова можно трактовать как определенные реалии финансово-экономической и банковской сферы деятельности человека. Это обусловлено тем, что экономические отношения и финансовые процессы, зародившиеся в Италии (XV в.) и Англии (XIX–XX вв.), распространяются во всем мире и привносят почти во все европейские языки слова, называющие эти процессы и явления.

Очевидно, что заимствования из одного языка в другой (или другие) происходят вследствие возникновения новых понятий, вещей или даже общественных процессов и явлений. Анализируемая ЛТГ содержит целый ряд заимствований из итальянского языка, которые датируются XV–XVII вв.: *banqueroute* (*банкротство*) – 1466; *bilan* (*баланс*) – 1578; *cartel* (*картель*) – 1526; *dom* (*домицилирование*) – XVI e s.; *escompte* (*дисконт*) < *escont* – 1597; *failli* (*банкротство*) – 1606; *récolte* (*сбор*) – 1558; *solde* (*сальдо*) – 1465; *tarif* (*тариф*) < *tariffe* – 1572.

В отобранной для анализа ЛТГ отмечено 9 лексем итальянского происхождения. Попробуем проанализировать эти итальянские заимствования по критериям, которые предлагаются лингвистами:

1. Слова и понятия, заимствованные с сохранением графической и произносительной норм.
2. Слова, заимствованные с последующей ассимиляцией в произношении и написании.
3. Слова, заимствованные не во всей совокупности значений или с изменением значения, или с его переосмыслением.

В основном все слова – члены ЛСГ итальянского происхождения можно отнести ко второму типу, то есть эти заимствования подверглись звукобуквенной ассимиляции. В группе отобранных нами слов итальянского происхождения мы можем отметить определенные тенденции фонетической ассимиляции при усвоении слова во французском языке.

К наиболее характерным тенденциям можно отнести упрощение удвоенных согласных:

- ит. *bancarotta* фр. *banqueroute*;
- ит. *cartello* фр. *cartel*;
- ит. *tariffa* фр. *tarif*.

Кроме этого, в результате ассимиляции итальянских слов во французском языке наблюдается сокращение количества слогов:

- ит. *bilancio* фр. *bilan*;
- ит. *faillito* фр. *failli*;
- ит. *cartello* фр. *cartel*.

Несколько слов-заимствований претерпевают не только фонетическую, но и морфемную замену: конечное -o, которое обозначает существительное мужского рода, и конечное -a, указывающее на женский род, утрачиваются и замещаются конечным -e во французском языке:

- ит. *ricotta* фр. *récolte*;
- ит. *soldo* фр. *solde*.

Что касается значений заимствованных слов, они не претерпевают почти никакого изменения во французском языке.

При рассмотрении этимологии слов, относящихся к сфере финансов банковского дела, привлекает внимание то, что сло-

ва английского происхождения попадали во французский язык в основном в конце XIX – начале XX вв.

Многовековая противоречивая история отношений Франции и Англии оставила во французском языке значительный слой слов-заимствований из английского языка именно в экономической лексике.

Многими лингвистами было замечено, что одни формы иноязычного влияния являются более полными заимствованиями, а другие – менее полными. Поэтому и возникали такие не совсем удачные понятия, как «прямое» и «косвенное» заимствование. Неточность этих терминов очевидна, поскольку носитель воспринимающего языка обращается непосредственно к самой иноязычной модели во всех случаях, независимо от способов ее передачи. Вместе с тем мысль о полных и частичных заимствованиях несомненна.

Усваивая ту или иную иноязычную модель, заимствующий язык может ограничиться лишь ее фонетической адаптацией, и заимствование войдет в язык полностью без каких-либо морфологических изменений. В таком случае происходит перенесение в заимствующий язык следующих его характеристик:

1) семантики;

2) морфемного состава (например, фр. *samping* < англ. *samping*; фр. *kidnapper* < англ. *to kidnap*). Воспроизведение же иноязычной модели морфологическими средствами заимствующего языка приводит к полной морфемной замене.

Явление частичной морфемной замены при заимствовании было замечено лингвистами сравнительно недавно, что, несомненно, является одной из причин недостаточно широкого освещения в лингвистической литературе одной из категорий заимствований, за которой в отечественном языкознании закрепился термин «полукальки». Однако в ряде работ отечественных лингвистов и зарубежных исследователей можно встретить немало ценных замечаний относительно заимствований с частичной морфемной ассимиляцией.

Анализ языкового материала позволяет выделить во французском языке среди англицизмов с частичной морфемной заменой заимствования, воспроизводящие английские непроемные, сложные слова и словосочетания.

У ряда простых, производных и сложных английских слов, проникающих во французский язык, ассимиляция проходит путем субституции части основы или конечной морфемы и образования своеобразного элемента, фонетическая форма которого ассоциируется с каким-либо определенным французским суффиксом.

Можно встретить явление точного воспроизведения во французском языке английских словосочетаний путем субституции одного из компонентов, что приводит к появлению в языке точных синтаксических полукалек: англ. *attorney general* > фр. *attorney général* «генеральный атторней», «министр юстиций (США)»; англ. *standard of living* > фр. *standard de vie* «жизненный уровень».

Англицизм *me poker d'as* (< англ. *poker dice*) «игра в кости, напоминающая игру в покер» следует отнести к категории приближенных полукалек, поскольку *d'as* не является ни семантическим, ни морфологическим эквивалентом *dice*. Вместе с тем, так же как и *bouledog*, *poker d'as* иллюстрирует собой явление народной этимологии.

Проникая в заимствующий язык, полукальки переносят в него следующие лингвистические характеристики своих иноязычных прототипов: 1) семантику и 2) часть морфемного состава. При типологической классификации заимствований использование критерия перенесения в воспринимающий язык лингвистических характеристик моделей языка-источника дает возможность отнести полукальки наряду с кальками и другими заимствованиями без морфемной замены к обширной группе заимствований, переносящих в язык помимо семантики и свойственные каждой категории морфолого-семантические характеристики.

Проанализировав экономическую лексику французского языка, заимствованную из английского, видно, что в этот слой лек-

сики входит очень много слов, имеющих в словаре пометы «эк.», «фин.» или «бухг.». Таким образом, оказывается, что значительная часть экономической лексики, за-

имствованной из английского языка – это термины финансово-экономической, деловой и банковской сферы.

Литература

1. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л., 1975.
2. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. – М., 1982.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992.
4. Зорько А.С. Сравнительное исследование заимствований в родственных языках (франко-итальянские контакты): дисс. канд. филол. наук. – М., 1975.

УДК 81'373.2

Д. Б. Луговой

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ТОПОНИМИКОНЕ

Статья посвящена исследованию культурно-исторических и этнолингвистических аспектов топонимикона северо-западного региона Ставропольского края, описываемого в синхронии и диахронии.

Ключевые слова: региональный топонимикон, имя в духовной культуре народа, полевой подход к исследованию, топонимикона.

D. B. Lugovoy

CULTURAL, HISTORICAL AND ETHNO-LINGUISTIC INFORMATION IN THE REGIONAL TOPONYMIC SYSTEM

The article is devoted to the research of cultural, historical and ethno-linguistic aspects in the regional toponymic system of the north-west region of Stavropol territory described synchronically and diachronically.

Key words: a regional toponymic system, a name in people's spiritual culture, a field approach to research, a toponymic system.

Теоретическое осмысление языка как антропоцентрического феномена – одна из ведущих тенденций развития современной отечественной ономастики, т. к. в имени собственном в большей мере, чем в других языковых единицах, проявляется человеческий фактор. Имя – важнейший элемент сознания народа, сугубо личностный слой культуры. В процессе имянаречения проявляются номинативные интенции субъекта ономастической номинации, определяемые духовными ценностями,

историко-культурным ландшафтом эпохи, архетипическими образами и представлениями русского народа, в т.ч. части этноса, заселявшей просторы Предкавказья в ходе и после Кавказских войн.

Феномен собственного имени – постоянный объект внимания исследователей. Парадокс имени заключается в том, что накопление знаний о нем обнаруживает все новые проблемы, ибо «абстрактные сущности (эйдосы) не имеют независимого от языковой материи бытия, и сознание

способно их обнаружить только в том случае, если оно смогло эти сущности овеществовать, сделать реалиями через наречение» [8, с. 316], а в силу этого имя, помещенное в культурно-логический ряд, «втягивает» своего носителя в систему духовных ценностей и запретов этноса.

Топонимическая проблематика преобладает в работах по ономастике. Широко известны труды В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Ю. А. Карпенко, Э.М. Мурзаева, В. П. Нерознака, М. В. Горбаневского, А. К. Матвеева, Е. С. Отина, Е. М. Поспелова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубочева и др., исследовавших самые разнообразные аспекты топонимии. Научные исследования в области топонимики и их координация осуществляются в ряде центров АН Российской Федерации: в Топонимической комиссии Московского филиала Российского географического общества, Институте языкознания РАН, лабораториях университетов (крупнейшие из них – лаборатория Уральского университета, томско-барнаульская школа, ономастологический центр Поволжья, Вологодский университет и др.). В работах по топонимике особо выделяются следующие аспекты:

- выделение топонимической модели (И. А. Воробьева, О. Т. Молчанова, Л. Г. Невская, В.Н. Немченко, К.А. Новикова, С. В. Фролова и др.);
- описание и изучение русской топонимии (В. А. Никонов, А. В. Суперанская, И. А. Воробьева, Г. В. Глинских, М. В. Горбаневский, А. К. Матвеев, А. А. Минкин, Н. В. Подольская, Э. М. Мурзаев, Е. С. Отин, В. И. Тагунова, Н. К. Фролов, Ю. И. Чайкина и др.);
- описание топонимической системы (В. А. Никонов, Е. М. Поспелов, А. К. Матвеев, Г. В. Глинских, М. Э. Рут, М. Н. Нечай, Ю. А. Карпенко, И. А. Воробьева, О. Т. Молчанова и др.);
- составление топонимического словаря (В. С. Бузыкина, И. А. Воробьева, Г. В. Глинских, Ю. А. Карпенко, Э. М. Мурзаев, Е. С. Отин, В. А. Прохоров, Д. Е. Корелик, В. А. Жучкевич, А. В. Беляева, С. В. Кисловский и др.);

- разработка классификации географических названий (Н. К. Фролов, Ю. А. Кожевников, Ю. И. Чайкина, Т. В. Бахвалова и др.).

Вместе с тем, по замечанию Е. Л. Березович, «отапеллятивные» классификации топонимии создают в настоящее время ощущение некоего тупика [1, с. 31]. Попытки возможностей совершенствования и обновления семантического изучения топонимии привели в последние годы к выделению историко-культурного и этнолингвистического (репрезентация в имени собственном духовной культуры народа) аспектов исследований (Н. И. Толстой, Л. М. Щетинин, М. В. Горбаневский, Н. К. Фролов, Э. М. Мурзаев, Е.Л. Березович, М. В. Горбаневский, В. П. Нерознак, В. Н. Топоров, А. Ф. Журавлев, Т. В. Топорова, Т. П. Егорова, М. Э. Рут и др.). Антропоцентризм этих направлений адекватен полемому подходу как принципу структурно-функционального описания русской ономастики, помещающему в ядро ономастического поля личное имя человека, а полевое описание собственных имен созвучно с идеей антропоцентризма, представленной в ономастике культурно-историческим и этнолингвистическим направлениями в изучении языковых единиц.

Полевой подход к описанию региональной топонимии, основанный на выделении ядерно-периферийных отношений между конститuentами, обладающими общезыковой и общекультурной значимостью, позволяет дифференцировать топонимы на основании «известности, величины обозначаемого объекта, частотности употребления онима» [5, с.104] и, следовательно, открывает возможности наиболее полного изучения ядра российской топонимии.

В образовании топонимов и микро-топонимов наглядно прослеживаются два процесса – топонимизация апеллатива и трансонимизация. Источником первых по времени возникновения в регионе ойконимов часто были имена первопоселенцев – владельцев земель и угодий: хутора Евтушенкова; Чаленкова; Душина; Блужина; Пи-

щикова; Звягинцева; Савченкова; Кузьмы Барабаша; Ивана Григорьева Бедрика; Архипа Иванова Кордубана; Михаила Агеева Бедрика; Гавриила Бедрика; Якова Борисова Жадана; Василия Григорьева Жадана; Ивана Иванова Жадана; Спиридона Жадана; Степана Логачева, Ефима Гвоздева, Евграфа Гражанкина и Бориса Авдеева; Назара Фатеева; Ф. Плотникова; Абрама Сераго; Аполлона Согарь; Никиты Проскурина; Андрея Гостищева; Прокофия Киселя; Петра Гостищева и Дмитрия Хорольцева; Ивана Михаила Меркулова 1-го; Константина Озерова; Арефия Озерова, Якова Озерова; Егора Чумакова; Петра Сераго; Якова Бредихина; Степана Чумакова; Григория и Михаила Шматко; Ивана Потемкина; Матвея Штукина; паровая вальцевая мельница Фелопемпта Бредихина; землянка Митрофана Озерова (административно подчиненные населенные пункты с. Безопасному); хутора Барыбина; Переверзева; Стрельникова; Кафанова; Маслова; Исаева; Стребкова; Мезенцева; Невдахина; Дурыхина-Трухачева; Калинина-Илюхо; Трусова; Черпакова; Зарудный-Маркова; Довбни; кузня Ивана Коваля Уварова (административно подчиненные населенные пункты с. Донскому); хуторá Толстикова; Найденова; Беляева; Гончарова; Маньшина; Меткалова; Морина (административно подчиненные населенные пункты с. Московскому) [4, с. 207]; хутор Эмануиловский – по имени генерала Емануеля, который продал крестьянину Р. Г. Сариеву 2159 десятин [4, с. 585].

В работе мы подвергли анализу 183 топонима (ойконимы, микротопонимы, гидронимы, эргонимы, зарегистрированные в нашей картотеке). Отпроприальные (116 единиц) составляют 63 % от всех топонимов изучаемого региона. По соотношенности с ядром ономастического поля и по количественному показателю они располагаются в ядре топонимического микрополя. По имени владельцев было названо 64 хутора (абсолютное большинство из них к настоящему времени не сохранилось). Некоторые из хуторов, а также названия балок, оврагов образованы от фамилий первопоселенцев:

Лазебин хутор, Пбминов хутор, Котутина балка, Пентюхова балка, Бурлакина гора, Толстикова гора, Найденова гора, клин Мбрина. Большинство отпроприальных гидронимов, микротопонимов имеют в своей основе фамилии владельцев или живущих в непосредственной близости с обозначаемым объектом: гидронимы (речка Ладовская, Пеньков ручей, родники Кафанова, Черпакова, Толстикова); микротопонимы (Ашхино Пбле; Гранкины Мосты – мост и прилегающая территория к мосту через речку, за которой жили Гранкины; Дыбалин Мост – по фамилии строителя Дыбалина; Пугачевский Мост – по фамилии строителя; Лаптев Яр – по фамилии владельца земли Лаптева; Грачевка – небольшая территория, названная по фамилии живущих рядом нескольких семей Грачевых; подобным образом: Засбровка, Калюновка, Малыховщина, Русановка, Сучюловка, Шевелёвка, Щетуновка или Щатуновка; Хатмынка – бывшая дача землевладельца Хатмынского, ныне небольшой участок с. Донского; Курелевка – по фамилии хозяина водяной мельницы Курыло, выходца с Украины. При помощи грамматической трансонимизации возникли названия: балка Мбринская; балка Марьинская; балка Лхтинская; балка Асеевка; клин Ладовский – название дано по гидрониму ← речка Ладовка; клин Мамайка; гора Мамайка. Топонимы типа Голубой Дунай – прилегающая территория к пивной; Уренгой – отдаленный микрорайон с. Донского; Монголия – шутивное название части с. Безопасного; Черемушки – новостройки (по аналогии с районом г. Москвы) – образованы от других классов имен собственных. Как видно из приведенных примеров, в составе микротопонимов, а также в оронимах и гидронимах в значительной степени представлены дериваты от личных имен и фамилий.

Отапелмятивных топонимов и микротопонимов 67 единиц (37 %). Среди них выделяются образованные при помощи семантической онимизации: Аул (Авул) – окраинный район села Донского (по аналогии с местными кавказскими названиями

поселений) ← аул – деревня, селение, поселок; собрание изб, хат, землянок и пр. [3, с. 26]; Дюкер – район возле дюкера канала (нем. Dükер – напорный трубопровод, сооружаемый при пересечении водоводом реки, канала, дороги и т.п. [2, с. 293]); Канал – территория около проходящего через село канала; Кучерявый Камень – поросшая терновыми рощами гора; Плотина (с. Подлесное); Пьяный Косяк – поворот около пивной; Смертный Поворот – опасный участок дороги на въезде в с. Донское; Сбанный Угол – второе название Смертного Поворота; Хуторá – по названию хуторов Невдáхина и Сáмбурова: в данном примере «единственным указанием на топонимическое ... использование апеллятива является здесь морфологическая форма множественного числа» [7, с. 151]; Шлях – широкая дорога на с. Безопасное и в другую сторону – на Ставрополь ← шлях – тракт, дорога, путь, тор, накат [3, с. 585]. Другие виды топонимов: Столбовáя Дорóга, балки Крáсная, Крúглая, Рогáтая, курган Большóй, гора Бéлая, клин Твёрдый Выгон.

При помощи грамматической онимизации образованы микротопонимы: Глúняще – название части берега вдоль р. Ташлы в с. Безопасном, связанное с глинистой почвой; Головúще (Головúшша) – начало села; Куку́евка (встречается и другое название – Сычёвка) – район под горой, где, как говорят старожилы, было много сычей; Лужóк – был большой луг, впоследствии застроенный домами; Чернолих – пустырь за селом Безопасным, издавна считающийся гиблым; оронимы: курган Небольшóй, клин Бузúнник, клин За Мостóм, балка Загóрская, балка Дрóбная, балка Орлóвая ← орел, балка Кирпúчная, балка Пенькóвая, урочище Ка́менка (урочище с каменными гротами в с. Безопасном), хутора Подлúжный (также зафиксировано и второе название Под Лúгом), Воровская Балка. Названная группа онимов входит в периферийную зону микрополя.

В силу стабильности названий водных объектов («это наиболее устойчивые знаки языка, которые почти не подвержены пе-

реименованиям, часто веками и даже тысячелетиями сохраняются в неизменном виде» [6, с.105] важным критерием для отнесенности гидронимов к ядру или периферии ономастического поля является факт их величины, а следовательно, известности / неизвестности. В степном Ставропольском крае нет ни одного водного объекта, известного всем носителям русского языка (типа Волга, Байкал), но в пределах края значимыми являются гидрографические названия: реки Егорлык и Большóй Егорлык, Большáя и Мáлая Чла (другое название Ташлá), Большáя и Мáлая Кугультá, Тугулúк. Они – тюркские по происхождению названия, как и оронимы: балка Мóкрая Тэхтá, урочище Магадын Салá, урочище Битюк Шарáп. Названия более мелких водных объектов, относящиеся к периферии топонимического пространства, имеют русское происхождение: речка Найдёная, речка Крáсная; речка Лáдовская или Лáдовка; ручей Холодный; Пенькóв Ручей; ручей Крáсная Бáлка; Тóлстиков Родник; родник Кафáнова; родник Ка́менная Подóшва; родник Черпакóва; родник Москóвский.

Названия колхозов, совхозов закрепились к настоящему времени в качестве микротопонимов: в селе Безопасном названия микрорайонов Пёрвая бригаáда, Вторáя бригаáда, Третья бригаáда – следствие более раннего деления колхоза на три бригады: бригада № 1, бригада № 2 и бригада № 3; колхоз «Красный Пахарь» → Крáсный Пáхарь; колхоз «Красный Перекоп» → Перекóп; колхоз «Новый Быт» → Нóвый Быт; колхоз «Правда» → Прáвда; колхоз «Труд» → Труд; колхоз им. Будённого → Буденовка; колхоз им. Кагановича → Каганóвичи (...в Каганóвичах); колхоз им. Калинина → Калúновское; колхоз им. Ленина → Лéнинское; колхоз им. Литвинова → Литвúновка; колхоз им. Сталина → Стáлинское. В образованиях микротопонимов от названий «Колхоз имени...» слово «имени» опускается, т.е. происходит эллипсирование, сопровождающееся суффиксацией: колхоз имени Литвинова → Литвиновка, Литвиновское, колхоз имени Ленина → Ленинское, колхоз имени

Калинина → Калиновка, Калиновское. Микротопонимы, как и топонимы, лежат в основе катойконимов: Лужок (микротопоним в с. Донском) → лужане по аналогии с Безопасное → безопасненские, безопасненцы, Донское → донские / донские (данная форма встречается, в основном, в речи стариков), дончакі, дончане, донцы, Московское → москóвские, москвичі, москóвчане.

Топонимы имеют своеобразную характеристику ядерно-периферийных отношений относительно всего ономастического пространства: исходя из идеи антропоцентризма, к ядру микрополя следует отнести топонимы (микротопонимы, гидронимы), образованные от антропонимов. Из 183 подвергнутых в работе анализу топонимов (ойконимов, микротопонимов, гидронимов, эргонимов, зарегистрированных в нашей картотеке) отпроприальные (116 единиц)

составляют 63 %. По соотносительности с ядром ономастического поля и по количественному показателю они располагаются в ядре топонимического микрополя. Разделяя точку зрения В.И. Супруна, к ядерным единицам топонимии относим названия, хорошо известные в языковом коллективе в силу величины обозначаемого объекта: наиболее значимые гидрографические названия (реки Егорлык и Большой Егорлык, Большая и Малая Чла (другое название Ташла), Большая и Малая Кугульта, Тугулук). Периферию составляют названия мелких физико-географических объектов, знакомые только живущим поблизости с ними людям – микротопонимы, микрогидронимы (названия ручьев, урочищ, колодцев), оронимы. Отапеллятивных топонимов и микротопонимов 67 единиц (37 %). Они также входят в периферийную зону микрополя.

Литература

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: дис. ...д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
2. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998.
3. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. – Ч. 1. – М., 1863. – 86+627с.; Ч. 2. – М., СПб., 1881. – 807 с.; Ч. 3. – М., 1865. – 508+6 с.; Ч. 4. – М., 1866.
4. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / научные ред.: проф. Д. В. Кочура и проф. А. А. Кудрявцев. – Ставрополь, 2002.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле и его художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград, 2000.
6. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: – дисс. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.
7. Топоров В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. – М., 1962.
8. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

УДК 8; 82.02

Я. В. Погребная

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.В. НАБОКОВА: СТИХОТВОРЕНИЕ «СОН» КАК СМЫСЛОВОЙ КЛЮЧ К РОМАНУ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

В статье анализируется перевод стихотворения «Сон», выполненный В.В. Набоковым. Набоков наделял это стихотворение особым семантическим статусом, отводя ему роль смыслового ключа к роману «Герой нашего времени». В цен-

тре внимания в статье находится анализ набоксовской интерпретации стихотворения «Сон» и его перевод на английский язык.

Ключевые слова: переводческая интерпретация, длина контекста, смысловой ключ, темпоральный феномен.

Y. V. Pogrebnya

M. LERMONTOV IN INTERPRETATION OF V. V. NABOKOV: THE POEM «THE DREAM» AS A SEMANTIC KEY TO THE NOVEL «THE HERO OF OUR TIME»

The article analyzes the translation of the poem «Dream» made by V.V. Nabokov. Nabokov endowed this poem with a special semantic status assigning him the role of a semantic key to the novel «The Hero of Our Time». The focus of the article is an analy-

sis of Nabokov's interpretation of the poem «Dream» and its translation into English.

Key words: interpretation, the length of the context, a semantic key, temporal phenomenon.

Роман «Герой нашего времени» был впервые опубликован в Санкт-Петербурге в 1840 году. Первый перевод романа на английский язык был осуществлен в 1853 г. неизвестным переводчиком [8]. Название было видоизменено: его английская версия звучала так: «Sketches of Russian life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes» («Очерки русской жизни на Кавказе, написанные русским, много лет прожившим среди различных горских племен»). Б. Л. Кандель, составивший комментированную библиографию переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки, характеризует этот перевод как вольный, подчеркивая, что имена героев изменены, а повесть «Тамань» не переведена [13]. В последующих английских переводах [10, с. 3;7], как правило, либо не переводилась глава «Фаталист», либо имело место существенное сокращение оригинала. Первая полная переводческая версия романа, выполненная неизвестным переводчиком в 1854

году, также отличалась вольностью. В переводе J. H. Wisdom and Marr Murray (1912) [9] был изменен порядок глав и, таким образом, разрушен хронотоп романа, причем, этот перевод можно охарактеризовать как «викторианский», то есть находящийся в конфронтации к образу главного героя, хотя именно этот переиздавался в 1997 году. Пользующийся популярностью в англоязычном мире перевод Мартина Паркера, опубликованный в Москве (1947), при повторных изданиях в Москве (1951, 1956), и в Лондоне (1957) подвергался правке и уточнениям [2]. В последнее издание этого перевода (1995) профессор Нил Корнуэлл вносит изменения и исправления.

Таким образом, свою переводческую версию романа Лермонтова Набоков с полным правом называет первым переводом «Героя нашего времени» на английский язык, подчеркивая, что его переводу 1958 года предшествовали подражания и переложения [15, с. 427]. Издание романа Набоков снабжает «Предисловием»,

адресованным англоязычному читателю, а также картами и схемами Северного Кавказа, Пятигорска, Кисловодска, – мест, в которых происходят события романа. Ориентируя читателя на правильное восприятие романа, Набоков подчеркивает в «Предисловии», что художественные достоинства романа определяются «чудесной гармонией всех частей и частностей в романе... Слова сами по себе незначительны, но, оказавшись вместе, они оживают» [15, с. 435]. С другой стороны, помимо необходимости стремления к целостности восприятия романа, Набоков указывает на возможность соотнесения судьбы героя и судьбы автора, которое сообщает книге особый лиризм и особую трагичность.

В случае с переводом романа Лермонтова Набоков, стремясь сохранить и передать на чужом языке точный смысл лермонтовской прозы, отделяет литературоведческую интерпретацию романа от текста перевода, свое понимание и самого романа, и шире – творчества и судьбы Лермонтова экстраполируя в «Предисловие». «Предисловие» подано в ореоле строк «Сна», по определению Набокова, – «пророческих стихов» [15, с. 424]. Перевод стихотворения «Сон» был выполнен Набоковым раньше, чем перевод романа и включен в антологию «Три русских поэта» (1944) [Nabokov, 1944].

Круговая композиция стихотворения, получившая у Набокова определение «сон в кубе», описана так: «Это Сон 3 внутри Сна 2 внутри Сна 1, который, сделав замкнутую спираль, возвращает нас к начальной строфе» [15, с. 425]. Принцип построения стихотворения проецируется Набоковым на организацию текста «Предисловия», в завершении которого вновь звучат уже не приведенные, но сохраненные в памяти читателя строки «Сна», причем теперь, когда роман прочитан, «сон в долине Дагестана зазвучит с особой пронзительностью, когда читатель поймет, что сон поэта сбылся» [15, с. 435]. Набоков фактически обрамляет стихотворением роман, предлагая вернуться к стихам, после прочтения перевода лермонтовской прозы. Композиционный

повтор в «Предисловии» отвечает набоковскому восприятию лермонтовского романа, как феномена темпорального.

Особое, присущее Лермонтову чувство времени, Набоков выявляет, анализируя построение романа, отмечая, что «из-за ... спиральной композиции временная последовательность событий оказывается как бы размытой» [15, с. 426]. Набоков восстанавливает действительную хронологию событий романа, подчеркивая, что «весь фокус подобной композиции состоит в том, чтобы раз за разом приближать к нам Печорина» [15, с. 425], и что «рассказы наплывают, разворачиваются перед нами, то все как на ладони, то словно в дымке, а то вдруг, отступив, появятся уже в ином ракурсе или освещении, подобно тому, как для путешественника открывается из ущелья вид на пять вершин Кавказского хребта» [15, с. 426]. Отмечает Набоков и тот факт, что последние «три истории» рассказчик «публикует посмертно» [15, с.425]. Герой физически мертв, но его сознание трансцендируется в повествовании, он вновь переживает одни и те же события, вращаясь по метафизическому, замкнутому кругу своей судьбы. Этот мотив продолжения земной жизни после смерти звучит уже в ранней лирике Лермонтова, в стихотворении: «1830. Майя. 16 число», Лермонтов, размышляя о смерти пишет:

*И нет в душе довольно власти
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет:
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!* [14, с. 85]

Отмена линейного времени ставит под сомнение и абсолютность конца и единичность реальности. Так, и в стихотворении «Сон» мертвому герою снится пир, который действительно происходит в ином пространстве, но в едином с героем времени. Смерть аннулирует для героя протя-

женность пространства: он видит то, что происходит «в родимой стороне», но в то же время, дева на пиру, пока, не перешедшая в мир иной, видит «знакомый труп» в «долине Дагестана», для нее пространственная отдаленность отменяется состоянием погруженности в раздумья, «в грустный сон». Это же состояние отменяет или приостанавливает на время течение внешнего времени: погружаясь в свой внутренний мир, дева на пиру видит отдаленный мир и живет по иным временным ритмам, таким образом, внешнее линейное время и внешнее пространство вытесняются внутренним миром с иным хронотопом. Способностью видеть одновременно происходящие, но отстоящие в пространстве явления, обладает человек, ушедший в иную реальность – смерти или сна. Этот момент синхронизации единовременных явлений приостанавливает течение внешнего времени, выделяя и укрупняя момент настоящего: картина, обрамляющая стихотворение неизменна, – это мертвое тело, лежащее под палящим солнцем в долине Дагестана. Для него время остановилось, а о продолжении его хода напоминает истекающая из глубокой раны струя крови. Синхронизации во времени (по определению В. Е. Александрова – «принцип космической синхронизации» [11, с. 15]) отстоящих в пространстве событий – ведущий художественный прием в творчестве самого Набокова, равно, как прием отмены внешнего времени для погруженного в творчество, в грезы или в чтение человека: так Федор, погружившийся в воспоминания, перечитывая сборник своих стихотворений о детстве выпадает из хода реального времени и, только завершив чтение, обнаруживает, что настал вечер («Дар»).

Частности строгого анализа стиля и художественных приемов лермонтовской прозы Набоков сопрягает с единым феноменом «Лермонтов», объединяющим поэта и человека, а в качестве текста, репрезентативного, как для понимания романа, так и этого феномена, избирает стихотворение «Сон». Таким образом, перевод стихотворе-

ния «Сон» («The Dream») репрезентативным для понимания темпорального феномена в творчестве Лермонтова.

Перевод названия стихотворения «Сон» на английский язык как «The Dream» приобретает в контексте рассуждений об особом, присущем Лермонтову чувстве времени важное значение, поскольку слово «*dream*» с английского языка переводится как «*мечта*», буквальный перевод слова сон – «*sleep*». То же значение слову «сон» свойственно и в русском поэтическом языке. Так в раннем стихотворении Лермонтова с тем же названием «Сон» (1830) обыгрываются оба значения слова: в первой строчке («Я видел сон: прохладный гаснул день») передается собственно картина сна, а в описании девы («Я видел деву; как последний сон// души на небо призванной...») сон приобретает уже метафорическое значение видения, мечты [14, с. 117]. Избирая в качестве названия слово, обозначающее видение, мечту, Набоков акцентирует внимание на мире, создаваемом в воображении двух героев – мертвого человека и задумчивой девы, отличного от реального мира, их окружающего – сжигаемой солнцем долины Дагестана и яркого пира «в родимой стороне». Причем, переводя строчки, передающие погружение героя и героини в свои видения («И снился мне сияющий огнями»; «И снилась ей долина Дагестана»), Набоков вновь прибегает к глаголу мечтать: «*And in a dream I saw an evening feast*»; «*And of a dale in Dagestan she dreamt*».

Переводя стихотворение «Сон», Набоков стремится передать именно это ощущение многозначности, символической полноты стихотворного образа, передать смысл стихотворения, в большей степени, чем сохранить строфику, особенности рифмовки и даже ритма стихотворения.

Сравним первые строфы и перевода В. В. Набокова:

*В полдневный жар в долине Дагестана
In noon's heat, in a dale of Dagestan
С свинцом в груди лежал недвижим я;
With lead inside my breast, stirless I lay;
Глубокая еще дымилась рана,*

The deep wound still smoked on; my blood
 По капле кровь точилась моя
 Kept trickling drop by drop away

[14, с. 393], [6].

Набоков прибегает к поэтическому переводу слова «долина» как «dale» – долина, дол вместо общеупотребительного «valley», хотя в англоязычной поэзии функционируют оба эти слова, например, в стихах Р. Бернса встречается именно слово «valley», («Farewell»), в остальном, значение английских слов в первой строке абсолютно идентично русскому. Во второй строке Набоков переводит словосочетание «лежал недвижим я» как «stirless I lay», первое слово «stirless» имеет два значения: 1. шевеление; 2. движение. Набоков, несколько дробит понятие, минимизируя его, добиваясь, таким образом, визуальное достоверное эффекта. Набоков-переводчик приближает к реципиенту изображенный в катрене образ недвижимого человека, стремясь добиться зримости картины. Причем, сама картина динамизируется, показывается через цепочку последовательно разворачивающихся на экране событий: читатель, таким образом, становится зрителем, а его воображение – экраном, на котором не только запечатлеваются, но и оживают, развиваются образы. Переводя последнюю строку, Набоков русское слово «точилась» переводит как английское выражение «kept trickling», что буквально означает «продолжать течь тонкой струей, сочиться». Выбранный словесный образ приходит в некоторое противоречие со следующим – «drop by drop», что означает «капля за каплей». Набоковский прием приближения картины, изображенной в строфе, направленный на придание ей зримости и осязаемости, находит выражение в акцентировании ощущения боли, смерти, страдания, поэтому Набоков прибегает к удвоению «капля за каплей», чтобы, с одной стороны, сделать зримой картину истекания уже мертвого человека кровью; с другой, образ бегущей из раны капля за каплей крови помещается в поток движущегося времени, дополняясь образами крови, сочащейся струей.

Причем, первый образ предшествует второму, и, таким образом, на минимальном художественном пространстве, в пределах одной строки создается меняющаяся картина: сначала кровь течет струей, потом уже сочится из раны, потом начинает точиться капля за каплей. Таким образом, передается угасание жизни, которая уходит постепенно, подобно крови из глубокой раны, пока жизнь не замирает окончательно, пока кровь не престаёт капать совсем. Усилению ощущения страдания, трагедии способствует не только динамизм картины, но и набоковский анжанбеман, отсутствующий у Лермонтова: в английском тексте слово кровь вынесено в конец третьей строки, а сам этот динамически представленный во времени образ развивается в следующей строке. В оригинальном русскоязычном тексте строка завершается словом рана, которое рифмуется с родительным падежом «долина Дагестана» в первой строке. В набоковском переводе строка завершается словом кровь – *blood*, то есть образом крови, течение и движение которой передают в набоковском переводе течение и угасание жизни и одновременно течение времени. Завершение строки словом «blood» – *кровь*, выделяется еще благодаря несоблюдению принципа перекрестной рифмовки строк: 1 строка не рифмуется с третьей в первой строфе, в то время как в остальных строфах стихотворения принцип перекрестной рифмовки строк соблюдается последовательно. Образ сочащейся из раны крови в переводе Набокова выступает ключевым для всей первой строфы, придавая стихам, во-первых, зримость, во-вторых, динамизм, соотносимый не с движением стихотворного ритма, а с движением судьбы человека во времени.

Во второй строфе, сохраняя то же стремление к зримости образа, Набоков вносит подробности, переводя строку: «Уступы скал теснились кругом», как «The cliffs // Crowded around in ledges steep». Если осуществить обратный перевод с английского на русский, то получится буквально следующее – «Отвесные скалы (утесы) тесни-

лись вокруг уступами крутыми». Набоков вновь прибегает к приему анажабемана, перенося из строки в строку образ уступов скал. Детализируя образ крутых скал, Набоков фактически не только создает зримый, конкретный образ, но и добивается ощущения тесноты, приходящего в противоречие с утверждением, что мертвый герой лежит именно в долине. В набоковской передаче долина превращается в некоторый небольшой участок пространства, сродни воспоминанию Мцыри о далеком детстве, проведенном в родном краю: «Увы! – За несколько минут // Между крутых и темных скал, // Где я в ребячестве играл, // Я б рай и вечность променял» [14, с.707].

В третьей строфе Набоков усиливает образ света, переводя первые две строки: «И снился мне сияющий огнями // Вечерний пир в родимой стороне,» – как: «*And in a dream I saw an evening feast // That in my native land with bright lights shone...*» Набоков, во-первых, меняет пассивный залог на активный, прибегая к форме личного предложения, вместо безличного в оригинале («И снилась мне»): «*And in a dream I saw (И во сне я видел)*». Вводя в перевод строки отсутствующий у Лермонтова глагол *видел* – *saw*, Набоков реализует собственное стремление к зримости, объемности создаваемой в стихотворении картины. Словосочетание «сияющий огнями» Набоков переводит как «*bright lights shone*», буквально – «сияющими огнями сияющий». Троекратное повторение лексем, передающих образ «сияния», «света», с одной стороны созвучно образу «сна в кубе», который в интерпретации Набокова отвечает композиции стихотворения, с другой, – рукотворный свет на веселом пиру составляет контраст жгучему жару солнца в предыдущей строке, равно, как и образ мирного пира в родимой стороне контрастирует с дикими скалами и палящим солнцем во второй строфе, как жизнь, юность, цветы и сияние противопоставлены образу долины смерти, нарисованному в первых двух строфах. Кроме того, многократно усиливая впечатление света, Набоков вновь стремится добиться эффекта

зримости картины, воссозданной во второй строфе.

Если перевод четвертой строфы фактически идентичен оригиналу, то в переводе пятой, заключительной, есть любопытные отступления. В ключевом диалоге (а на самом деле – ролевом монологе) о русской литературе между Федором Годуновым-Чердынцевым и Кончеевым в романе «Дар» (1938) Лермонтов упоминается вскользь: «Кстати, о мертвых телах. Вам никогда не приходило в голову, что лермонтовский «знакомый труп» – это безумно смешно, ибо он собственно хотел сказать «труп знакомого», – иначе ведь непонятно: знакомство посмертное контекстом не оправдано» [16, с. 67]. В переводе «Сна» Набоков снимает возникшую, по его мнению, смысловую аберрацию таким образом: «*In that dale lay the corpse of one she knew*», точно передавая смысл замечания Кончеева – «лежал труп того, кого она знала», – тем самым подчеркивая, что знакомство имело место при жизни, а не после смерти. Перевод последней строки передан максимально близко к лермонтовскому оригиналу: «*And blood ran in a stream that colder grew*», с одной небольшой заменой: вместо «лилась» Набоков прибегает к слову «бежала» («*ran*»), тем самым достигая образной переклички с первой строфой, в которой течение крови передано через оборот: «*kept trickling*» (сочиться тонкой струей). В заключительной строфе набоковского перевода показано, как кровь бежит из раны, постепенно холодея. При переводе последней строфы Набоков вновь меняет окончания строк и, таким образом, сами рифмующиеся слова: рифмуются слова «*dreamt – black; knew – grew*», у Лермонтова: «*Дагестана – рана; той – струей*». Набоков, ставя в конце строки прилагательное «*black*» (черный), остается верен общему принципу зримой детализации образа. Перевод двух последних строк шедевра Лермонтова выполнен Набоковым так: «*Within his breast a smoking wound showed black, // And blood ran in a stream that colder grew.*» На первом месте стоит слово «*within*», указывающее

на фиксацию взгляда на том, что попадает в пределы видимости: в поле зрения оказывается дымящаяся рана, которая *видится* («*showed*») *черной* («*black*») и кровь, которая бежит струей, а в ней нарастает холод («*colder grew*»). Набоков вновь показывает постепенное наступление смерти, истечение жизни, при этом акцентируя внимание на яркой контрастной графике лермонтовского оригинала «*чернела рана – кровь текла*», семиотического контраста жизни и смерти – красного (кровь) и черного (чернела рана), перенося слово «*черный*» как рифмующееся в конец строки и тем самым наделая его особой смысловой нагрузкой.

Таким образом, Набоков, переводя «Сон» Лермонтова, стремится сделать читателя сопричастным судьбе поэта, через усиление образов, передающих страдание, боль, трагедию одинокой смерти. Осуществляя свой перевод романа и избирая смысловым ключом к нему пророческое стихотворение «Сон», Набоков фактически удлинял длину контекста при переводе конкретного текста, тем самым предвосхищая теорию современного перевода, разработанную М. Л. Гаспаровым и связанную с установкой на значительную «длину контекста», как той категории, которая определяет адекватность перевода. Поясняя принцип «длины контекста», М. Л. Гаспаров указывал на разную степень буквализма перевода в зависимости от объема переводимого текста: «Это понятно: принципы перевода ма-

ленькой цитаты и целого большого произведения всегда различны, различны по «длине контекста»; делая перевод целого произведения, можно пожертвовать данным оттенком мысли в данной строке, потому что этот оттенок будет подсказан читателю всем контекстом всего произведения; но, делая перевод короткой цитаты, мы этим оттенком жертвовать не имеем права, потому что подсказывающего контекста здесь нет» [12, с. 45]. Набоков же понимает длину контекста шире: одно произведение переводится в контексте всего творчества и шире судьбы поэта. Но при этом изменения, внесенные Набоковым в перевод стихотворения Лермонтова на английский язык, крайне незначительны, расставляя акценты, Набоков не изменяет словесный образ, не искажает смысл, а в большей степени видоизменяет саму ткань стиха, передавая свое понимание феномена творчества Лермонтова как феномена темпорального, с одной стороны, с другой, - феномена, объединяющего судьбу и творчество поэта.

В заключении необходимо добавить, что в англоязычном мире перевод Набокова считается одним из лучших, причем, определяя его достоинства, указывают, в том числе, и на карты, воссоздающие географию романа, тем самым особо подчеркивая точность перевода. Вместе с тем, перевод этот не стал последним: следующий был выполнен в 1966-м [6], а последний – в 2009 году [4].

Литература

1. *A hero of our own times. From the Russian. Now first transl. into English.* – London, Bogue, 1854.
2. *A hero of our time. Transl. by Martin Parker.* Moscow, Foreign languages publ. house, – London, 1947.
3. *A hero of our time. Transl. from the Russian with life and introd. by R. I. Lipmann.* – London, Ward and Downey, 1886. XXVIII.
4. *A hero of our time. Transl. with an introduction and notes by Natasha Randall; foreword by Neil Labute.* – New York, 2009.
5. *A hero of our time. Transl. with an introduction by Paul Foote.* – Harmondsworth, Middlesex, 1966.
6. Nabokov V. *Three Russian poets. Trans. of Pyshkin, Lermontov, Tutchev by V. Nabokov. Gourt: The home off all Knowledge. Mikhail Lermontov «The Dream» [Electronic resource] URL: <http://articles.gourt.com/en/Lermontov> (Accessed: 25.06.2014)*
7. *Russian reader. Lermontof's Modern hero, with English translation and biographical sketch by Ivan Nestor Schnurmann.* – Cambridge, Univ. press, 1899. XX.

8. *Sketches of Russian life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes.* – London, 1853.
9. *The heart of a Russian. Transl. by J.H. Wisdom and Marr Murray.* – London, 1912. VII.
10. *The hero of our days. From the Russian by Theresa Pulszky.* – London, 1854.
11. Александров В.Е. Набоков и потусторонность. – СПб., 1999.
12. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // *Поэтика перевода.* – М., 1988.
13. Кандель Б.Л. библиография переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки // ФЭБ. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/selected/gnv/gnv-203-.htm> (Дата обращения: 25.07.2014)
14. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 2 т. – М., 1970. – Т.1.
15. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М., 1996.
16. Набоков В.В. Собр. соч. в 4 т. – М., 1990. – Т.3.
17. Эйхенбаум Б.М. Герой нашего времени // Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л., 1969.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сон

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя,*

*Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.*

*И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.*

*Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;*

*И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладящей струей.*

М. Ю. Лермонтов

The Dream

*In noon's heat, in a dale of Dagestan
With lead inside my breast, stirless I lay;
The deep wound still smoked on; my blood
Kept trickling drop by drop away.*

*On the dale's sand alone I lay. The cliffs
Crowded around in ledges steep,
And the sun scorched their tawny tops
And scorched me - but I slept death's sleep.*

*And in a dream I saw an evening feast
That in my native land with bright lights shone;
Among young women crowned with flowers,
A merry talk concerning me went on.*

*But in the merry talk not joining,
One of them sat there lost in thought,
And in a melancholy dream
Her young soul was immersed - God knows by what.*

*And of a dale in Dagestan she dreamt;
In that dale lay the corpse of one she knew;
Within his breast a smoking wound showed black,
And blood ran in a stream that colder grew.*

Trans. by V. Nabokov

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.42

Е. А. Авдеев

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: УНИФИКАЦИЯ ИЛИ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ

В статье рассматриваются взаимодействие и трансформация национальных культур в современном глобализирующемся мире. На сегодняшний день динамика социокультурных изменений описывается рядом разнонаправленных процессов: формированием глобальной массовой культуры, тенденциями к изоляционизму и гибридизации культур. Анализируются из-

менения характера взаимодействия между локальными культурами в условиях становления глобального медиапространства и усиления гетерогенности национальных культур.

Ключевые слова: гетерогенность, гибридизация, глобализация, массовая культура, медиапространство, социокультурная сфера.

E. A. Avdeev

SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS IN THE AGE OF GLOBALIZATION: UNIFICATION OR HETEROGENEITY

The article deals with the processes of interaction and transformation of national cultures in modern globalizing world. The dynamics of social and cultural changes is characterized by a number multidirectional processes. These are: the formation of global mass culture, trends towards isolationism and hybridization of cultures. The author an-

alyzes the changing nature of interaction between local cultures under the conditions of the global media space and amplification of heterogeneity of national cultures.

Key words: heterogeneity, hybridization, globalization, mass culture, media space, socio-cultural sphere.

Термин «глобализация» начинает широко употребляться в политическом и социально-гуманитарном дискурсе с середины 1980-х годов. На сегодняшний день глобализация является одной из наиболее распространенных тем во всех социальных науках. Так, А.Н. Чумаков определяет глобализацию как «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [11, с. 31]. Глобализация выступает в качестве явления, когда она рассматривается как объективная реальность, которая характеризуется замкнутостью глобального пространства, становлением общемировых

экономических связей, глобальными коммуникациями, экологической взаимосвязанностью и т.п. По мнению Э. Гидденса, глобализация представляет собой интенсификацию всемирных социальных отношений, которые связывают географически удаленные локации. Так, происходящее в той или иной местности событие обусловлено происходящим на другом конце земного шара и наоборот [5, с. 187–190]. Следует заметить, глобализация, согласно Гидденсу, представляет собой следствие модернизации, т.е. представляет собой новую форму вестернизации («модерн» является продуктом развития западной цивилизации). Р. Робертсон, напротив, обращает внима-

ние на участие в глобализационном процессе незападных цивилизаций и обществ, таким образом, глобализация представляет собой нечто большее, чем форма вестернизации. С точки зрения ряда отечественных исследователей именно возрастание взаимозависимости различных обществ, а не нивелировка мира на всех «этажах» общественной действительности составляет суть глобализации [12]. Итак, сущность глобализации раскрывается при перечислении её составляющих и наиболее значимых проявлений. Рассматриваемый с данных аспектов феномен глобализации имеет объективный характер и не может быть проигнорирован при рассмотрении той или иной сферы социальной жизни.

При рассмотрении глобализации, на наш взгляд необходимо, прежде всего подчеркнуть сложность, многомерность и поликаузальный характер данного явления. Сведение глобализации к экономическому измерению, характерное для неолиберального подхода, приводит к игнорированию и непониманию её культурно-цивилизационной составляющей. Между тем характер взаимодействия и трансформации национальных культур в условиях становления глобального коммуникационного пространства представляется одной из наиболее актуальных проблем современности, национальные культуры на сегодняшний день поставлены перед «вызовом» глобализации, от того, будет ли дан адекватный «ответ» зависит их сохранение в глобализирующемся мире [1, с. 140], [2, с. 18].

Расширение масштабов коммуникации, формирование глобального коммуникационного пространства, выступающих одновременно причинами и следствиями глобализации, приводят к разрушению классической системы цивилизации, представляющей собой совокупность локальных культур и локальных государств. В глобализирующемся мире коммуникация из средства, обеспечивающего процесс обмена информацией между системами, превращается в «содержание и цель социального действия, социальной системы, в каком-то

смысле переводя реальную жизнь индивида из бытийно-материальной плоскости в виртуальную, которая по своей эффективности оказывается тем не менее реальной» [9, с. 15]. Увеличение влияния информационных технологий, «погружение» общества в глобальное коммуникационное пространство приводят к распространению тех или иных образов, формирующих определенные стереотипы поведения, жизненные стандарты и мировоззрение. Таким образом, коммуникация, во-первых, придаёт обществу характер глобальной целостности. Во-вторых, предоставляет новые возможности для формирования надгосударственной системы управления посредством формирования определенных установок в сознании индивида (М. Хардтом и А. Негри для описания глобальной формы суверенитета вводится понятие «империя»). В-третьих, глобальное коммуникационное пространство приводит к изменению условий и характера диалога между локальными культурами [6, с. 274–276].

До возникновения современных технологий обработки и передачи информации диалог между локальными культурами происходил посредством сложного адаптационного механизма. Таким образом, проникновению тех или иных инокультурных элементов (языка, религии, традиций и др.) препятствовали, в том числе механизмы блокировки. В рамках определенной системы культуры также осуществлялся диалог между различными уровнями культуры, по выражению М. М. Бахтина, – между «высокой» и «низкой» культурой. Таким образом, культура являлась достаточно устойчивой и самобытной многоуровневой системой. Сегодня коммуникация из условия диалога локальных культур превращается в самостоятельную силу, помещающую локальные культуры внутрь глобального коммуникационного пространства (медиапространства) [9, с. 16]. Таким образом, все участники диалога (как отдельные индивиды, так и локальные культуры), независимо от их согласия или несогласия, находятся в новой коммуникационной среде – инфосфере –

и так или иначе вынуждены адаптироваться к законам новой реальности. Очевидно, что столь стремительные и качественные изменения, происходящие внутри социальной системы, формирование глобальной американизированной культуры, зачастую имеют разрушительный характер для отдельных ее элементов — локальных культур. В. В. Миронов описывает трансформацию локальных культур как «американизацию», осуществляемую посредством сознательного насаждения культурных стереотипов, приводящих к трансформации всей системы культуры. Следует подчеркнуть, «американизация» локальных культур происходит «не через разрушение отдельных звеньев системы, а наступает фронтально, последовательно модифицируя всю систему» [9, с. 19]. Таким образом, становление глобального информационного пространства, безусловно, способствует трансформации всей системы культуры, которая выражается в замещении образцов национальной культуры «эрзацами вестерна».

Говоря о глобализации и связанных с ней угрозах, заключающихся в выборе интеграционных моделей, основанных на подражании стандартам массовой культуры, замещающим стандарты национальной культуры, следует, во-первых, признать во многом объективный характер процессов, трансформирующих социальную реальность, во-вторых, сложность и зачастую противоречивость процессов трансформации социального пространства. На сегодняшний день динамика социокультурных изменений описывается рядом разнонаправленных и зачастую взаимоисключающих процессов формирования глобальной (массовой, сетевой) культуры, основанной, безусловно, на американских потребительских стандартах: процессами, направленными на её отрицание (изоляциялизм), попытки возрождения древних религиозных и культурных традиций; процессы взаимовлияния различных культур (гибридизация) [3, с. 4–10], [8, с. 182–183].

В качестве «разрушительных» выступают процессы, приводящие к деформированию или разрушению центральной

зоны или «ядра» культуры, «инфильтрации» в центральную зону культуры инокультурных символов и ценностей (язык, культурные традиции, формирующие то или иное мировоззрение ценности). Трансформация периферийных компонентов культуры (нормы, ритуалы, обычаи) является объективным следствием взаимодействия культур и не приводит к разрушению системы национальной культуры. На сегодняшний день культурно-цивилизационные различия по линии Запад – Восток продолжают существовать и остаются достаточно четкими. Тем не менее трансформации внутри культурно-цивилизационных общностей очень значительны и представляются во многом не имеющими исторических прецедентов. Результатом этих изменений с одной стороны, является унификация (обусловленная прежде всего глобальным медиапространством), как правило, проявляющаяся лишь в определенных сферах культуры. С другой стороны, мы наблюдаем беспрецедентное усиление гетерогенности, «взрыв полиморфизма», который заключается в диссистемном множестве различных культур, не имеющих ничего общего между собой.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть наиболее общие тенденции, которые способствуют усилению гетерогенности культур. В. М. Хачатурян в качестве вышеназванных тенденций выделяет два противоположных друг другу процесса: анклавизацию и гибридизацию. Анклавизация рассматривается в качестве ориентира на замкнутость, «капсулизацию» культур. В противоположность этому гибридизация предполагает ту или иную степень открытости влиянию иных культур, направленность на диалог [9]. Тенденции к анклавизации, увеличению конгломеративности евро-атлантической цивилизации рассматриваются преимущественно как негативные. Высокий уровень гетерогенности социокультурного пространства, по мнению ряда исследователей, способствует постепенному замещению принимающей культуры. В качестве примеров приводится, во-первых, стремление диаспор сохранить свою самобытность, во-вторых, активная

репрезентация диаспорами собственных культурных ценностей. Безусловно, на сегодняшний день эти процессы не представляют угрозы основам западной цивилизации или суверенитету отдельных западных государств, тем не менее в перспективе формирование социального пространства, в котором параллельно существуют и взаимодействуют различные в культурном и религиозном отношении общности, может способствовать утрате целостности и системного единства.

Следует заметить, что существует противоположная точка зрения на роль анклавизации в социокультурном развитии общества. Так, А. Б. Богатуровым и А. В. Виноградовым была разработана гипотеза анклавно-конгломератного типа развития общества. Конгломеративность рассматривается в качестве иного типа единства, противоположного представлению о глобализации как «слиянии в одинаковом». По мнению исследователей, конгломеративность представляет собой единство «по внешнему контуру через соразвитие разного» [4, с. 114–115]. С этой точки зрения, общества подразделяются на «традиционные», «современные» и «конгломеративные», представляющие собой «мегаструктуры, опирающиеся на анклавы». Соответственно, взаимодействие элементов происходит на основе «взаимосохранности» и соразвития в рамках единой структуры. Таким образом, понятию «глобализация» как продолжению вестернизации противопоставляется понятие «мироцелостность». В качестве примеров конгломеративных обществ могут рассматриваться большинство стран Юго-Восточной Азии и Россия. Несмотря на несомненный интерес, в рамках данной гипотезы не рассматриваются механизмы, способные обеспечить органичное соединение «разносушностей».

В этой связи тенденции, направленные на гибридизацию, могут быть рассмотрены более позитивно, так как предполагают установку на диалог и в перспективе на возможность осуществления действительной интеграции-синтеза Запада и Востока.

Гибридизация, способствующая образованию большого количества синкретических форм культур, может рассматриваться в качестве начального этапа освоения и преобразования инокультурного материала на основе модели интериоризации внешнего влияния Ю.М. Лотмана, согласно которой процесс усвоения новых смыслов, обогащения семантического поля, не приводит к утрате принимающей культурой своих системообразующих качеств. [7, с. 272]. В этой связи синкретические формы культур могут быть рассмотрены в качестве медиаторов (культур-передатчиков). Национальные формы массовой культуры, с этой точки зрения, являются гибридными. Негативной стороной процессов культурной гибридизации является вероятность гибели национальной культуры в процессе взаимодействия, т.е. достаточно высокая степень проникновения «иного» в центральную зону принимающей культуры, способная вызвать её качественные изменения. Таким образом, гибель или адаптация зависит от степени проникновения «иного» в центральную зону принимающей культуры. Следует заметить, что национальные массовые культуры стран Юго-Восточной Азии представляют собой гибридные формы, где именно «свое» формирует центральную зону культуры.

В свете вышесказанного основная угроза глобализации заключается в унификации на основе стереотипов и ценностей (распространяемых зачастую сознательно, с целью реализации политических и экономических целей объектов глобализации) западной массовой культуры – «американизация». Ведущая роль при этом отводится современным информационным технологиям, обуславливающим становление инфосферы как самостоятельной реальности, ставящей локальные социокультурные общности в положение объектов, зависимых от её законов. В этой связи актуализируется необходимость выработки и поддержки на государственном уровне культурной политики, направленной на защиту смыслового ядра национальной культуры от про-

никновения инокультурных стереотипов, не соответствующих исторически сложившейся системе ценностей национальной культуры. Система образования при этом выступает в качестве одного из решающих факторов формирования «культурного иммунитета» [3, с. 4–10]. Именно глобальное коммуникационное пространство, на наш взгляд, является тем, что придает уникальность современной транзитивной эпохе. Массовая культура, которая является «низовой» культурой, предполагает господство наиболее общих стереотипов, обладающих минимальной смысловой нагрузкой. Медиапространство придает ей всеобъемлющий характер и способствует вовлечению большого числа субъектов. Таким образом, происходит замещение исторически

сложившихся механизмов межкультурной коммуникации в рамках локального коммуникационного пространства единым медиапространством, способствующим диалогу по заданным стереотипам, без какой-либо существенной смысловой нагрузки. Представляется, что действительно плодотворный синтез может быть только продуктом взаимодействия «высоких» культур. То, что сегодня понимается под европейской культурой, представляет собой результат синтеза греко-римской и восточной культурной традиции. В свою очередь, современная транзитивная эпоха открывает широкие возможности для конструктивного синтеза ценностей западного и восточного типа культуры.

Литература

1. Авдеев Е.А. Этнический фактор в современных глобализационных процессах // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 5.
2. Бакланов И.С., Авдеев Е.А. Взаимодействие глобального и локального: проблемы национальной и культурной идентификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3.
3. Бакланов И.С. Прагматические и экзистенциальные аспекты роли знаний в процессе модернизации общества // Высшая школа региону. сборник научных статей. – Пятигорск, 2013.
4. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломеративный тип развития: опыт транссистемной теории // Восток Запад Россия. – М., 2002.
5. Гидденс Э. Последствия современности. – М., 2011.
6. Гончаров В. Н. Научные знания и научная информация в контексте социальной коммуникации // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. – № 2 (6).
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2010.
8. Микеева О.А. Современная диспозиция различных исторических типов социальных коммуникаций // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2010. – № 3.
9. Философские искания: Московско-Петербургский сборник. Выпуск 2 / под.ред. В. В. Миронова. – М., 2011.
10. Хачатурян В.М. К проблеме трансформации культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. – 2013. – № 1(11). [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/185.html&j_id=13 (Дата обращения: 25.07.2014).
11. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2014.
12. Шумилов М.М. Концептуальные основы глобализации М.М. Шумилов // Credonew. – 2005. – № 1(41). [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/459/30/> (Дата обращения: 25.07.2014).

УДК 323.1

В. В. Иванов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье раскрывается влияние этнической идентичности на своеобразие художественной культуры народа, анализируются различные аспекты творческого процесса, подчеркивается важность сохранения эт-

нической самобытности художественных форм.

Ключевые слова: этническая идентичность, художественная культура, народное творчество, ценность, искусство.

V. V. Ivanov

ETHNIC IDENTITY AND ARTISTIC CULTURE IN THE MODERN WORLD

The article discusses the influence of ethnic identity on the originality of the artistic culture of the people, analyzed various aspects of the creative process and stresses

the importance of preserving ethnic identity of artistic forms.

Key words: ethnic identity, culture, folk art, value, art.

Этническая идентичность является одним из основополагающих признаков жизнедеятельности этноса и обуславливает развитие его духовной культуры. Она играет роль ценностного «центра» культуры всего этносоциального организма и определяет ее специфичность, особость.

Можно говорить о художественной культуре в целом и этнической в частности как о предметах искусства (произведениях) и накопленных ценностях, а также о художественной культуре субъекта как об уровне созидания, восприятия и освоения произведений. Структуру этнической художественной культуры с этой точки зрения составляют: произведения искусства; совокупность знаний, норм, образцов, составляющих содержание произведений; художественные знания, художественное мастерство и другие элементы, составляющие опыт художественной деятельности. Творцом является художник, но в создании художественной культуры участвует и публика. Она извлекает из произведения все возможное, превращает его в свое собственное достояние, дает через себя обществу художественные ценности, делает их фактом духовной жизни, увеличивает ху-

дожественные впечатления и художественный опыт. В этнической художественной культуре эти процессы составляют единое целое. Субъектом создания искусства и освоения является народ. Его художественное сознание, мироощущение, миропонимание и идентичность в целом реализуются в предметах искусства в процессе их создания, когда происходит опредмечивание, а также в процессе потребления, когда осуществляется распредмечивание. Эти процессы в художественной культуре этноса неотделимы друг от друга, они синкретичны, в ней нет автора-художника и отдельно публики, творцом и потребителем, хранителем и распространителем является сам народ.

В этнической художественной культуре наиболее важны: процесс создания, дающий народу возможность раскрыть свои черты; созданные им продукты; уровень развития народа как творца.

Наиболее полно исследованы в науке продукты этнической художественной культуры. Меньше внимания уделяется народу как творцу, характеристике его как субъекта художественной культуры. В последние годы появились работы о народном художествен-

ном творчестве как фольклоре, хотя термин использовался и раньше, но чаще всего по отношению к художественной самодеятельности или для обозначения творчества народных масс как социального явления. Здесь важно разделить понятия «этническая художественная культура», «этническое творчество», «этническое искусство».

В фольклористике понятие «творчество» появилось давно и использовалось для обозначения искусства, создаваемого народом, «этническое творчество» применялось в значении коллективного творчества народных масс. При этом довольно часто употребляются термины «народно-поэтическое творчество», «устно-поэтическое творчество» «устное народное творчество». Все эти обозначения указывают на его использование прежде всего для характеристики народной поэзии. В последующие годы понятие «творчество» стали применять для характеристики художественной деятельности в различных видах и жанрах: «этническое музыкальное творчество», «драматическое творчество» и т. п. На данном этапе для исследователей характерно использование термина «этническое, народное художественное творчество» и других, как правило, без определения их понятий, со ссылкой на сложности из-за множества понятий, употребляемых даже в рамках одной работы. К числу таких относятся: «самодеятельное искусство», «народное искусство», «любительское искусство», «любительское художественное творчество», «художественная самодеятельность», «этническое творчество», «народное художественное творчество», «самодеятельное творчество», «самодеятельное художественное творчество», «массовое художественное творчество» и др., разобраться в смысле и значении которых действительно непросто.

Основным, определяющим характеристикой этнического художественного творчества и его отличие от этнической художественной культуры как одного из ее элементов является понятие «творчество». Оно относится к числу категорий, которые

не поддаются однозначной дефиниции, так как отражает феномены, существующие и в материальной, и в духовной сферах. Чем больше работ по творчеству, тем больше сложностей с его определением. И это не удивительно, ибо творчество пронизывает все сферы жизни и виды человеческой деятельности. Одним из самых распространенных является определение творчества как преобразовательной деятельности.

Я. А. Пономарев отмечает, что «творчество природы и творчество человека лишь разные сферы творчества, несомненно, имеющие общие генетические корни. Видимо, поэтому в основу исходного определения творчества целесообразно класть его самое широкое понимание. В таком случае следует признать, что творчество свойственно и неживой природе, и живой до возникновения человека, и человеку, и обществу. Творчество – необходимое условие развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм» [1, с. 16]. Таким образом, Я. А. Пономарев формулирует «гипотезу, согласно которой творчество в самом широком смысле выступает как механизм развития, как взаимодействие, ведущее к развитию» [2, с. 17].

Понимание творчества как внесение новизны и преобразование окружающей действительности имеет экспансионистский характер, наиболее ярко реализовавшийся в покорении природы человеком, стремящимся, во что бы то ни стало к самоактуализации через самовыражение, самореализацию, самоутверждение в различных сферах и видах деятельности. В данном смысле основной целью и основным содержанием творчества для субъекта становится стремление оставить свой след.

В последнее десятилетие концепции творчества приобретают новые оттенки и нюансы. Выход науки за пределы марксистско-ленинской методологии как единственно верной усиливает востребованность трудов ряда представителей идеалистической

философии, среди которых особой популярностью пользуется экзистенциалистская концепция творчества Н. А. Бердяева, связанная с пониманием трансцендентности. Творческий акт он рассматривает как возможность человека выйти за грани здешнего, реального, материального.

Понимание трансцендентности творчества присуще и современному ученому, стремящимся постигнуть его природу и сущность на уровне глобального человеческого и космического сознания. Такой подход есть не что иное, как признание подсознательных, иррациональных элементов творческого процесса.

Внимательность, чуткость, повышенная чувствительность, крайне необходимые для художественного творчества, могут быть от рождения как определенные свойства нервной системы или развиваются в процессе жизнедеятельности и проявляют себя как высшая духовность. У этноса эти качества связаны с картиной мира, его ментальностью, специфика которых во многом обусловлена этнической культурой мировосприятия единства системы «природа – человек – космос», а также особенностями религии, возвышающей духовность в ущерб земным материальным благам. Получаемая извне информация перерабатывается наиболее чуткой частью народа в художественной деятельности в соответствии с картиной мира, воплощается в художественных образах и функционирует в обществе как этническая художественная культура, отражающая систему знаний, ценностей, норм, образцов жизнедеятельности и его идентичность в целом.

На основе представленных, столь различающихся между собой концепций, этническое художественное творчество можно представить как духовный процесс, поиска и переработки этносом информации из окружающего мира, актуализируемой им в созидательной художественной деятельности в соответствии со своей картиной мира и этнической идентичностью.

В этом процессе этносу свойственны внутренняя свобода духа как проявление творческой мощи, эмоционально-чувствен-

ная раскованность как выход положительной творческой энергии, самостоятельность и самодеятельность. Многие традиционные праздники допускали полную раскованность, потому запрещались церковью. Этническому художественному творчеству характерен также выход за пределы познанного и познаваемого, но в то же время проявляются тенденции соблюдения традиционных форм, сюжетов и образов, основанных на канонах и стереотипах. Со временем они осознаются им как не соответствующие изменениям объективного мира, получаемая извне информация перерабатывается по-новому. Этническое художественное творчество, таким образом, представляет собой своеобразный механизм развития, процесс движения от традиции к новизне, поиска и нахождения способов художественного выражения системы социокультурных ценностей. Результатом такого движения являются не только конкретные варианты произведений, но и новые типы культуры (фольклор, городской «примитив», любительство, художественная самодеятельность), выражающие изменившуюся под воздействием новых социально-исторических условий картину мира субъекта.

Представляется целесообразным отметить, что элементы новизны, как и во многих других областях, в продуктах этнического творчества представлены незначительно, особенно это относится к художественно-исполнительской деятельности. Новизна в искусстве, как правило, понимается как несходство с имеющимися образцами. Такое понимание привело многих художников к авангардизму, в результате чего абсурдное заняло довольно прочное место в современной культуре. Между тем, думается, что фактор новизны не служит критерием уровня творческих достижений. Известные образцы высшего уровня художественного творчества, в том числе этнического, поражают нас не новизной, а характером приобщения к вечности: к тайне жизни, ее гармонии. Новизна заключена в самом акте порождения. Каждое творение и его результат по-своему новы, независимо

от того, опирается созидание на современные вкусы, в том числе самого творца, или на строгие многовековые каноны. Новые формы творчества возникают в результате воздействия объективных причин, внешних условий и факторов.

В социуме типы этнической культуры или формы художественного творчества возникают в ответ на изменившиеся условия жизнедеятельности. Трансформация социально-исторической ситуации, ломка житейских стереотипов, появление новой жизненной среды, как природной, так и социальной, – все это способствует изменениям форм художественной деятельности этноса. Новое в творчестве всегда имеет социальные причины, хотя и создается субъектом. В то же время результаты этнического художественного творчества, как и любого другого, воздействуют на общественную жизнь, изменяя социальную и культурную среду. Это взаимосвязанный процесс, поэтому художественное творчество нельзя рассматривать только как отражение действительности, оно всегда что-то прибавляет к ней, давая конкретный результат, обогащая и развивая мировую художественную практику.

Этническое художественное творчество можно рассматривать не только как процесс, но и как социальное явление. Такой подход обусловлен его синкретичностью, т.е. единством непосредственного творчества с хранением созданных ценностей, их обменом и распределением, передачей информации, которая из поколения в поколение осваивается и как бы заново перерабатывается. Синкретичность в том, что все эти процессы включены в общую канву жизни, в модель жизнедеятельности индивида, социальных групп, общностей и неотделимы от нее. Они представляют собой видимый, доступный наблюдению социальный феномен, в котором актуализируется картина мира, составляющая основу культуры: знания, ценности, нормы, образцы жизнедеятельности народа. Результатом этой актуализации оказывается народное искусство, т. е. конкрет-

ное произведение, представляющее собой акт художественной деятельности – исполнение или материально-вещественный предмет – какое-нибудь изделие.

Таким образом, этническая художественная культура рассматривается как совокупность знаний, ценностей, норм, образов жизнедеятельности; этническое художественное творчество – как процесс их переработки и актуализации, а также как социальный феномен художественной деятельности народа; этническое искусство – как результат его творчества. Вышеназванные элементы статики и динамики этнических форм – этническая культура, творчество, искусство – формируются под влиянием этнической идентичности, находящей в них свое выражение.

Исходя из вышеизложенного, можно эксплицировать этническую идентичность как некое ценностное отношение субъекта к определенной этнической группе либо как актуальную и осмысленную в сознании человека идею (обладающую для него определенным смыслом), реализация которых в художественной культуре этноса формирует ее своеобразие.

Этническое искусство есть естественное и закономерное продолжение всего того, что происходило и происходит в повседневной жизни народа. Оно точно так же является выражением народного эстетического творческого духа, но работает над духовным, а не материальным обеспечением народной жизни. Оно воплощает в своих созданиях чувства, вкусы, идеалы народа о красоте жизни и о том, как она может стать еще совершеннее и гармоничнее, красивее, привлекательнее и разнообразнее, разностороннее, чем сегодняшняя жизнь. Формирование этнической художественной культуры представляет собой многосложный процесс, в котором синтезируются закономерности общесоциального, духовного, этнического порядка и специфические, имманентно присущие процессу создания художественной культуры.

Литература

1. Пономарев Я. А. Психология творчества. – М., 1979.

УДК 323.1

С. Ю. Иванова**СЕМЬЯ КАК СФЕРА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

В статье раскрывается значение семьи в формировании патриотизма, анализируются этапы этого процесса, особое внимание уделяется историческим событиям и героям в процессе патриотического воспитания в семье.

Ключевые слова: семья, патриотизм, историческая память, ценности, духовность, идеология.

S. U. Ivanova**THE FAMILY AS A SPHERE OF FORMING PATRIOTIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE AND PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY**

The article reveals the importance of family in the formation of patriotism and analyzes the stages of this process. Particular attention is paid to the historic events and

heroes in the process of patriotic education in the family.

Key words: family, patriotism, historical memory, values, spirituality, ideology.

Воспитание и развитие молодого человека в сложном контексте межнациональных отношений должны быть ориентированы на объективное научное понимание всех составляющих патриотизма, проникнуты гуманистической идеей, направленной на уважение к людям вне зависимости от их этнической принадлежности и вероисповедания. Формирование патриотизма, патриотических чувств – это сложный процесс, на который оказывают влияние многие факторы. Несомненно, патриотизм начинает формироваться в семье.

На становление гражданской позиции современного молодого человека наиболее сильное положительное влияние оказывают семья и авторитетные взрослые; далее идут СМИ (особенно телевидение) и ближайшее социальное окружение (друзья, однокурсники); несколько слабее воздействие учебного заведения. Но, безусловно, в первые годы жизни решающее воздействие в данном отношении оказывает семья. А потому существенное внимание уделяется позитивному характеру развития, особенно в детском возрасте, и формированию у ребенка такого базового основания, как чувство любви и уважения.

На первый взгляд, начальные два периода жизни человека – внутриутробный и от рождения до приблизительно двух лет – не имеют прямого отношения к рассматриваемой проблеме. На самом же деле, позитивный характер жизни в этот период обеспечивает базу смежного формирования его гражданских и патриотических представлений, но только в том случае, что лишь позитивный по сути своей процесс в начальном этапе жизни дает возможность складывания целостной структуры ценностных ориентаций.

Кроме того, ценностный мир человека представляет собой весьма сложную систему, имеющую в каждом конкретном случае определенную структуру и стремящуюся к максимальной полноте. Уже давно замечено, что нарушение принципа позитивного развития личности ребенка с первых дней нарушает логику формирования его ценностей, деформирует их структуру и либо изменяет ее, либо придает ей в дальнейшем определенную антисоциальную направленность. Существенным является содержание информации, насыщенность образов эмоционально воспринимаемых маленьким человеком как «теплые» или «хо-

лодные», «добрые» или «злые», а также такие составляющие, как тональность, ритмика, мелодика, строй языка – производные от той или иной культуры, соответствующим образом соприкасающиеся с выработанной тысячелетием и генетически закреплённой ментальностью россиянина.

Среди всех первичных потребностей ведущей для психического развития является потребность в новых впечатлениях. Чем их больше, тем активней механизм их получения, тем выше возможности познавательной деятельности ребенка, тем шире возможности усвоения исторического опыта и его содержания.

Пробуждение и освоение чувства любви начинается у ребенка в семье с первых дней жизни, становится системообразующей частью его ценностно-эмоциональной сферы и, в конечном счете, во многом проявляется со временем в отношении к другим объектам, в том числе и к постепенно познаваемой им Родине. В этом смысле мало сообщить человеку только связь с родиной как со сложным объектом, важно, чтобы в отношении к этому объекту появились сформированные в раннем детстве чувства, особенно чувство любви, что сразу выделяет такой объект, придает ему особую значимость.

Но если в эти первые два периода жизни закладывается своего рода фундамент доверия к миру, то на последующем этапе – от двух до семи лет – начинается его освоение, ребенок в данном возрасте активно усваивает уже не только, к примеру, тональность колыбельной песни или выражаемые в отношении к нему эмоции, он начинает постигать их общий смысл. Ведь и колыбельная песня, и сказки есть инструментарий, с помощью которого начинается процесс освоения основных понятий окружающего мира и постижение смысла этих общецивилизационных начал: добра и зла, чести и бесчестия, красоты и безобразия, причем не в абстрактной, а в этнонациональной форме. Так вырастает образ Родины, и осваиваются правила, по которым живут люди, на базе чего выкристаллизовывается чувство патриотизма.

Формирование историко-патриотических представлений, складывающихся в результате в феномен исторической памяти человека, начинается с песен, сказок, рассказов старших членов семьи о Родине, ее знаменитых людях, героях. Как и следовало ожидать, такие рассказы и сказки благоприятно воздействуют на процесс усвоения гражданско-патриотических ценностей. Молодые люди, слышавшие в детстве рассказы о Родине, в большей степени чувствуют с ней эмоциональную и духовную близость, ощущают себя ее гражданами, гордятся этим и стремятся проявлять гражданскую активность.

Конечно же, многое зависит от содержания информации, на основе которой формируются эти понятия и представления. Ведь ментальность имеет генетическую основу, складывавшуюся столетиями и достаточно чутко реагирующую на соответствие или несоответствие поступающей извне информации.

Куда определенной можно прогнозировать характер дальнейшего процесса складывания патриотизма при достаточно большом наборе информативных единиц, в которых может быть много, очень немного или вовсе не быть патриотической или гражданской составляющей. Решающее значение имеет здесь сам ценностный мир семьи. И хотя пластичность сознания ребенка позволяет в дальнейшем корректировать результаты данного этапа в любом направлении, пробел гражданско-патриотической информации в данном возрасте будет в дальнейшем уже достаточно ощутимым.

Но особенно важен период от 9 до 13 лет, – этап формирования политических взглядов и представлений, когда начинается выход ребенка за пределы своего непосредственного, личного опыта. Дети начинают различать и выделять руководителей государства, основные его институты, понимать основные функции части из них. Формируется доверие к институтам власти, хотя и в очень наивной форме, которое, однако, утрачивается через некоторое время, ибо верх берет критический настрой,

так свойственный ранней юности, а властно заявляющие о себе проблемы жизненного самоутверждения отодвигают многие абстракции на второй план.

Позднее это доверие как бы стабилизируется и в значительной степени зависит от соответствующего отношения родителей или авторитетных взрослых, а также и от личного опыта подростка, который либо копирует и принимает политические установки и симпатии родителей (в ситуации семейного согласия), либо их отвергает (при перманентном внутрисемейном конфликте). Однако многое зависит и от социально-политической ситуации, от характера кризисов и потрясений вследствие несправедливых действий властей в отношении отдельной семьи или целого народа.

Те, кого мы называем сейчас «поколением перестройки», пережили ситуацию отвержения ценностей социализма без внутренней борьбы, уже в значительной степени будучи подготовленными к этому всем предыдущим ходом кризиса социализма. В таких случаях наблюдается массовое расхождение взглядов отцов и детей уже независимо от семейного климата. Все дело в возрастном консерватизме и относительно слабых адаптационных способностях представителей старших поколений – детей своего времени. Вместе с тем, не следует преувеличивать разлом в ценностях поколений. Чаще всего он касается лишь идеологической, и отчасти культурной сфер, и то не по всем позициям. Например, значительные позитивные даты нашего политического календаря остались одними и теми же у представителей разных поколений. И если день 9 мая, праздник для представителей всех поколений, то к таким датам календаря как 1 мая или 7 ноября молодежь 18–20 лет относится только как к выходным дням. А у старших поколений уже иное отношение. Это свидетельствует о том, что историческая память современной семьи, вопреки распространившемуся в последнее время мнению, достаточно глубока, хотя и не во всех случаях.

От глубины исторической памяти в семье зависит степень и качество влияния семьи на формирование гражданско-патриотических ценностных ориентации детей. Высокая зависимость качества патриотического воспитания наблюдается от образования родителей. Высокий образовательный уровень в определенной мере способствует семейному благополучию (особенно культурному). В высокообразованных семьях больше внимания уделяется изучению своей родословной, сохранению памятных реликвий; соответственно больший процент молодых людей из таких семей имеет в качестве примера для подражания какого-либо своего родственника. Родители с высшим образованием чаще других рассказывают своим детям рассказы и сказки о Родине, ее героях и умельцах. Учитывая вышесказанное, не удивительно, что с увеличением уровня образованности увеличивается степень положительного влияния семьи на формирование патриотических ценностей в сознании детей, усиливается идентификация своей родины с Россией, ощущение себя ее гражданином и гордость быть таковым, а также признание нового государства, причем в существующих границах, поддержка реформ; но увеличивается и уровень тревожности за судьбу России, что выражается в неверии в скорый выход из кризиса.

Подводя итог, можно заключить, что у довольно большой части молодежи имеется определенная базовая историческая память, составляющая основу ее патриотических представлений. Качество же патриотического воспитания зависит от социального статуса родителей, семейного благополучия и глубины исторической памяти в семье.

Но только на следующем этапе, в отрезке от 14–15 до 17–18 лет, патриотические ценности обретают в сознании молодых людей достаточную определенность, а сам молодой человек получает способность относительно самостоятельно оценивать себя как гражданина и патриота. Важную роль играет тот факт, что молодые люди с 14 лет обретают, хотя и не в полном объеме, граж-

данские права и отчасти становятся субъектом таковых. У части из них в этом возрастном периоде проявляется стремление к социальной активности, которая реализуется в общественных организациях и разного рода инициативах. Поэтому социальную активность в этот период можно оценить как важнейший фактор, воздействующий на формирование патриотизма, скрепляющий ценностный багаж, накопленный в детстве и отрочестве. Хотя этот же фактор, при известных условиях, может оказывать и обратное воздействие. В советское время такого рода стремления реализовывались в массовых детской и молодежной организациях, и, хотя были жестко зарегулированы, позволяли самовыразиться очень большому числу молодых людей. Иное дело сегодня. Массовых молодежных организаций практически не существует. Поэтому среди большинства молодых людей преобладают пассивные формы проявления социальной активности (чаще всего слежение за политической информацией или обсуждение актуальных вопросов в кругу друзей или с родителями). Объектом же симпатий или жесткой критики в этих случаях становятся политические лидеры, особенно руководители государства, олицетворяющие власть. Решающей становится оценка молодыми людьми степени заинтересованности государства в решении их конкретных жизненных проблем. А если учесть, что сегодня власть и ее представители часто предстают, через СМИ (особенно в моменты обострения информационного противоборства), а также в устном народном творчестве (анекдоты, шутки, частушки и т.д.) – в непривлекательном виде, то могут стать препятствием для формирования у молодых людей патриотических чувств. Однако, как можно наблюдать, глубинные ценностные структуры начинают «бунтовать», противиться проникновению в культурное российское пространство американского массового «искусства», идеологии.

Процесс разрушения патриотической составляющей ценностного мира молодежи проявился на пике застоя, отчасти выразив-

шись в так называемом «увлечении Западом». Однако, с конца 90-х гг. XX в. ситуация начала меняться.

Формирование патриотизма как значимой социокультурной ценности и основы духовного возрождения России невозможно вне исторической памяти. Известно, что народ, отрицающий своё прошлое, исторически обречен. Опыт и уроки истории служат целям освоения настоящего и прогнозирования будущего. Преподавание исторических дисциплин позволяет сделать исторический опыт достоянием молодежи. История всегда нравственна, ибо, постигая историческое событие, действие, человек производит своеобразный моральный выбор, осуществляет оценку современных событий. С точки зрения формирования патриотических установок сознания, задача исторического воспитания двуединая. Во-первых, разбудить в душе молодого человека любовь к истории, и в первую очередь отечественной. Во-вторых, добиться нравственной ориентации, – может быть, даже неосознанной – на гуманистический опыт истории.

Помимо практического и теоретического освоения мира, человечество имеет еще один его вид, который можно назвать духовным, художественным. Он предполагает яркую эмоциональную окраску освоения и преобразования мира. В этом случае действительность рассматривается аксиологически, через призму ценности. Ценное – значит дорогое нашей душе. Но дорогое ценно своими подробностями. Узнать о дорогом все – это одна сторона подробностей в истории и одновременно потенциальная возможность данной науки. Эта возможность когнитивно-аксиологическая, но одновременно она предполагает и деятельность по расширению круга познания.

Вторая сторона – формирующая. Ведь узнавание подробностей само по себе повышает интерес к объекту. Без знания об объекте не может быть и отношения к нему. Чем больше подробностей, тем больше знания, тем больше интереса и уважения. Но эти подробности должны быть эмоцио-

нальны. Эмоциональны любовь, ненависть, противоборство, коллизии. Материалов для диспута, открытого столкновения мнений и гражданских, нравственных, патриотических позиций история дает сотни. Ценностные отношения формируются современным обществом. Актуализация тех или иных событий истории зависит от «социального заказа». Отсюда проистекает выборочный интерес к историческим фактам, событиям, целым эпохам.

Сама история подсказывает, каким образом можно и нужно строить формирование патриотической личности. Ранее мы обратили внимание на то, что такие компоненты патриотизма как любовь к своей Родине и народу, его культуре и традициям, готовность к их защите складываются, как правило, в процессе социализации ребенка, подростка, молодого человека как чувство комплиментарности ко всему «своему», как опасение потерять это знакомое, близкое, родное.

Более сложные компоненты развиваются в связи с деятельностью людей на благо Отечества. Причем взаимосвязь собственного и общего благополучия соотносится здесь как частное и общее, т. е. одно не только не противоречит другому, но и детерминирует его в определенной мере. «Любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, – писал Н. Карамзин, – а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма» [1, с. 455–456]. Из деятельности развивается и способность критического восприятия отечественного бытия. Но здесь деятельность иного порядка, она предполагает рефлексию, высокие образовательный и культурный уровни. Только тогда критика из сферы отрицательных эмоций переходит в сферу сознания и обретает конструктивность.

Особо следует выделить проблему истории развития объединяющей государственной или суперэтнической идеи. В современной России идея такая еще не выработана. Может быть, именно потому, что «весь XX век жестоко проигран нашей страной», потому что «разрушение наших душ за три чет-

верти столетия – вот, что самое страшное». [4, с. 8] А если искать великую идею в веках минувших, в истории?

Ряд авторов решительно отвергают «мессианскую роль России», считая ее утопической, вредной, способствующей бездействию созерцанию лениности русского человека. Другие по-прежнему ищут великое назначение. Нам наиболее близка идея Ф. Достоевского. Заглядывая в будущее, он говорит, что в России возникает «высший культурный тип, которого нет в целом мире», тип всемирного боления за всех» [1, с. 456.]. Этот новый человек, по его мнению, вырастает из «почвенника». Чем сильнее привязанность к родной земле, тем скорее она перерастает в понимание того, что ее судьба неотделима от судеб всего мира.

Подтверждение этому можно найти у А. Солженицына: «...государственное устройство – второстепенное самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве допустим любой государственный строй». И далее: «Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств» [4, с.8]. Если нам не дано показать миру образцы государственного и экономического строя, то может, и не было этого предназначения? Может быть, именно в духовном творчестве, как это было в двух предыдущих веках (а если рассматривать только эту сферу, то и в XXI веке), Россия призвана являть свое первенство миру.

Таким образом, основные направления, по которым следует формировать патриотизм в ходе изучения истории: Отечество и народ; мир и другие народы. Причем в трех сферах: знание (когнитивная), чувство (эмотивная), деятельность. Каким образом делалось это в отечественной истории, какие применялись приемы и способы там, где удавалось получить высокий уровень патриотического сознания?

В сфере знания исторический опыт дает нам широкий спектр действий государственного руководства, форм и методов патриотического обучения и патриотического

воспитания. При всей разности подходов к историческим событиям и их оценок объединяют Н. Карамзина, В. Ключевского, Е. Тарле и других историков разных времен несколько характерных черт: во-первых, это безусловная и ясно выраженная любовь к Родине; во-вторых, глубочайшее знание фактического материала; в-третьих, эмоциональная оценка, показатель личного отношения, переживания. Для воспитания чувства гордости за свою причастность к свершениям предшествующих поколений необходимо молодежи больше рассказывать о вкладе россиян в мировую культуру, науку; раскрывать всю сложность процесса формирования российского государства, ставшего общей ценностью для прошлых поколений и поколения нынешнего; осмысливать причины кризисов российской государственности в прошлом и пути их преодоления, давать с позиций патриотизма оценку действиям политиков не только прошлого, но и настоящего. Все это необхо-

димо для того, чтобы избавиться от исторического и социального пессимизма, широко ныне распространенного.

Формированию патриотизма призвана способствовать и вся национальная система образования. «Совершенно необходимо в программе средней школы ввести преподавание краеведения с основами природной и культурной экологии, шире создавать в школах кружки по истории и природе родного края, – пишет Д. Лихачёв. – К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать» [3, с. 15–16]. Недостаток духовности в воспитании личности обесценивает такую социальную силу человека, как чувство. Преобладание рационалистической односторонности (знания, эрудиция) над духовностью приводит к деформации самого процесса воспитания. Ничто так не содействует совершенствованию культуры чувств, как художественные ценности, духовная культура.

Литература

1. Достоевский Ф.М. *Дневник писателя: Избр. страницы.* – М., 1989.
2. Карамзин Н.М. *О любви к Отечеству и народной гордости* // Соч. – Т. 3. – СПб., 1848.
3. Лихачев Д.С. *Экология культуры* // *Культура и судьба мира. Универсализм регионального.* – М., 1997.
4. Солженицын А.И. *Как нам обустроить Россию (Посильные соображения)* // *Комсомольская правда. Специальный выпуск.* – 1990. – 18 сентября.

УДК 101.1

Е. А. Сергодеева**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

В статье анализируются изменения философского дискурса, характерные для современной интеллектуальной ситуации, осмысление которых происходит сквозь призму рассмотрения трансформации научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. Отмечается, что в современной культуре расширяется поле рациональности и наблюдается устойчивый тренд изменения формата философского дискур-

са в сторону литературы и литературной критики. Автором обосновывается идея о том, что современный философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности.

Ключевые слова: дискурс, рациональность, философия, культура постмодерна, стиль философствования.

E. A. Sergodeeva**RATIONALITY OF MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

The paper analyzes the changes of philosophical discourse which are typical of contemporary intellectual situation and viewed through the lens of transformation of scientific rationality and intellectual practices in general. It is noted that in contemporary culture the field of rationality has been expanding and there has been a steady trend of changing the format of philosophical discourse in the

direction of literature and literary criticism. The author proves the idea that the modern philosophical discourse is characterized by fundamental differences in comparison with the classical standards of philosophical rationality.

Key words: discourse, rationality, philosophy, postmodern culture, style of philosophizing.

В современной интеллектуальной ситуации наблюдаются очевидные изменения философского дискурса. В самом общем виде эти изменения находятся в русле трансформаций научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. Это касается не только тематизации философских изысканий в «большой» философии, но и так называемых «коллекторских программ», отвечающих за образцы учебных курсов, классификационные системы, лежащие в основе подразделения научных дисциплин, категориальные модели действительности, определяющие рубрикацию при организации знаний, и наконец, многочисленные попытки определения предмета тех или иных дисциплин.

Вопрос о рациональности философского дискурса специфичен в силу ряда причин. Во-первых, это изначальная рефлексивность самой философии, ее способность

подвергать сомнению не только «здравый смысл», инструментальное знание, опыт, но и саму себя, свои методы, особенности трансформации, роль и значение (можно даже сказать, злободневность) для текущих социальных и культурных событий. «Философы, сомневаясь в точке зрения обывателя и разыскивая выход за пределы обыденных структур опыта, подозревают о сокрытии истины, что порождает различные стратегии «очищения» сознания, попытки конституирования истинной субъективности и т.п. Данная тенденция, отчетливо прослеживаемая практически во всех исторических формах философской мысли от Декарта и Канта до феноменологов и аналитиков, в нынешней ситуации приобретает новое звучание, обусловленное изменившимся статусом субъекта в современной культуре» [8, с. 40–41].

Во-вторых, это особенности современной интеллектуальной ситуации вообще и в сфере философии в частности. При резком увеличении роли инфокоммуникационных технологий в современном обществе все чаще возникают мысли о ненужности и неуместности философии, о ее аристократизме и «отрыве от реальности».

Наконец, в-третьих, это проблема самоидентификации российской философии. Сюда относятся как вопросы о месте и особенностях национальной отечественной философии в глобализирующемся мировом философском сообществе, так и проблема профессионального статуса философии в российской системе образования и науки. В. И. Пржиленский, в частности, обрисовывает эту проблему следующим образом: «Оторвавшись от своих традиций, будь то религиозный идеализм или диалектический материализм, российские философы испытали колоссальное влияние прежде малодоступных текстов, овладели идеями, оперировать которыми можно было лишь в критически-негативном контексте. Но они, за редким исключением, не примкнули к уже существующим в западных странах школам, а стали мыслить самостоятельно и автономно, ставя и решая проблемы, которые в пространстве мировой философской мысли или не возникали, или формулировались качественно иным образом» [4, с. 139].

Все обозначенные обстоятельства представлены во внешней институциональной и внутренней дискурсивной трансформации философии, которая ярко проявляется на поверхности академической жизни: в трудной смене поколений, интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм, самого языка философии. Основной фокус этих проблем концентрируется в изменениях философского дискурса, который отражает эволюцию философской проблематики во взаимовлиянии социокультурных и когнитивных факторов.

Современный философ сталкивается с проблемой собственной идентичности – необходимостью осмысления злободневных проблем современности и их формулирования в адекватных в современной ситуации терминах – с одной стороны, и сохранения аутентичного языка, когда он

должен выходить за рамки узкоспециализированного опыта и делать универсальные обобщения, – с другой. Эта ситуация усугубляется сложной внутридисциплинарностью самого современного философского знания, когда оформляются многие отрасли философского анализа (философия науки, искусства, религии и т.п.), с неизбежностью выполняющие функции методологического моделирования и аксиологического сопровождения конкретно-научных исследований. В связи с этим многие западные и отечественные философы отмечают устойчивый тренд изменения формата философского дискурса в сторону литературы и литературной критики. Как пишет Р. Рорти, интеллектуалы Запада со времен Возрождения прошли через три этапа: «сначала они надеялись получить искупление от Бога, потом – от философии, теперь того же ждут от литературы» [5, с. 31].

Показательны в этом смысле многие отечественные дискуссии об «академической и неакадемической философии» [3]. При этом подобную трансформацию дискурса оценивают далеко неоднозначно. В. Семенов отмечает: «Еще Мартин Хайдеггер полагал, что эта замена строгой философской мысли на литературные упражнения была упадком, сдвигом от серьезного мышления к поверхностному любопытству. Многие философы – поклонники естественных наук согласились бы с ним по данному вопросу. Однако сам Ричард Рорти полагает, что эта смена философских дискурсов была шагом вперед» [7, с. 110].

Метатеоретическим основанием подобных изменений выступают философские девизы постмодернизма. Именно они, даже в случае их критической рецепции, задавали общий интеллектуальный фон пересмотра традиционного дискурса, и прежде всего классического концепта субъект-объектных отношений, столь проблематичного и существенного для парадигмы мышления Нового времени. Постмодернистскую модель описания мира можно определить как «ино-научную», заключающуюся в критическом пересмотре эпистемологической ценности научной картины мира, сложившейся в XVII–XVIII веках. Один из мифов-нарративов модерна базируется на идеях научно-

сти, рациональности, истины и претендует на создание решений-рецептов, опирающихся на истину и, в силу своей особой эффективности, всегда и везде применимых. В это время была осознана и легитимирована разница между просто сообщением, повествованием (дискурсом) и научным знанием, которое приобрело статус экспертного, а значит, обнаружило властный и репрессивный потенциал. По мнению постструктуралистов, научный дискурс не противостоит дискурсу власти, а является одним из его вариантов, причем научный дискурс связывается с формированием дисциплины – анонимной системы, играющей роль контрольной инстанции над производством дискурса и реализующей функции власти: принуждения и ограничения. Постмодернизм провозглашает финал утопической эры, ориентировавшейся на одну истину, один образ мира, один художественный способ либо одну научную методологию. В постмодернизме объективный образ мира сменяется представлением мира в определенных социальных и лингвистических конструкциях, определяемых социальными процессами, отягощенных идеологическим выбором участников и структурой властных отношений. Знание не содержит образов реального мира, оно состоит из конструкций, построенных на основе когнитивных интерпретирующих схем.

Ситуацию в постмодерновом философском дискурсе отличают, главным образом, принципиальные различия в интеллектуальных технологиях а также в способах и формах изложения философских идей.

Проблематика постмодерна складывается, как правило, в дихотомии прежним философским традициям: автономному субъекту классического рационализма противопоставляется идея «смерти субъекта» или «смерти автора»; модели языка как сказа бытия противостоит концепция языка как «говорения на поверхности»; на смену линейной концепции необратимого исторического времени приходит представление об одновременном сосуществовании «всех времен». В результате этого на первый план выдвигаются экзистенциально-антропологические, герменевтические направления в философии, что находит выражение и в новом философском дискурсе.

Стоит сказать, что «литературный» характер философских текстов вовсе не является нонсенсом или сугубо современным феноменом. А.Л. Никифоров в своей статье «Природа философии» убедительно показывает, что философское творчество на всем протяжении своего существования было тесно связано как с наукой, так и с искусством. Поэтому можно говорить о параллельном существовании двух стилей философии – рациональном и литературном. «И точно так же, как говорят о сосуществовании в философии «линии Демокрита и линии Платона» (прошу прощения за плагиат), эмпирической или рационалистической ориентации философов, имеет смысл, возможно, говорить о научной и литературной линиях в философии. Особенно ярко и резко различия в ориентациях философов на науку или на искусство проявились в последние сто пятьдесят – двести лет. Сейчас эта разница в способах философствования, в стиле изложения философских идей стала столь велика, что представители этих разных стилей философствования не читают работ друг друга и часто неспособны понять их. К этому добавляется еще и то, что как научное, так и в особенности литературное философствование в последнее время часто вырождаются либо в квазинаучную болтовню, либо в псевдолитературное пустословие» [2, с. 5].

Не обсуждая перспективы развития данных стилей философствования, сосредоточимся на вопросе рациональных и эвристических возможностей «литературной философии». Этот вопрос тесно связан с проблемой стандартов современной научной рациональности. Действительно, на основе чего следует ориентировать философские исследования, если сами научные идеалы и стандарты крайне проблематизированы в нынешней ситуации. Более того, сама ситуация, обозначаемая терминами «постмодерна» и «постнеклассики», обычно характеризуется как раз через отрицание прежних познавательных стандартов. Однако впечатление о категорическом переосмотре всего прежнего опыта рациональности возникает лишь при ее сужении до рациональности классической науки.

Излишнее «научообразие» философии в этой связи можно считать поэтому причиной ее сегодняшней критики. Стремясь к классической рационализации она рискует утратить собственную аутентичность, перестав вопрошать о смысле. Поэтому литературные трансформации философского дискурса не должны восприниматься как результат внешних воздействий постсовременной культуры или стремление к ослаблению стандартов интеллектуальной техники. Можно согласиться с точкой зрения А. А. Лежебокова относительно того, что «... через полезность иницируется деятельность социальных субъектов» [1, с.112], подчеркивающей прагматический аспект функционирования философии в современной социокультурной ситуации.

Философы обращаются к новым интеллектуальным техникам именно для того, чтобы ответить на новые культурные вызовы и суметь встроиться в новые конфигурации социальных практик. Как отмечает В. Семенков: «Ныне сформировалась новая сфера потребления философского продукта: сфера приватного в человеческой жизни и это задает новые требования к философ-

скому образованию. Речь идет о том, чтобы философия выполняла не только функцию просвещения, но и функцию адаптации к современной жизни... Можно сказать и иначе: все больше людей испытывают потребность в свободной форме потребления той же идеологии/мифологии. Это дистанцированность от идеологии достигается через формирование навыка речевых практик философского дискурса» [7, с. 114].

Таким образом, современный философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности. Эти различия касаются понимания характера взаимоотношений философа с текстом, предмета и способов познания, содержания и природы полученного знания, а также форм его изложения и последующих интерпретаций. Ослабление строгих канонов рационализации философского дискурса адекватно плюрализации действительности в постмодерновой культуре, для которой симптоматично сосуществование самых различных форм, ценностных ориентаций и смысловых структур.

Литература

1. Лежебоков А. А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – № 4.
2. Никифоров А. Л. Природа философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7).
3. О стиле философствования: академичность и ее альтернативы // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 1.
4. Пржиленский В. И. Российские философы в «лабиринте идентичностей» // Философские науки. – 2009. – № 2.
5. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. – 2003. – № 3.
6. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. – М., 1996.
7. Семенков В. Философия как литература: об институциональных последствиях изменения формата философского дискурса // Res Cogitans. – 2010. – № 7.
8. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. – 2013. – № 6.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 323

Е. В. Галкина, В. В. Еремина

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы современных демократий. Анализируются различные научные подходы к концепциям демократий в современном политологическом дискурсе. Актуальным является рассмотрение авторами новых подходов к концепту демократии, таких как функциональная демократия, концепция демократического участия, электронная де-

мократия, которые в настоящее время все больше привлекают внимание исследователей и политиков.

Ключевые слова: демократия, концепции демократии, демократическое участие, политическая власть, недемократические страны, политический процесс, политические структуры, гражданское общество.

E. V. Galkina, V. V. Eremina

CONTRADICTIONS OF MODERN DEMOCRACY: THE POLITOLOGICAL ASPECT

The article discusses the current problems of modern democracies. The various scientific approaches to the concept of democracy in modern political science discourse are analyzed. The authors examine new approaches to the concept of democracy such as functional democracy, the concept of

democratic participation, e-democracy, which currently attract more attention of researchers and policymakers.

Key words: democracy, the concept of democracy, democratic participation, political power, undemocratic countries, political process, political structures, civil society.

В XX столетии потребности в демократизации общественной жизни и развитие исследовательского аппарата привели к широкомасштабным исследованиям проблематики, связанной с демократией. Это, в свою очередь, привело к значительному развитию теоретических представлений о ней. Важнейшее развитие представлений о современной демократии состоит в том, что при всей разнице взглядов авторов фактически её уже нельзя представить лишь как систему институтов и совокупность однажды установленных процедур. Это столетие ознаменовалось появлением множества концепций демократии, каждая из которых была приемлема и применима.

Так, концепции демократического элитизма (К. Поппер, Й. Шумпетер) [9, с. 14]

выдвигали власть элиты, ограничивая народ лишь перспективой избирательного права. В концепции функциональной демократии (Дж. Коул) главная роль отводилась трудовым коллективам и объединениям. Концепция Дж. Дьюи пропагандировала демократию как личный образ жизни каждого. Минималистские концепции (Дж. Сартори, Г. Алмонд, С. Верба) [17] сводились к идее ограниченного участия граждан в политических процессах в силу их незаинтересованности и «доверие» власти соперничающим меньшинствам. В противовес им концепция демократического участия (П. Бахрах) заключалась в равноправном участии граждан в принятии решений, что позволит развивать и стимулировать демократию. Между ними закрепилась концеп-

ция полиархии Р. Дая о множественности центров власти в обществе [5].

Демократия сталкивается со многими трудностями в своем развитии. Как отметил Р. Даль, демократическая идея не потеряет своей привлекательности для жителей недемократических стран, и когда в этих странах станет возникать современное, динамичное и более плюралистическое общество, авторитарным властям станет тяжелее препятствовать развитию демократических свобод [5, с. 404].

XX столетие также характеризуется усилением роли СМИ в развитии демократической мысли, что легло в основу концепции итальянского политолога Дж. Сартори о манипулировании псевдodemократии, которая впоследствии перешла в течение «демократия против манипулирования». Все эти концепции нашли свое отражение в различных странах с демократическим политическим режимом. Отметим, что в связи с развитием процессов глобализации демократический процесс, а вместе с ним и сама политическая мысль, становятся международными.

Ш. Эйзенштадт, израильский деятель и мыслитель, полагает, что демократия подвержена хрупкости и неустойчивости, что объясняется не обычными причинами, а коренными источниками идеологии и институциональной истории современных политических структур [15, с. 67]. Основанием для таких утверждений становится открытость политического процесса в конституционных демократиях и следующая за этим способность к постоянной переоценке сферы политического. «Эта открытость, – пишет Ш.Н. Эйзенштадт, – главная причина хрупкости современных демократических режимов, но парадокс в том, что она обеспечивает непрерывность их существования» [15, с. 67–68]. Открытость политических систем свидетельствует об их возможности адаптации к изменяющейся действительности, восприятию необходимых перемен, что ведет, по выражению Ш. Эйзенштадта, к формированию представления о политике как об «игре» не с нулевой суммой, когда

выигрыш одной стороны не равнозначен проигрышу другой [16, с. 37].

Еще одним источником угрозы демократии является элита. Как известно, основополагающие ценности демократии, такие как равенство свобод и возможностей, слова и печати, религиозная и национальная терпимость и др., обеспечиваются участием народных масс и расширением их роли в политике. Но в XX веке при нарастающей популярности тоталитарных режимов именно массы оказывались вовлеченными в процесс их развития и расширения их влияния. Так, Т. Дай и Л. Зиглер, рассматривая демократию в США, подвели итог о том, что элиты в большей степени, чем массы, способны поддерживать демократические ценности [4, с. 41].

По мнению Ш. Эйзенштадта, внутри каждой конституционной демократии могут развиваться события, размывающие ее [15, с. 72–73]. Во-первых, существует риск развития бюрократизации ввиду различных сдвигов, которая затем приведет к значительной концентрации власти. А процессы технократизации в политическом процессе способны привести к отчуждению народа от информации, что приведет к политической апатии и отказу от участия в политике.

Во-вторых, масштабные перемены могут привести к нарушению баланса между гражданским обществом и государством, связанного с возникновением новых социальных слоев, претендующие на выражение собственных интересов. В итоге ставится под сомнение эффективность представительных институтов. В таких условиях перестройка гражданского общества практически неизбежно сопровождается конфронтацией между базовыми концепциями демократии – конституциональной и участнической (партиципаторной), – а также в более общем плане между плюралистическими ориентациями, заложенными в программе постмодерна.

Данные процессы могут дать толчок к частичному изменению режима в демократических странах [3, с. 122–123]. Среди важнейших компонентов такого рода

режимных преобразований Ш. Эйзенштадт называет ослабление политических партий и представительных институтов по сравнению с прямыми политическими действиями и непосредственными отношениями различных политических акторов, усиление средств массовой информации и их роли в политическом процессе и повышение значимости исполнительной власти при возможном возрастании полномочий судебной системы [16, с. 37].

Питер Бахрах в своих исследованиях поведения масс в условиях демократии заметил, что в современных условиях социологи и философы отвергают принятую классиками политики лежащую в основе демократии приверженность фундаментальным основам. Это происходит еще и из-за того, что существует теория о том, что «неэлиты» проявляют интерес к политике посредством работы властвующих элит. Опыт, в том числе и исторический, того, что действия народа, как правило, становятся реакцией на действия, позицию элит, также подтверждает ответственность элит за сохранность демократических устоев [10, с. 60–61].

Однако в то же время данная преданность не становится стимулом для элит в соблюдении ценностей. Они способны отказаться от основ демократии в периоды кризиса и прибегнуть к репрессиям, что в сочетании с активной деятельностью элит создает немало угроз демократии. Ответная реакция масс, выливающаяся в шествия, демонстрации, бунты, экстремизм, вынуждает элиты в состоянии страха и опасности ограничивать свободы. Создаются условия, близкие к тоталитарным: вводится цензура в прессе, представители несогласных с политикой элиты подвергаются тюремному заключению, правоохранительные силы укрепляются во благо национальной безопасности и порядка (отметим, что подобные процессы характерны для современных стран с авторитарными политическими режимами – Беларусь, ряд стран Азии и Африки). Элиты убеждены в необходимости подобных шагов, дабы сохранить либеральные демократические ценности. Т. Дай

и Л. Зиглер делают вывод о том, что в попытке сохранить демократию, элиты создают недемократичное общество [4, с. 48–49].

С. Хантингтон рассматривал развитие демократии на примере постсоциалистических стран. По его версии угрозы разделяются на три большие категории: политические, культурные и экономические. Одним из политических препятствий и противоречий он называет недостаток опыта демократического устройства, что выражается в пренебрежении к демократическим ценностям политических лидеров. Культурные препятствия заключаются в разнице мировых исторических традиций и ценностях, воззрениях, благоприятствующих развитию демократии. Антидемократическая культура препятствует развитию демократических норм, институтов и может сильно нарушить или замедлить их построение и функционирование. Главным экономическим препятствием становится бедность. Она же мешает, как правило, распространению демократии [12, с. 338].

Постсоциалистические страны отличаются одновременным введением рыночной экономики и демократических основ. Это вызывает свои трудности, так, например, введение класса предпринимателей не являлось ранее одной из задач демократии. Как показывает демократическая практика в таких странах, именно рынок помогает развитию демократии, а не наоборот. При этом происходит противоречие. С одной стороны, установление рыночной экономики происходит перед установлением демократии, так как ее развитие подразумевает ограничение некоторых демократических основ. Хорошо развитая рыночная экономика приводит к образованию предпосылок для стабильной демократии и содействует ее установлению. Но подобная система может стать успешной при условии легитимности демократии, то есть общество должно желать как рыночной экономики, так и демократии. Чтобы демократическое развитие стало реальностью, граждане должны иметь достаточный запас терпения и оптимизма, так как они вынуждены быстро приспосабливаться к новому по-

ложению и весьма продолжительное время дожидаться позитивных результатов реформ.

Таким образом, в западной демократической мысли XX столетия и в США большое значение стали придавать возможным угрозам, проблемам и недостаткам демократии. Мыслители выделяли различные проблемы, среди которых:

- экономическая нестабильность и социальное расслоение (Ж. Бешлер);
- невыполненные обещания и демократические процедуры (Н. Боббио);
- идеологическая гегемония демократии, переходный период и возникающие при этом дилеммы (К. Шмиттер) [13];
- коренные источники идеологии, институциональная история современных политических структур, открытость политического процесса и элиты (Ш. Эйзенштадт);
- недостаток демократического опыта, бедность и культурные расхождения (С. Хантингтон);
- проблемы электронной демократии (дублирование ею деятельности правительственных органов, неспособность создать реальную обратную связь между правительством и гражданским обществом, проблемы безопасности в информационном обществе) [10, с. 124–125].

Несмотря на данные недостатки и противоречия, для демократии возможно положительное будущее, поскольку подобные дефициты (по Ж. Бешлеру) не будут существовать постоянно. По мнению современных политологов, демократия – это наиболее приемлемая форма государства, альтернативы которой нет [2, с.86 – 87]. Главная задача международного сообщества состоит в укреплении демократии там, где она уже начала распространяться, и поддержка развития либерализма и неолиберализма по всему миру [1, с. 44–45]. Но при этом необходимо помнить о возможной гибели демократии, которая может произойти двумя способами: внезапно – гражданская война, переворот или медленно – постепенная эрозия демократических принципов (Г. О’Доннелл).

Законность, а следовательно, и сила нелиберальных демократий проистекает из того обстоятельства, что они достаточно демократичны. Наибольшая же опасность, которую представляют нелиберальные демократии, напротив, заключается в том, что они дискредитируют саму либеральную демократию, бросая тень на демократическое правление. Ф. Закария считает, что в этом нет ничего необычного. За каждой волной демократии следовал спад, когда система казалась неудовлетворительной, а политические лидеры и различные социальные слои населения искали новые альтернативы. Последним подобным периодом разочарования в межвоенные годы XX столетия в Европе воспользовались демагоги, многие из которых вначале были популярны и даже пользовались поддержкой избирателей. Сегодня в свете неолиберальных тенденций в общественной мысли наиболее полезная роль, которую может сыграть международное сообщество, заключается не в поиске новых земель для демократизации и новых мест для проведения выборов, а в укреплении демократии там, где она пустила корни, и содействии постепенному развитию конституционного либерализма во всем мире. Демократия без конституционного либерализма не просто неудовлетворительна, но и опасна, ибо она несет с собой уничтожение свободы, злоупотребление властью, этнические противоречия и даже войну [6, с. 66].

А пока остается актуальным предупреждение, прозвучавшее от аргентинского политолога Гильермо О’Доннелла, относительно гибели демократии. Исследователь выделяет два вида такой гибели: внезапная и медленная. Внезапная смерть происходит вследствие гражданской войны, государственного переворота или какого-либо еще заметного события, которое сразу же привлекает внимание и указывает на точную дату гибели демократии. Но враги демократии действуют и более тонкими и безопасными методами, позволяющими покончить с ней медленно. Постепенно и незаметно происходит эрозия демократи-

ческих свобод, гарантий и процессов (как это случилось на Украине с февраля 2014 г. в силу разворачивания там гражданской войны). При этом нельзя указать точную дату, когда демократию следует объявить усопшей. Можно лишь заметить задним числом период постепенного удушения, когда при каждом затягивании петли демократические деятели как внутри страны, так и за рубежом, раз за разом упускали шанс дать отпор, поскольку каждый шаг сам по себе не казался достаточно серьезным для полной мобилизации сил. Медленная смерть коварна: насилие и репрессии, сопровождающие ее, могут быть столь же крупными, как и в случае внезапной смерти, но при этом умирающая демократия способна прикрыться претензиями на со-

храняющуюся внутреннюю и международную легитимность, из-за чего оказывается затруднительным предпринять соответствующие и своевременные внутренние и международные меры [8].

Таким образом, противоречия современных демократий заключаются в их относительной слабости перед лицом глобализирующейся действительности, кризисом легитимности в ряде стран и усилением исполнительной ветви власти, потерей доверия или слабостью гражданского общества, замкнутостью элит, формальностью функционирования демократических процедур, относительной замкнутостью политической системы, неспособности её адаптироваться к новым условиям и др.

Литература

1. Галкина Е.В. Демократия и гражданское общество (поиск оптимальных моделей и путей развития) // *Власть*. – 2009. – № 4.
2. Галкина Е.В., Косов Г.В., Паслер О.В. *Гражданское общество в современной России: модели, традиции, тенденции развития: монография.* / под науч. ред. Г.В. Косова. – Ставрополь, 2010.
3. Галкина Е.В. *Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций: монография.* – Ставрополь, 2010.
4. Дай Т., Зиглер Л. *Демократия для элиты. Введение в американскую политику.* – М., 1984.
5. Даль Р. *Демократия и ее критики.* – М., 2003.
6. Захария Ф. *Возникновение нелиберальных демократий* // *Логос*. – 2004. – № 2 (42).
7. Козырева П.М., Смирнов А.И. *Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России* // *Полис*. – 2013. – №5.
8. О’Доннелл Г. *Следует ли слушаться экономистов? [Электронный ресурс].* URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm. (Дата обращения: 24.06.2014).
9. Поппер К. *Открытое общество и его враги.* – М., 1992.
10. Рябцева Е. Е., Казанков А. Х. *Электронное правительство в условиях модернизации современных управленческих решений* // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2014. – № 1.
11. Сытин А. *Демократия в контексте вызовов времени* // *Обозреватель*. – 2012. – № 4.
12. Хантингтон С. *Третья волна. Демократизация в конце XX века.* / пер. с англ. – М., 2003.
13. Шмиттер Ф. *Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии* // *Полис*. – 1996. – № 5.
14. Шумпетер Й. А. *Капитализм, социализм и демократия.* / пер. с англ.; отв. ред. и авт. предисл. В.С. Автономов. – М., 1995.
15. Эйзенштадт Ш.Н. *Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость (I)* // *Полис*. – 2002. – №2.
16. Эйзенштадт Ш.Н. *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций.* – М., 1999.
17. Almond G., Verba S. *The Civil Culture.* – Boston, 1963.

УДК 323.2/.3

А. В. Оноприенко

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются актуальные проблемы модернизационных процессов в политической сфере современного общества. Автор определил признаки модернизации в отдельных сферах общества; выделил агенты модернизации и показал

противоречивость этого процесса в «Западных» и «не-Западных» обществах.

Ключевые слова: модернизация, прогрессивизм, транзитологическая модель, традиции, новации.

A. V. Onoprienko

MODERNIZATION PROCESSES IN THE POLITICAL SPHERE OF MODERN SOCIETY

The article deals with urgent problems of modernization processes in the political sphere of modern society. The author has identified the signs of modernization in some spheres of the society and agents of modern-

ization as well as pointed out the controversial character of this process in the «Western» and «non-Western» societies.

Key words: modernization, progressivism, transit model, traditions, innovations.

В своих идейных истоках теоретики модернизации восходят к идее прогрессивизма, где история, общественно-политический процесс понимались как predetermined объективными социально-экономическими факторами движение от так называемого традиционного общества к обществу переходному, а затем – к современному (модерному).

гражданского общества и всех его основных социальных институтов. Социально-политическим следствием данного обстоятельства выступает становление и укрепление «государства благосостояния или благоденствия», или социального государства.

Можно отметить следующие признаки модернизации в отдельных сферах общества: экономическими характеристиками модернизации выступают преобразование способа производства и укладов хозяйствования в современную равновесную рыночную систему открытого типа с господством в ней частного сектора, сосуществующего с другими секторами: государственным, кооперативным, смешанными капиталами, трудовой акционерной собственности и др.

В сфере культуры и духовной жизни в целом модернизация характеризуется распространением грамотности среди населения, секуляризацией образовательной системы, религиозно-конфессиональной толерантностью, распространением либеральных ценностей, плюрализмом гуманитарных течений в науке, художественном творчестве, искусстве и т.д.; появлением автономной свободной личности.

В социальной сфере модернизация связана с формированием устойчивой равновесной социальной стратификации общества, становлением среднего класса, а также достижением массового потребления, высокого уровня и продолжительности жизни, наконец, появлением и развитием полнокровного

В политической сфере модернизация характеризуется становлением и укреплением национальных суверенных государств, правовых структур государственности, реального разделения основных ветвей власти, политической демократии. Она связана с реальной активизацией политического участия населения, развития многопартийности, становлением и развитием открытых плюралистических политических систем.

Модернизация выступает в виде систематического процесса эпохальных и долгосрочных изменений, захватывающего вслед за индустриально развитыми странами также полупериферию современного мира.

В структуре модернизирующихся обществ существуют особые социальные институты, которые выполняют роль каналов социальной и политической модернизации. Человек традиционной культуры, оказавшись в сфере влияния этих институтов, включается в процесс интенсивной адаптации к условиям и требованиям современного общества. Такими каналами, на наш взгляд, являются:

- система формального образования, которая, в отличие от традиционного образования, ориентирует индивида не на жизнь в локальном семейном, этническом или каком-то подобном коллективе, а на всеобщие для данного сообщества стандарты. Она воспитывает гражданина способного взаимодействовать с институтами современного общества, вырабатывает модернизированный комплекс политических ценностей;
- работа на индустриальных предприятиях современного типа;
- проживание в современном городе.

Главным агентом модернизации, по мнению А. С. Панарина [2], является правящий слой. В рамках теории модернизации неважно, какого он происхождения. Главные критерии эффективности правящего слоя – способность мобилизовать общественные ресурсы для накопления и индустриального рывка.

Таким образом, под модернизацией понимается процесс, предполагающий:

- во-первых, расширение и упорядочивание административно-политических границ, образование национальных или федеративных государств, усиление центральной власти, и в то же время разделение властей;
- во-вторых, способность государства к структурным изменениям в экономике, политике и социальной сфере при сохранении стабильности и сплоченности общества;

- в-третьих, включение широких масс населения в политический процесс;
- в-четвертых, установление политической демократии или хотя бы популистского управления, изменение способов легитимизации власти.

Под политической модернизацией понимается возрастание способности политической системы адаптироваться к новым образцам социальных целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих развитие социальной системы. Этот процесс обусловлен как объективными (социально-экономическими и культурными), так и субъективными (способность политического руководства осуществить более или менее эффективное изменение политической системы) факторами.

Выделим следующие цели политической модернизации: создание новых политических институтов для решения постоянно расширяющегося круга социальных и экономических проблем; изменение политических ориентаций элиты и лидеров на открытую борьбу; формирование рациональной бюрократии.

На наш взгляд, политическая модернизация сталкивается с двумя основными группами противоречий:

- первая группа связана с конфронтацией универсальных стандартов и местных (традиционных) ценностей (универсальные стандарты, по мнению теоретиков политической модернизации, необходимы для экономической эффективности, а традиционные ценности определяют политическую лояльность и национальное единство). Вступление на путь модернизации приводит к росту технократических требований к экономике, технологии и принципам эффективности, ассоциируемым с рациональной общественной политикой. Рациональным силам противостоит фундаменталистская вера в коллективную уникальность национального единства, его чувства общности и соответствующие патризируемые государством каналы для самоидентификации;

- вторая группа связана с противоречивым взаимодействием между процессом дифференциации (специализацией ролей и функций в политической системе), императивами равенства (политическое участие, равенство в требованиях распределения ресурсов) и возможностями политической системы к интеграции (эффективность принимаемых политических и административных решений). Вторая группа противоречий получила название «синдрома модернизации».

Политическая модернизация осуществляется на протяжении длительного периода, в рамках которого общество характеризуется особым качественным состоянием, отличающимся нестабильностью и кризисами. В современных исследованиях выделяется пять основных кризисов: идентичности, легитимности, участия, проникновения, распределения, сопровождающих процесс политической модернизации [3].

Общей причиной этих кризисов является характерное для переходного состояния общества противоречие между новыми универсальными стандартами и старыми традиционными ценностями, сосуществование новых демократических политических институтов с прежними, рост неудовлетворенности населения.

Кризис идентичности связан с проблемой политической и национальной идентификации социального субъекта (индивида, группы, социального слоя). В условиях политической идентификации выделяются три основных типа кризиса идентичности. Первый тип характеризуется требованиями национального или территориального самоопределения, что мы сейчас часто наблюдаем в современной России. Второй тип характеризуется социальной дифференциацией общества, когда резкие социально-классовые различия препятствуют национальному объединению. Модернизация социально-экономической системы общества приводит к качественному изменению социального статуса различных групп населения. Многие прежние группы разрушают-

ся, резко растет численность маргинальных слоев общества. Это приводит к тому, что люди, утрачивая свой прежний социальный статус, не знают, к какому социальному слою они принадлежат, не осознают своих интересов, не имеют четких представлений о новых правилах политической игры. Подобная ситуация наблюдается в настоящее время и в нашей стране. Третий тип характеризуется конфликтом между этнической и гражданской принадлежностью.

Кризис легитимности в своей основе, по мнению С. Липсета, имеет два условия:

- первое – в процессе преобразования социальной структуры не все основные группы получают доступ к сфере принятия политических решений или, во всяком случае, после того, как только они выдвинут свои политические требования;
- второе – статус основных традиционных институтов подвергается угрозе в процессе структурных изменений [1, с. 233].

Кризис участия связан, с одной стороны, с ростом групп интересов, а с другой – с неспособностью политической системы переходного периода интегрировать и удовлетворить их основные требования. В таких случаях политический протест населения может вылиться в различного рода радикальные насильственные действия. Предотвращение и разрешение кризиса участия возможно: всеобщим подавлением политической оппозиции путем насилия; совершенствованием политических институтов и учета ими требований различных групп населения; признание оппозиции не только формальной, но и сотрудничество с ней в процессе принятия важных политических решений.

Кризис распределения возникает при неспособности правительства обеспечить приемлемый для граждан уровень потребления вследствие экономических трудностей, чрезмерно непропорционального распределения доходов, поляризации богатства и бедности.

Кризис проникновения проявляется в неспособности правительства реализовывать принятые решения.

В период социальных трансформаций перечисленные раньше кризисы имеют тенденцию к их комплексному проявлению, что вызывает эффект аккумуляции. Данный эффект резко усиливает дезорганизацию власти, ведет к парализации государственного управления и обострению конфликтов. Все это может привести к политической дестабилизации и смене режима правления.

Современный этап развития политических систем связан с проявлением в жизни не западных обществ все более явных признаков отторжения чуждых ценностей, образа жизни, стандартов потребления и поведения. Кроме этого, появилось множество подтверждений тому, что демократизацию нельзя рассматривать как необходимое условие экономического роста. На первый план выступает проблема политической стабильности, без решения которой трудно рассчитывать на социально-экономический прогресс. Национальная политика в модернизирующихся не западных обществах сосредоточена главным образом в крупных городах, в которых (и прежде всего в столицах) формируются своеобразные элитарные сообщества. Между городскими и сельскими сообществами существует большой разрыв в уровне жизни, что вызывает широкомасштабную миграцию сельских жителей в города, превышающую возможность их трудоустройства. В городах формируются большие социальные группы, ориентирующиеся на политическую культуру протеста. Процесс коммерциализации и индустриализации не способствует социальной интеграции или появлению политически значимого среднего класса. Измененная процессом модернизации социальная структура, тем не менее, не обеспечивает социальной и политической интеграции в обществе. Все эти следствия процесса модернизации связаны со следующими условиями:

- разные страны, сталкиваясь с вызовами модернизации, располагают неодинаковыми объемами ресурсов, доступных для модернизации и институционального строительства;
- разнообразный фон исторических традиций;

- многообразие стартовых условий, связанных с социально-экономической структурой;
- разнообразные формы воздействия сил современности на то или иное традиционное общество, поливариантная структура ситуации перемен, в которой они захвачены;
- существование организационных и культурных различий между национальными элитами, что определяет неодинаковое восприятие ими возможностей выбора в данной исторической ситуации, и различия в способности усвоить содержание, социокультурный смысл ситуации выбора.

Выделим следующие структурные компоненты традиционных обществ, накладывающие наиболее значительный отпечаток на характер политической модернизации:

- в политической сфере – природа выдвигания и принятия социальных инноваций, а также характер центров принятия политических решений; тип отношений между центром и периферией; приверженность элит тому или иному типу активности центра; тип правительственной политики; некоторые аспекты политической борьбы и политической организации;
- в сфере стратификации особое значение имеют следующие структурные элементы: атрибуты, утверждающие основу общественной оценки различных социальных групп и их иерархии; степень автономности отдельных социальных групп в структуре общественного взаимодействия от того, насколько доступными для них оказываются центры распределения политической власти и иных форм влияния в обществе; степень общественного взаимодействия относительно близких социальных групп.

Процесс модернизации может осуществляться различными способами с использованием различных механизмов. Выделим универсальные составляющие политической модернизации: создание дифференцированной политической структуры с

высокой специализацией политических ролей и институтов; создание современного государства, обладающего суверенитетом; усиление роли государства, расширение сферы действия и усиление роли закона, связывающего государство и граждан (лиц с гражданскими и политическими правами), расширение включенности в политическую жизнь социальных групп и индивидов; возникновение и увеличение рациональной политической бюрократии, превращение рациональной деперсонифицированной бюрократической организации в доминирующую систему управления и контроля, ослабление традиционных элит и их легитимности, усиление модернизаторских элит.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на современную критику те-

ории модернизации и транзитологических моделей, сценарий модернити является основным вектором мирового политического развития. Выработанная логика транзитологических моделей может быть применима к любому переходному обществу с одной оговоркой, что процесс демократизации есть ситуация неопределенности, в которой необходимо учитывать разные по силе воздействия факторы: цивилизационные особенности, экономическое состояние и т. д. Следовательно, говоря о политическом транзите, можно точно быть уверенным в примерно одинаковых условиях старта (тоталитаризм, авторитаризм), но конечная точка разворачивания событий для исследователя остается неопределенной.

Литература

1. *Основы политологии / под ред. В. П. Пугачева. – М., 1992.*
2. *Панарин А. С. Философия политики. – М., 1996.*
3. *Политология / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2003.*

РЕЦЕНЗИИ

С. А. Романенко

СУДЬБА ПОЛИТИКА, СУДЬБА ГОСУДАРСТВА, СУДЬБА РЕГИОНА

Размышления о книге: О. Яси «Распад Габсбургской монархии». (Пер. с англ. О. А. Якименко. Научная редакция, коммен-

тарии и послесловие А. Г. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2011).

S. A. Romanenko

THE FATE OF THE POLITICIAN, THE FATE OF THE STATE, THE FATE OF THE REGION

Reflections on the book: Yasi O. "The collapse of the Habsburg Monarchy". Translated from English by O. A. Yakimenko. Scientific

editing, comments and afterword by A.G. Ira-petov. – M: Tree kvadrata, 2011.

В 1929 г. в далеком от Средней Европы крупнейшем городе американского Среднего запада – Чикаго увидело свет исследование под названием «Распад Габсбургской монархии». Ее автором был в недавнем прошлом венгерский политик, публицист и политический аналитик леволиберального направления Оскар Яси. «Распад» не был его единственным произведением. Вот лишь некоторые из названий его многочисленных книг: «Философия государства и исторический материализм» (1903) «Навстречу новой Венгрии. Беседы о социализме» (1907), «Образование национальных государств и национальный вопрос» (1912), «Будущее монархии» (1918), «Предлагаемый путь к миру» (1932).

Но признание в историографии ему принес именно «Распад». В США книга выдержала пять изданий и стала одним из самых ярких и глубоких сочинений, составляющих фундамент мировой историографии Австро-Венгрии в XX веке. Исследование Яси не утратило своей научной значимости до сих пор. Оно и сейчас вдохновляет исследователей монархии Габсбургов, в особенности тех из них, кто считает, что

это государство неизбежно должно было прекратить свое существование.

Распад Монархии непосредственно отразился на человеческой и политической судьбе автора. Из известного венгерского политика и мыслителя последнего периода существования двуединой империи, в начале 1920-х годов он на несколько лет превратился в безвестного эмигранта. Не приняв ни Венгерскую Советскую республику в 1919 г., ни установленный в 1920 г. авторитарно-националистический режим адмирала Миклоша Хорти, он в 1925 г. окончательно переселился в США. Созданная после Второй мировой войны Советским Союзом и венгерскими коммунистами Венгерская Народная Республика также была ему чужда. Как и предчувствовал сам Яси в 1929 г., свой жизненный путь он закончил в США. Он умер в 1957 г., и только более двадцати пяти лет спустя, в 1983 г., его книга увидела свет в Будапеште. На русский язык она была переведена и опубликована только в 2011 г. благодаря инициативе и усилиям известных российских унгаристов А. С. Стыкалина и А. Г. Айрапетова, отредактировавшего и откомментировавшего этот сложный

текст. Нельзя не заметить, что «Распад» в английском варианте все же был известен узкому кругу специалистов по Средней Европе и политикам, стремящимся проанализировать судьбу империй и события последней четверти XX века [21, с. 43].

Для отечественной исторической науки введение в широкий научный оборот издания книги Яси имеет особую важность. Большое внимание советского, а затем и российского исторического и политического сознания по традиции привлекали и привлекают Великобритания, Франция, Германия, США. В то же время наши непосредственные соседи – жители Средней Европы (большую ее часть и занимала монархия Габсбургов), со многими из которых жителей России связывали и связывают «общность судьбы» и «братство по разуму», увы, вызывают куда меньший интерес. Это относится и к Австрийской (с 1867 г. – Австро-Венгерской) империи, государству, которому на протяжении нескольких веков довелось быть в отношениях с Российской империей: и союзником, и жалким просителем, и врагом на поле брани. Кроме того, Россия и Австро-Венгрия при всех своих различиях были схожими по сути и судьбе многонациональными континентальными монархическими империями, прекратившими свое существование в 1917–1918 гг. в результате затеянной не в последнюю очередь ими самими войны, которая оказалась Первой мировой. Значение исторического опыта Австро-Венгрии все же постепенно осознается в современной России, о чем свидетельствует активная исследовательская и публикаторская деятельность отечественных ученых [12; 13; 20; 28; 29; 30; 32; 36; 41; 42; 45; 46; 49; 55; 56; 58; 59; 24; 37; 60].

Книга Яси изначально была новаторской даже по отношению к историографии конца 20-х гг. XX века. Чикагский университет попросил ученого «описать процессы дезинтеграции Габсбургской монархии через призму массовой психологии и провала попыток консолидации» [62, с. 9]. Сама по себе подобная задача была поставлена впервые. Однако методология исследо-

вания не ограничивается исключительно описанием. «Распад» не относится к упрощенным нарративам. Яси использовал и историко-политический и экономический анализ, историческую компаративистику, элементы политологии и социологии, а также исторической психологии. Сам он описал свой метод следующим образом: «В своей работе я стремился прояснить не теории, но социальную действительность» [62, с. 10]. И с излишней скромностью добавил: «Мои основные выводы и принципы полностью согласуются с тем, что писали и говорили лучшие умы Монархии, – та же самая проблема волновала их на протяжении трех поколений. Я лишь произвел органический синтез, пролив свет на усилия и мнения тех, кого считаю самыми проницательными свидетелями драмы Габсбургов. Я претендую на оригинальность лишь в отношении двух пунктов моего исследования. Первый – это анализ экономических сил, способствовавших распаду Монархии. Второй – описание состояния массовой психологии в Венгрии» [62, с. 11]. Однако самым важным результатом исследования Яси стало новое знание, но отнюдь не только «синтез» и «систематизация» трудов предшественников.

Хронологические рамки книги гораздо шире, чем последний период существования империи Габсбургов. Яси стремился показать логику развития этого государства в течение нескольких веков его существования [62, с. 49–166].

При написании своего труда Яси использовал публицистические произведения и политико-аналитические работы не только своих соотечественников. С большим уважением он отзывается о вкладе своих зарубежных коллег и современников – англичан Г.У. Стида и Р.У. Сетон-Уотсона, француза Л. Айзенмана [10; 11; 6; 7; 9; 2; 8; 47]. Упоминает он работы российского историка и журналиста, почетного доктора философии Пражского университета М. П. Погодина [62, с. 24], оценка которым положения Австро-Венгрии во многом совпадала с оценками Адама Мицкевича, Джузеппе Мадзини, Чарльза Силсфилда (Карла Анто-

на Постля), Шарля Монталамбера, Иштвана Сечени и других. Несмотря на различия личных судеб и взглядов, все эти люди сходились в одном: «силы истории неумолимо влекли монархию к катастрофе» [62, с. 29; с. 13–14; с. 22–28]. В то же время Яси, по-видимому, осталась неизвестной российской исторической и политико-аналитическая литература, посвященная Австро-Венгрии [17; 18; 40; 54; 39]. Во всяком случае, ссылки на нее отсутствуют.

Венгерский ученый и политик особо выделял «известные труды двух лидеров австрийского социализма – доктора Карла Реннера и доктора Отто Бауэра, сумевших силой революционной идеологии нового класса внести «свежую струю в застоявшиеся воды австрийской политической жизни» [62, с.14;15;23;48]. Австромарксисты подвергались резкой и не всегда обоснованной критике В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Л. Д. Троцким [33;50;53]. Впоследствии эта негативная политико-пропагандистская оценка была официально закреплена в советской философии, истории, этнологии, правоведении на долгие годы. Лишь в последние десятилетия началась работа по изучению и переосмыслению их наследия, связанного с отказом от политико-идеологических догм и клише [38; 57, с. 70–80; 44, с. 37–97].

Что касается отношения Яси к марксизму, то оно у него было весьма критическим. Связано это было с тем, что, по его мнению, «национальные устремления всегда были покрыты налетом мистики и религии, и великие теоретики национализма – [Иоганн Готфрид] Гердер, [Иоганн Готлиб] Фихте и [Джузеппе] Мадзини – прекрасно осознавали созидательную мощь подобных устремлений. Именно поэтому они сумели проникнуть в суть национального движения и предсказать его возможные последствия лучше, чем такие мыслители, как, например, [Карл] Маркс и [Фридрих] Энгельс, видевшие лишь политическую и экономическую сторону проблемы» [62, с. 271].

Яси уже тогда полемизировал с достаточно популярной версией распада многонациональных государств, согласно которой

он якобы является результатом исключительно внешнего вмешательства (это относится не только к Габсбургской монархии, но и к Российской империи, а впоследствии – к СССР и Югославии). Он писал: «Распад Габсбургской монархии как органический процесс отвергает точку зрения, что распад монархии не был результатом действия внутренних сил» [62, с. 20].

По мнению Яси, распад Габсбургской монархии «не был механическим, случайным происшествием. Окончательный кризис и развал империи убеждают в этом даже тех, кто не верит в существование глубокой причинно-следственной связи между общественными явлениями. Прежде всего, обращает на себя внимание поразительный факт: мировая война и покушение в Сараево, ставшее непосредственной причиной ее начала, находятся в теснейшей связи с внешней политикой Габсбургской монархии, которую, в свою очередь, определяла социальная и национальная структура империи» [62, с. 29].

В то же время, по его мнению, «процесс распада Габсбургской монархии и возникновения на ее руинах новых национальных государств по сути своей не был чем-то изолированным и неповторимым. Он был аналогичен тому, что происходило во многих других европейских государствах, когда народы, заявлявшие права на общий язык и культуру, выделялись в отдельные государства» [62, с. 21]. С другой стороны, он не мог не задаться вопросом: «Почему у Габсбургов (у династии и монархии, не у общества! – С. Р.) не получилось то, что с успехом осуществили государства Западной Европы? Почему они не сумели построить политическое объединение на фундаменте полного языкового и национального единства?» [62, с. 51]. По мнению венгерского ученого, существовавшие отличия Габсбургской монархии от Западной Европы предопределили ее историческую неудачу и распад. Эти отличия состояли в следующем: «Этнографическая база в Австрии была куда более смешанной; большая географическая разобщенность и глу-

бокие культурные противоречия разделяли расы, нации, вероисповедания; территория государства намного позднее стала закрытой общностью; на протяжении более двух сотен лет турецкого ига значительная часть Монархии находилась под влиянием чужого культурного и политического устройства; вышеперечисленные причины примерно на двести лет задержали развитие Монархии; в империи Габсбургов политическое и экономическое объединение происходило на этапе, когда национализм уже превратился в сознательную силу. Монархия не смогла стать отечеством для народов, проживающих на ее территории» [33; 25; 26; 52].

Описывая соотношение центростремительных и центробежных тенденций, Яси выделил «восемь столпов межнационального устройства государства, т.е. центростремительных факторов – династия, армия, аристократия, римско-католическая церковь, административно-бюрократическое устройство, капитализм и еврейство, социалистическое движение, и, наконец, систему свободной торговли, которая могла бы стать «мощнейшим центростремительным фактором» [62, с. 167–267]. Под центростремительными силами Яси понимал «силы, обусловленные исторически сложившейся структурой, общественным весом или промежуточными целями, сознательно или неосознанно действовавшие в направлении сохранения Монархии». К центробежным же он отнес силы, «которые более или менее сознательно стремились к ослаблению или ликвидации имперских связей» [62, с. 169]. Заметим, однако, что стремление к ослаблению имперских связей может выполнять вполне центростремительную функцию для сохранения целостности постимперского государства. Однако, Яси сумел разглядеть парадоксальный, на первый взгляд феномен: по мере того, с ходом истории как изменялась ситуация, эти оставшиеся нероформированными институты, превращались из факторов центростремительных в факторы центробежные или, по меньшей мере, способствовали усилению последних – «силы, направленные консер-

вацию общества, оказывают впоследствии революционное воздействие, а революционно настроенные слои превращаются в фактор сохранения и консервации» [62].

К числу же центробежных факторов Яси относил сохранение феодального духа и феодальной структуры экономики и политики вплоть до Первой мировой войны, борьбу австрийской и венгерской корон, движение в сторону равноправия наций в Австрии и стремление к созданию единого национального государства в Венгрии, фундаментальное противоречие между австрийской и венгерской общественно-политическими системами, использование национальными движениями исторического государственного права, национальное пробуждение и национализм, выразившийся в формах сепаратизма (или ирредентизма) [62, с. 341–474]. Любопытно, что автор не использовал понятие «национальное самоопределение», а проявление этнонационального самосознания рассматривал как имманентно и исключительно центробежный фактор в развитии Монархии. Вместе с тем, на наш взгляд, именно национальные движения, видевшие в монархии гарантию существования и самоопределения своих народов, и являлись важнейшим центростремительным фактором вплоть до конца 1916 – начала 1917 г. Однако этносоциальные интеграционные процессы практически отсутствовали. Сам период дуализма Яси назвал «эпохой псевдоконституционализма» [62, с. 136]. В оценке политики Вены он соглашается с одним из современников – Адольфом Фишхофом, который еще в 1869 г. сформулировал аксиому: «...централизация лишь усиливает центробежные силы, действующие между нациями; стоит провести децентрализацию, и начнут действовать центростремительные силы» [62, с. 143]. Говоря о роли для судеб Монархии ее внешней политики, Яси отмечал последствия оккупации (1878) и аннексии (1908) Боснии и Герцеговины, «после чего дуалистическая монархия стала для югославянских народов самым ненавистным врагом» [62, с. 148]. Это произошло как в результате самой ан-

нексии, так и в результате отказа Вены и Будапешта создать в Монархии третье – южнославянское – образование.

Яси назвал три причины, подорвавшие единство Монархии как старого патримониального государства. На первое место он поставил «рост национального сознания у различных наций, которые не смогли найти возможности для истинной консолидации и адекватного самовыражения в условиях неповоротливой абсолютистской структуры» [62, с. 566]. Яси сформулировал свой вывод и более резко и однозначно: «Габсбургская монархия «срезалась» на национальном вопросе, так и не сумев его решить. Все центробежные факторы носили национальный характер, или, по крайней мере, прикрывались национальным компонентом» [62, с. 271]. Во-вторых, это «экономическое и социальное давление со стороны господствующего феодального класса, взаимодействовавшего с ростовщическим капитализмом, не позволяло развиваться производительным силам различных наций» [62, с.566]. Третьей причиной он считал «отсутствие сколько-нибудь серьезного гражданского воспитания» [62, с. 566].

На фоне этих постоянных, по мнению Яси, факторов, в начале XX в. возникли и новые, дополнительные: «Постоянное укрепление различных наций, которые все отчетливее осознавали, что все их надежды на переустройство Габсбургской империи и обретение относительной национальной независимости тщетны» (Однако возникает вопрос, когда это произошло – до Первой мировой войны или на ее завершающем этапе – С. Р.); «ирредентистская пропаганда окружающих монархию стран», «дезинтегрирующее влияние первой мировой войны, которая разожгла угли латентной ненависти наций» [62, с. 567].

Яси не смог преодолеть двойственности в отношении к судьбе Монархии. С одной стороны, как до ее распада, так и после него он верил в возможность сохранения целостности этого государства в случае проведения глубоких и последовательных реформ. С другой стороны, в тексте явственно

ощущается несколько фаталистическое отношение к неизбежности распада, которое перекликается с высказанными примерно в те же годы позициями его современников – австрийского ученого и политика, социал-демократа Отто Бауэра (1923 г.), чешского социолога, философа и первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика и хорватского писателя, левого республиканца, близкого к КПЮ Мирослава Крлежи (1926 г.) [1; 4; 3; 14; 34; 31].

Однако с высоты нашего сегодняшнего знания, понимания и опыта, часто трагического, мы можем поставить вопрос: а возможно ли, с одной стороны, побороть «силы истории», и с другой – «решить» национальный вопрос? Исторический процесс состоит из изменения миграций народов, изменения государственных границ, миграций народов и смен политических режимов. А национальное самоопределение – один из основных этнополитических процессов в Новое и Новейшее время. И ни империя, ни федерация, ни централизованное национальное государство с системой автономий, ни феодальное, ни буржуазное, ни коммунистическое, ни постиндустриальное общества, ни застой, ни динамичная модернизация не могут окончательно ликвидировать межэтнические противоречия. И каким бы ни был политический режим в многонациональной монархии или республике, борьба центробежных и центробежных тенденций присутствует в государстве постоянно, будь то в латентной и смягченной, будь то в открытой и остроконфликтной формах. Каждому этносу, социуму и государству в конкретных исторических условиях было и будет суждено решать свою судьбу.

Книга Яси, помимо всего прочего – это книга-преодоление самого себя и изменяющегося времени. Прежде всего, он стремился «преодолеть национальную ограниченность», свойственную многим его соплеменникам и соотечественникам – подданным австрийских императоров и венгерских королей – Франца Иосифа и Карла I (IV), жителям двуединой монархии независимо от национальной принадлеж-

ности. «Для меня на данный момент не существует отдельной, изолированной венгерской проблемы; сохраняя преданность своему народу, я равным образом сочувствую всем страдающим народам Дунайского бассейна», – писал он в предисловии [62, с. 10]. Это было для него не только предпосылкой для выполнения поставленной исследовательской задачи, но и целью всей его жизни, нравственным смыслом его политической деятельности.

В мировой литературе встречаются исследования, авторы которых в их историко-аналитической работе вдохновляются личными воспоминаниями. По своему характеру и жанру эти работы – книга Яси, как и вышеупомянутые книги О. Бауэра и М. Крлежи относятся к их числу – являются одновременно и историческим источником и историографическим произведением. С точки зрения историографии это является одновременно и достоинством, и недостатком этих произведений. Достоинством – потому что позволяет читателю почувствовать дух и эмоциональный настрой описываемой автором эпохи и его личность; недостатком – потому что, несмотря на свое зачастую искреннее субъективное стремление к максимальной объективности помимо воли автора сказываются его симпатии и антипатии. Хотя при чтении ощущается, что концепция зачастую довлеет над текстом, Яси не стал ее рабом и уж тем более не «подгонял» данные под аналитическую схему и известный к моменту написания исторический результат.

«Распад» ни в коей мере не был попыткой потерпевшего поражение политика задним числом оправдаться в глазах современников и потомков, на бумаге выиграть битву у своих оппонентов. Для Яси эта книга была логическим продолжением его предшествующей политической и научной деятельности. «Я сознательно и активно прожил последнюю четверть века существования дуалистической монархии и предвидел трудности и опасности, ей угрожающие, пытаюсь в условиях безразличия и враждебности убедить своих соотечественников, что без глубо-

ких и систематических реформ все здание империи обрушится». Еще в 1912 г. «я написал исследование с целью поставить диагноз и предложить лекарство («Образование национальных государств и национальный вопрос» – С. Р.). Настоящий том в известном смысле является продолжением моей предыдущей книги: здесь я показываю, как события последнего десятилетия Монархии стали логическим следствием глубоких социальных и экономических процессов, проанализированных ранее» [62, с. 9].

В спорах между двумя существующими в историографии концепциями судьбы династии, монархии и империи точка никогда не будет поставлена. Исторически вопрос был окончательно решен в конкретной ситуации 1918 г., когда в Австро-Венгрии произошли несколько национальных революций, навсегда разрушивших единое государство, просуществовавшее несколько веков. Однако дискуссии исследователей, опирающихся на корпус источников, число и качество которых вряд ли в будущем претерпят существенные изменения, будут продолжаться и дальше, питая историческую и политологическую мысль в духе «альтернативной истории».

Яси назвал свою книгу «искренней попыткой пролить свет на проблему, которая по-прежнему серьезно влияет на будущее Европы и всего человечества» [62, с. 11]; он осознавал роль прошлого в формировании будущего. Некоторые его предвидения актуальны до сих пор. Упомянем хотя бы то обстоятельство, что в конце 80-х годов национальные движения хорватов и словенцев именно в принадлежности этих народов к Австро-Венгрии и к средневропейскому региону видели обоснование своих требований, направленных на выход из состава социалистической федерации – Югославии [43].

Все три этнотерриториальные социалистические федерации наследники империй – СССР, Югославия и Чехословакия прекратили свое существование в один и тот же исторический момент – в 1991–1993 гг. в результате социальных и национальных революций. Причем распад югославской

федерации сопровождался ожесточенным этнополитическим и военным конфликтом между входившим в нее народами.

Применительно к судьбе Югославии, да и не только ее, пророческим оказался еще один тезис, сформулированный Яси. Люди «склонны фальсифицировать историю с целью оправдать преступления прошлого и извлечь из тяжелой, неблагоприятной ситуации мимолетную выгоду. Подобное поведение свойственно и народам-победителям, и поверженным нациям, – писал он. – Фальсификация истории всегда ведет к озлоблению и открывает возможности для вооруженных конфликтов» [62, с. 10]. Преодоление фальсификаций и противостояние политическим манипуляциям массовым историческим сознанием является актуальной задачей современных историографий Европы, в том числе и в постсоциалистических странах средней Европы, работающих над формированием не только новых национальных, но и общеевропейского нарративов, призванных если не полностью преодолеть – что было бы равносильно попыткам «окончательно решить» национальный вопрос, – то существенно видоизменить суть, содержание и роль узко национальных и социальных стереотипов, предрассудков, мифов и схем [22, с. 55–73; 35, с. 78–85; с. 96–106; с. 138–145], унаследованных наукой и массовым сознанием из предыдущих столетий.

Точность долгосрочного предвидения Яси возможного развития в Европе иногда поражает. «К сожалению, – продолжает он, – общественное мнение Запада не понимает в достаточной степени новую расстановку сил. Многие полагают, будто исключительного правового пацифизма и мирной гуманитарной пропаганды будет достаточно, чтобы унять высокомерие победителей и жажду мести побежденных» [62, с. 569; с. 570]. Эти слова звучат столь точно, будто написаны в 90-е годы XX – первое десятилетие XXI века.

Исследование-размышление О. Яси, несмотря на многолетнюю оторванность автора от родины, важно рассмотреть и в контексте осмысления венгерскими учены-

ми, мыслителями и публицистами прошлого Венгрии в связи с развитием и судьбой не только самих венгров и государства Габсбургов, но и региона средней Европы и Европы в целом Намеченную Яси линию, несмотря на неизбежные различия в методологии и оценках продолжили Л. Фюлеп («Национальная самодостаточность», 1934), М. Бабиц («О венгерском характере», 1939), Д. Секфю («Духовная общность дунайского края», 1940), И. Бибо («О бедности и убожестве малых восточноевропейских государств», 1946), Е. Сюч («Три исторических региона Европы» [16; 19; 27; 51, с. 147–265].

Не подлежит никакому сомнению, что «Распад Габсбургской монархии» О. Яси в России сразу же станет бестселлером в среде профессионалов, а то и библиографической редкостью. Эта книга необходима всем, кто интересуется прошлым Средней Европы, судьбой империй и межнациональными отношениями.

Книга О. Яси на русском языке представляет собой пример подхода к изданию подобных, сложных для восприятия современным читателем, произведений. Одна из сложнейших задач переводчика О. А. Якименко и научного редактора А. Г. Айрапетова состояла не только в том, чтобы перевести текст с английского языка на русский, но и в том, что добиться адекватного перевода текста с языка начала XX века на язык начала XXI. Иными словами, им надо было учесть хронологические, а зачастую и сущностные отличия как отдельных понятий, так и понятийного ряда, обусловленные особенностями развития общественного сознания и социальных наук в СССР, России, Австро-Венгрии и США. И с этой задачей они успешно справились. К этому необходимо добавить и обстоятельные комментарии и носящее концептуально-историографический характер послесловие А. Г. Айрапетова, без которых невозможно понять текст, подтекст и контекст исследования Оскара Яси. Прочтя эту книгу, специалисты с благодарностью оценят подвижничество и нелегкий, блестяще выполненный труд переводчика, редактора и комментатора.

Литература

1. Bauer O. Die Österreichische Revolution. – Wien, 1923.
2. Eisenmann L. Le compromis austro-hongrois de 1867 – Paris 1904.
3. Krleža M. Izlet u Rusiju. – Zagreb, 1926.
4. Masaryk T.G. Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918. – Praha, 1925.
5. Seton-Watson R.W. Racial Problems in Hungary. – 1908.
6. Seton-Watson R.W. Sarajevo: A Study In The Origin Of The Great War 1926. – London, 1926.
7. Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question. – 1911.
8. Seton-Watson R.W. Jugoslaveni. Korespondencija 1906–1941. I–II. – Zagreb – London, 1976.
9. Seton-Watson R.W. The Rise of Nationality in the Balkans. – London, 1917.
10. Steed H.W. A Short History of Austria-Hungary and Poland. – London, 1914.
11. Steed H.W. The Habsburg Monarchy. – London, 1913.
12. Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы с XI до начала XX века. Памяти В.И. Фрейдзона. – СПб., 2011.
13. Айрапетов А.Г. Венгерские рабочие на рубеже XIX–XX вв.: исследование социокультурного развития. – М., 1997
14. Бауэр О. Австрийская революция 1918 / пер. с нем. А. и Г. Хавиных с предисловием Ф. Ротштейна. – М.; Л., 1925.
15. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1909.
16. Бибо И.О смысле европейского развития и другие работы / пер с венг. – М., 2004.
17. Борецкий-Бергфельд Н. История Венгрии в Средние Века и Новое Время. – СПб., 1908.
18. Василевский Л.М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальный вопрос / Под ред. проф. И. И. Иванюкова. – СПб., 1906.
19. Венгры и Европа: сборник эссе / пер. с венг. – М., 2002.
20. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Памяти В.П. Шушарина. – М., 2004.
21. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006.
22. Гросс М. Основные тенденции развития западной историографии последней четверти XX – начале XXI столетия – пер. с хорв. // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В. И. Фрейдзона / отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин / Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. – СПб., 2011.
23. Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партийтаге / пер. с нем. – Киев; Петербург, 1906.
24. Джонстон У. М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии. 1848–1938 гг. / пер. с англ. – М., 2004.
25. Зиновьев Г. Австрия и мировая война. – Пг., 1918.
26. Зиновьев Г. Тройственный союз и Тройственное согласие. – Пг., 1917.
27. Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XX – начало XX века / пер с венг. – М., 1984.
28. Искусство многонациональной империи / отв. ред. Н. М. Вагапова, Е. К. Виноградова. – СПб., 2005.
29. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / пер. с англ.; науч. редактор А. С. Стыкалин. – М., 2002.
30. Кретинин С.В. Карл Реннер: жизнь и деятельность (1870–1950) // Новая и новейшая история – 1999 – № 5.
31. Крлежа М. Поездка в Россию. 1925 / пер. с хорв. Н.М. Вагаповой; комментарий и послесловие С. А. Романенко. – М., 2005.
32. Крючков И.В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX вв. – Ставрополь, 2001.
33. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 25.
34. Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания / Авторизированный перевод с чешского Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. Т. 1–2. – Прага, 1926–1927.
35. Милосавлевич О. «1918 год» – «освободители» и «побежденные» (методологические предпосылки изучения истории национальных стереотипов) / пер. с сербск. // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4–5.

36. Миронов В.В. Образ России и русских в представлениях австрийских фронтовиков периода Первой мировой войны // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Вып. 1. – М.; Ставрополь, 2004.
37. Нири К. *Философская мысль в Австро-Венгрии*. / пер. с венг. – М., 1987.
38. Нюркаева А.З. *Балканы во взглядах Л.Д. Троцкого*. – Пермь, 1994.
39. Погодин А.Л. *Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года*. – М., 1915.
40. *Политический строй современных государств*. Т. I–II. – СПб., 1905.
41. Полтавский М. А. *История Австрии*. Ч. 1–2. – М., 1992.
42. Пурахина И.И. Карл Реннер о реформировании государственного устройства империи Габсбургов во второй половине XIX в. // *Вестник Тамбовского университета – Выпуск 6(98)*, – 2011. Серия: Гуманитарные науки.
43. Романенко С.А. *История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980–1990-е гг.)* // *Национализм в мировой истории*. – М., 2007.
44. Романенко С.А. *Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г.* – М., 2011.
45. Романенко С.А. *СССР и Югославия между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». От начала XX в. до 1991 г.* – М., 2011.
46. *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Вып. 1–3. – М.; Ставрополь, 2004 – 2007.
47. Сетон-Ватсон Р. В. *Балканы, Италия и Адриатическое море* / предисл. автора; пер. с английского. – Одесса, 1917.
48. Синоптикус (Реннер К.). *Государство и нация*. – СПб, 1906.
49. *Средняя Европа. Проблема международных и межнациональных отношений. XII –XX вв. Памяти Т. М. Исламова*. – СПб, 2009.
50. Сталин И.В. *Марксизм и национальный вопрос* // Сталин И.В. *Сочинения*. Т.2.
51. Сюч Е. *Три исторических региона Европы* / пер. с англ. // *Центральная Европа как исторический регион*. – М., 1996.
52. Троцкий Л. *Сочинения*. Т. IX. – М.; Л., 1927.
53. Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. – М., 2001.
54. *Формы национального движения в современных государствах*. – СПб, 1910;
55. Хаванова О.В. *Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года*. – М., 2000.
56. *Художественная культура Австро-Венгрии. 1867–1918* / редкол.: Н. М. Вагапова, В. Н. Егорова, Л. И. Тананаева. – СПб., 2009.
57. Чуркина И.В. *Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты* // *Вопросы истории* – 1991 – № 4–5.
58. Шарый А., Шимов Я. *Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии. Судьба империи*. – М., 2010.
59. Шимов Я. *Австро-Венгерская империя*. – М., 2003.
60. Шорске К.Э. *Вена на рубеже веков. Политика и культура* / пер. с англ. – СПб., 2001.
61. Шпрингер Р. (Реннер К.) *Национальная проблема. Борьба национальностей в Австрии*. СПб., 1909; второе издание – М., 2010.
62. Яси О. *Распад Габсбургской монархии* / пер. с англ. О. А. Якименко; науч. ред., коммент. и послесл. А. Г. Айрапетова. – М., 2011.

Хаванова О. В.

ВЕРМЕШ Г. В ВИХРЕ КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН. ВЕНГРИЯ МЕЖДУ 1711 и 1848 гг.

Havanova O. V.

VERMES G. IN MAELSTROM OF CULTURAL CHANGES. HUNGARY BETWEEN 1711 AND 1848.

Американский историк венгерского происхождения Габор Вермеш (он эмигрировал после революции 1956 г.) прежде всего известен как автор блестящего биографического исследования о венгерском премьер-министре Иштване Тисе (1861–1918). Книга, вышедшая в 1985 г. на английском языке в США, была переведена на венгерский и выдержала на родине автора два издания. В начале 90-х годов прошлого века внимание ученого привлек к себе более ранний полуторазековой период между заключением Сатмарского мира (1711 г.), ознаменовавшего прекращение вооруженной борьбы венгров против Габсбургов, и революцией 1848 г., когда непримиримые противоречия между страной и династией вновь вылились в кровопролитный конфликт. Как и первая монография Вермеша, новая книга была изначально написана на английском и затем переведена на венгерский язык Ю. Зиннер под общей научной редакцией знатока эпохи И. Шооша. Издание в 2011 г. венгерского перевода существенно опередило подготовку к печати английского оригинала, выход в свет которого планируется в недалеком будущем.

Венгерский или искушенный в венгерской истории читатель найдет в книге много сведений общего характера, хорошо известных специалистам. Однако живой язык, тщательно и бережно отобранные цитаты из источников делают изложение многих хрестоматийных сюжетов занимательным. Вермеш может служить примером того, как ученый, живущий за тысячи миль от изучаемой страны и не имеющий возможности неспешно и кропотливо трудиться в национальных архивах, способен во всей полноте

использовать опубликованные источники, старую и новую историографию. В списке литературы в конце тома нашлось место для протоколов и дневников государственных собраний, памфлетов и публицистики, путевых заметок и прессы.

Несомненным достоинством книги также является стремление автора анализировать национальную историю в категориях и методологии, применяемых современными историками, антропологами, социальными психологами к другим странам и культурам. Многолетний опыт преподавания в американских университетах научил Вермеша легко переходить от историко-антропологических обобщений П. Бёрка к наблюдениям из венгерской истории, сделанным Д. Кошари, М. Чаки или А. Мишкольци. Это замыкает узкие рамки сугубо национального подхода к прошлому, позволяет представить «вихрь культурных перемен», охвативших Венгрию, в контексте типологически сходных явлений.

Во введении Вермеш сам называет образец, которому стремился подражать – книгу британца Тима Блэннинга «Культура власти и власть культуры. Европа старого порядка, 1600–1789». В ней автор исследует зарождение и распространение публичной сферы – не подвластной государству формы самоорганизации индивидов, собравшихся вместе в добровольном стремлении к обмену идеями. Авторитет властителей дум не имел ничего общего с сословным статусом. Общество, которое вскоре начнут именовать гражданским, само выбирало тех, кому верило и к кому прислушивалось. Подобно Блэннингу, Вермеш исследует процесс зарождения публичной сферы

в феодальной Венгрии, пытается понять механизмы выражения и распространения господствующих идей XIX в. – либерализма и национализма.

На протяжении всей книги автор – чуткий диагност общественных настроений – отслеживает, как буржуазно-либеральные принципы сначала робко и непоследовательно, затем все более осознанно и отчетливо звучали в высказываниях, суждениях, программах общественных деятелей XIX в. Некоторым главам книги автор дал яркие, даже хлесткие заголовки. Так, период между 1711 г. и первыми признаками укоренения в стране идей европейского Просвещения и культурной открытости в конце века он описал в главе «Радости и горести топтания на месте». В первые два десятилетия XIX в., по его словам, происходит «Медленная эрозия традиционализма» (Гл. 4), а затем начинается движение «Нетвердой поступью к реформам» (Гл. 5), где в конце пути – не прорыв, но складывание (всего лишь) либеральной «субкультуры».

Автор констатирует, что у подлинно либеральной системы взглядов не было и не могло быть в феодальной Венгрии широкой социальной базы. С одной стороны, в ходе оживленных, порой непримиримых и ожесточенных дискуссий о путях реформ в 30–40-е годы XIX в. «энергия, направляемая на преобразование общества» – приняв поначалу облик культурного национализма с его преимущественным вниманием к языку, литературе, театру – включила в свою орбиту социальные отношения, политические институты, экономические механизмы. С другой стороны, необходимость защищать государственную автономию королевства от централизаторских усилий Вены побуждала как «ультраконсервативное» большинство, так и проникнутые идеями свободы меньшинство апеллировать к такому памятнику сословной правовой культуры, «альфе и омеге» дворянской исключительности, как «Трипартитум» И. Вербёци – частной кодификации права, приобретшей обязательную силу посредством практики применения обычая. Большинство фигур

«эпохи реформ» (за исключением молодого поколения дворян, чей политический идеализм был следствием художественно-философского влияния романтизма) во второй четверти XIX в. принадлежали к обоим лагерям: жаждали духовного обновления, общественных преобразований, но не позволяли трогать сословную «конституцию» (совокупность основополагающих законов королевства), цементирующую социальное неравенство.

Интеллектуал либеральных убеждений, Вермеш вольно или невольно рассматривает общество «старого порядка» через буржуазно-либеральную призму. С одной стороны, он декларировал необходимость «понять обладающий великой силой сословный менталитет с точки зрения эпохи, окружения, тогдашней иерархии ценностей, так чтобы не идеализировать его и не очернять» [1, с. 66]. С другой стороны, у читателя не остается сомнений, что автору глубоко чужд социальный уклад старой Венгрии, где дворянство не просто провозглашало себя нацией, но и фактически монополизировало сословное полноправие (здесь автор выступает единомышленником историка права Ласло Петера, который после 1956 г. покинул Венгрию и преподавал в Лондонском университете). Примечательно, что очерк о социальной структуре Венгрии он начинает не с вершины – дворянства, а с крестьянства, трудом которого создавалось материальное благосостояние общества.

Беспристрастность покидает Вермеша в пассажах, подобных этому: «Влияние мелкого дворянства в период с 1750 по 1848 гг., несомненно, возросло, так что в XVIII в. лишь единицы могли представить, что Венгрию ждет подлинно демократическое будущее» [1, с. 38]. Или в другом месте: «Реформу образования в Венгрии характеризовали мелкие победы и гораздо более глубокие разочарования, ибо чего могут добиться реформы в стране, где глубокая экономическая отсталость сочетается с высококоразвитой социальной спесью и чувством социального превосходства у дворянства» [1, с. 44]. И это о самой успешной, по мне-

нию историков, реформе Марии Терезии – учебном плане «Ratio educationis», провозгласившем (пусть отчасти декларативно) принцип обязательности и бесплатности начального образования на одном из семи распространенных в королевстве языках.

Интересно видение Вермешем венгерского национализма, который – за его мощнейшее каталитическое воздействие на политическую мобилизацию общества, формирование современного языка, культурную консолидацию – в историографии нередко принято идеализировать. Автор с сожалением отмечает, что «национализм связал общество, но не уничтожил ни культурных, ни социальных границ». Более того, века борьбы с Габсбургами и османами оставили на нем неизгладимый след. Национализм объединил в себе, с одной стороны, пораженчество и предчувствие катастрофы, с другой – героизм и необоримую жизненную силу. Страх перед явными и мнимыми угрозами (со стороны сербов или румын) породил тезис о превосходстве мадьяр над

другими народами королевства и, как следствие, дискриминационные меры в их отношении всякий раз, когда правящая элита страны испытывала страх перед расширением сферы влияния России на Балканах. Героическое начало в национализме выродилось в самолюбование и воспевание собственной исключительности, запечатленное в памятниках эпохи Миллениума – празднования тысячелетия прихода мадьяр в бассейн Карпат, пришедшегося на конец XIX в.

Вермеш – не первый венгерский интеллектуал, кто в полемических эссе перебирает мост между прошлым и днем сегодняшним. В новой книге он всматривается в один из самых светлых, полных надежд периодов венгерской истории. Историк предлагает заимствовать там примеры для подражания и черпать веру в то, что будущее страны не высечено раз и навсегда резцом по камню, но находится в руках поколений, способных, оглядываясь на достойных подражания предков, менять судьбы нации к лучшему.

Литература

1. Vermes G. *Kulturális változások sodrában. Magyarország 1711 és 1848 között. Bp., 2011. 289. old.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрашитов Элик Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарных знаний (г. Казань) / b-el@rambler.ru

Авдеев Евгений Александрович – аспирант 1-го года обучения по специальности 09:00:13 – Социальная философия Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ewg.avdeev@yandex.ru

Адаменко Олеся Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / Olesya-4@yandex.ru

Андрейченко Галина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / galandra2007@yandex.ru

Бочкарёва Зоя Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / istoriirossii@yandex.ru

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / bul.tamara2011@yandex.ru

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры общей социологии и политологии Института образования и социальных наук Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / galkina_e@rambler.ru

Гладышева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва) / aneta_08.09@mail.ru

Денека Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, председатель судебного состава Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, (г. Краснодар) / irina_den@list.ru

Дюмон Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / rgya-mk@yandex.ru

Еремينا Виктория Владимировна – аспирантка 2-го года обучения по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / vikesha28@yandex.ru

Иванов Вадим Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / vanoff.vad@yandex.ru

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / isu-socf@yandex.ru

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kolesnikovam@rambler.ru

Лохова Ирина Владимировна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета / irchik148@rambler.ru (г. Владикавказ)

- Луговой Дмитрий Борисович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры средств массовой информации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / D.lugovoy@rambler.ru
- Мерзликина Раиса Алексеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / 19551507@mail.ru
- Молчанова Элеонора Владимировна** – студентка II курса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / flamenko0989@mail.ru
- Новикова Оксана Николаевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов» (филиал в г. Ставрополе) / novikovaon@mail.ru
- Онопrienко Аlesia Васильевна** – кандидат политических наук, доцент кафедры кафедра социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ales79@bk.ru
- Пантюхина Татьяна Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / pantyukhina@rambler.ru
- Погребная Яна Всеволодовна** – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / maknab@bk.ru
- Романенко Сергей Александрович** – доктор исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), член редколлегии журнала «Migracijske teme» (г. Загреб) / serg.hist@gmail.com
- Садченко Валентина Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / vshistory@mail.ru
- Сапрыкина Екатерина Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / saprikat@rambler.ru
- Сергодеева Елена Александровна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / sergodeewa@rambler.ru
- Стыкалин Александр Сергеевич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, зам. главного редактора журнала «Славяноведение» (г. Москва) / zhurslav@gmail.com
- Тельменко Елена Павловна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / teilman@mail.ru
- Хаванова Ольга Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва) / austrian.centre.inslav@gmail.com
- Шандулин Евгений Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / shandulin@yandex.ru
- Шевченко Марина Васильевна** – студентка I курса магистратуры Юридического института СКФУ (г. Ставрополь), ведущий специалист службы по вопросам опеки и попечительства отдела образования администрации Шпаковского муниципального района Ставропольского края / m.Shevchenkomarina@mail.ru

Научное периодическое издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2014. № 2(2)

Редактор, технический редактор Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка И. В. Бушманова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 24.06.2014

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 20,2
Заказ 359

Уч.-изд. л. 16,03
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

